

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2022 Том 27 № 3

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Маркова Е.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ассистент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: glazkova1992@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпйт, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2022. Выход в свет 30.09.2022. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 500 экз. Заказ № 834. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2022 VOLUME 27 NUMBER 3

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina A. Markova, PhD in Philology, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, lecturer, Department of Russian and Foreign Literature at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: glazkova1992@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Корнеев А.В. Космогнозехатологический и пасхальный архетипы в творчестве Даниила Хармса 1930-х гг. 459

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Нефёдова Н.И. Литература русофонии 468

Леднева Д.М. Жанровые особенности повестей Марины Палей 477

КОМПАРАТИВИСТИКА

Лю Ч., Кузьмищева Н.М. Кубофутуристическая поэтика в стихотворении «Ночь» В. Маяковского в интерпретации китайских переводчиков 488

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Бережная Е.П. Русские формалисты и русская литература 497

Липке Ш. Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И.С. Тургенева «Первая любовь» 504

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Поветкина П.Б. Сонный паралич: на пересечении биологии и фольклора 514

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Suvorov M.N. The Soviet Union in two Arab novels (Советский Союз в двух арабских романах) 523

Kadam D.M. Diasporic consciousness in contemporary Indian women's fiction in English: at a glance (Диаспорное сознание в современной индийской женской прозе на английском языке: краткий обзор) 532

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

Кодола Н.В. Вузовские СМИ 30-х годов XX века: историко-типологический анализ 541

Kim S. Korean media under the American military administration (1945–1948) (Корейские СМИ при американской военной администрации (1945–1948)) 551

Куликова Э.Г. Прагматическая энантиосемия социально-политических терминов и ее отражение в современных медиа 557

Осокин А.А., Цинь Х. Позиционирование как дискурсивная стратегия 567

Долгова Ю.И., Ершов Н.О., Чан Т.Т.З. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения 573

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Брусенская Л.А., Беляева И.В. Сравнение как средство убеждения и инструмент манипуляции: особенности применения в медиапространстве 590

НОВЫЕ МЕДИА

Лободенко Л.К., Перезова О.В., Череднякова А.Б., Харитоновна О.Ю. Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ 600

Поляков М.Л., Слепцов Н.А. Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016–2021) 615

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Печенкина О.Ю. Новый подход к преподаванию русского языка журналистам. Рецензия на книгу: *Глазков А.В.* Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 490 с. 631

Уразова С.Л. Ученый-инноватор, творец и создатель. Рецензия на книгу: М.И. Кривошеев. Строки судьбы. Мемуары патриарха телевидения / ред. Г.Е. Иткис, А.М. Кривошеева, А.К. Карагезьян. М.: ВегаПринт, 2022. 384 с. 638

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Korneev A.V.** Cosmogoneschatological and Easter archetypes in the work of Daniil Kharms in the 1930s 459

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Nefedova N.I.** Russophone literature 468
Ledneva D.M. The genre features of the novels by Marina Paley 477

COMPARATIVE STUDIES

- Liu C., Kuzmishcheva N.M.** Cubo-futuristic poetics in the poem “Night” by V. Mayakovsky in the interpretation of Chinese translators 488

THEORY OF LITERATURE

- Berezhnaya Ye.P.** Russian formalists and Russian literature 497
Lipke S. Mimetic desire, competition between father and son and traumatic experience in Ivan Turgenev’s novella “First Love” 504

FOLKLORE

- Povetkina P.B.** Sleep paralysis: at intersection of biology and folklore 514

FOREIGN LITERATURE

- Suvorov M.N.** The Soviet Union in two Arab novels 523
Kadam D.M. Diasporic consciousness in contemporary Indian women’s fiction in English: at a glance 532

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Kodola N.V.** University media of the 30s of the twentieth century: historical and typological analysis 541
Kim S. Korean media under the American military administration (1945–1948) 551
Kulikova E.G. Pragmatic enantiosemey of socio-political terms and its reflection in modern media 557
Osokin A.A., Jin H. Positioning as a discursive strategy 567
Dolgova Yu.I., Ershov N.O., Dung T.T.T. Genre-format features of modern entertainment television 573

AXIOLOGY OF JOURNALISM

- Brusenskaya L.A., Belyaeva I.V.** Comparison as a means of persuasion and a technique of manipulation: features of application in media space 590

NEW MEDIA

- Lobodenko L.K., Perevozova O.V., Cherednyakova A.B., Kharitonova O.Yu.** Analysis of the representation of environmental issues in the social networks of regional Internet media 600
Polyakov M.L., Sleptsov N.A. The shift in media consumption in Russia: overview of trends 2016–2021 615

REVIEWS

- Pechenkina O.Yu.** New approach to the teaching of Russian for journalists. Book review: Glazkov, A.V. (2022). *Semantics: From word to text: Handbook and practicum for high schools*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.) 631
Urazova S.L. The scientist-innovator, creator and producer. Book review: Itkis, G.E., Krivosheeva, A.M., & Karagesyan, A.K. (Eds.). (2022). *M.I. Krivosheev. Strings of fate. Memoirs of the patriarch of television*. Moscow: VegaPrint. (In Russ.) 638

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

**Космогнозехатологический и пасхальный архетипы
в творчестве Даниила Хармса 1930-х гг.**

А.В. Корнеев

*Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр-кт Ленина, д. 36*

 alexlea2013@gmail.com

Аннотация. Изучается динамика творчества Д.И. Хармса 1930-х гг.: если его раннее творчество функционирует в соответствии с представлениями о космогнозехатологическом архетипе, то позднее он обращается к пасхальному архетипу, в особенности в повести «Старуха» (1939), которая может быть описана как финальная точка отказа от авангарда. Цель исследования – показать процесс перехода Хармса от космогнозехатологического к пасхальному архетипу. Этот процесс в творчестве Хармса описывается впервые. Материал исследования – произведения Хармса 1930-х гг. Методология исследования определяется современными теоретическими представлениями о категориях архетипа и мифа. Переход от космогнозехатологического архетипа к пасхальному начинается в творчестве Хармса рассказом «Утро» (1931). В этом рассказе Хармс сосредотачивается на описании быта, при этом главным мотивом в рассказе становится мотив ожидания чуда, которое так и не произойдет. Данный рассказ отличается от предшествующих произведений Хармса и показывает отход писателя от позиций собственных философских трактатов 1927–1931-х гг. и от свойственного авангарду типу мышления – космогнозехатологического архетипа. Это приводит к разрушению в его творчестве мифа как картины мира, объясняющей мир, к формированию сюжета сомнения, функционирование которого приводит к тотальной бессвязности и разобщенности в его поэтике. Итогом становится повесть «Старуха», в которой актуализируется архетип Пасхи, в результате чего происходит связанное с обращением к Богу духовное возрождение героя.

Ключевые слова: Даниил Хармс, миф, авангард, космогнозехатологический архетип, пасхальный архетип

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корнеев А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 12 мая 2022 г.; откорректирована 13 мая 2022 г.; принята к публикации 14 июня 2022 г.

Для цитирования: Корнеев А.В. Космогноэсхатологический и пасхальный архетипы в творчестве Даниила Хармса 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 459–467. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467>

Cosmogoneschatological and Easter archetypes in the work of Daniil Kharms in the 1930s

Alexander V. Korneev

Tomsk State University,
36 Prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation
✉ alexlea2013@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the dynamics of D.I. Kharms' creativity in the 1930s: if his early work functions in accordance with the ideas of the cosmogoneschatological archetype, then later he turns to the Easter archetype, especially in the story "The Old Woman" (1939), which can be described as the final point of abandonment of the avant-garde. The goal is to show the process of Kharms's transition from the cosmic-eschatological to the Easter archetype. This process in the work of Kharms is described for the first time. The research material is Kharms' works of the 1930s. The methodology is determined by modern theoretical ideas about the categories of archetype and myth. The transition from the cosmogoneschatological archetype to the Easter archetype begins in the work of Kharms with the story "Morning" (1931), where Kharms focuses on describing everyday life, while the main motive in the story becomes the motive of waiting for a miracle that will never happen. This story differs from the previous works of Kharms and shows the writer's departure from the positions of his own philosophical treatises of 1927–1931 and from the type of thinking characteristic of the avant-garde – the cosmic-eschatological archetype. This leads to the destruction of the myth in his work as a picture of the world that explains the world, leads to the formation of a plot of doubt, the functioning of which leads to total incoherence and disunity in his poetics. The result is the story "The Old Woman," in which the archetype of Easter is actualized, as a result of which the spiritual revival of the hero associated with the appeal to God takes place.

Keywords: Daniil Kharms, myth, avant-garde, cosmogoneschatological archetype, Easter archetype

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 15, 2022; revised May 13, 2022; accepted June 15, 2022.

For citation: Korneev, A.V. (2022). Cosmogoneschatological and Easter archetypes in the work of Daniil Kharms in the 1930s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 459–467. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467>

Введение

В 1930-х гг. в творчестве Д.И. Хармса происходит перелом. В «Старухе» (1938) он отказывается от авангарда и обращается к «неоклассическим формам» (Кобринский, 2008, с. 433). Как будет показано в данном исследо-

вании, это становится финальной точкой ранее выявленного процесса перехода Хармса от космогноэсхатологического архетипа к пасхальному (Корнеев, 2022).

Творчество авторов-авангардистов определяется космогноэсхатологическим архетипом¹. Данный архетип в творчестве выражается в мотиве разрушения различных предметом². Однако в позднем творчестве Хармса наблюдается обращение к иному архетипу: так, в повести «Старуха» он обратился к пасхальному архетипу (Корнеев, 2021).

В современном литературоведении пасхальный архетип выделяется в качестве особой категории исследования. Основу подходов к его изучению заложил И.А. Есаулов, определив как «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий» (Есаулов, 2008, с. 166). Обращение к иному архетипу в поздние годы указывает на изменение «типа мышления».

В литературном произведении архетип может быть реализован на разных уровнях художественной структуры. Данное исследование сосредоточено на реализации архетипа в сюжете произведения. Как покажет дальнейший анализ, процесс изменений архетипов, определяющих тип мышления Хармса, выразится в формировании в его произведениях сюжета сомнения, проявляющегося в выборе между верой и неверием, двумя мирами, подчиненными чуду и случайности и даже конфликту, который в ряде произведений Хармса, например в цикле «Случай», становится одним «из самых эффективных герменевтических указателей к пониманию текста, определяющих направление интерпретации» (Хомякова, 2021, с. 503).

Цель исследования – показать динамику изменения «типа мышления» Хармса, его постепенный отказ от космогноэсхатологического архетипа и обращение к пасхальному архетипу. Новизна исследования заключается в том, что динамика этого перехода описывается впервые. Актуальность определяется актуальностью архетипического, мифопоэтического и сравнительно-исторического методов в современном литературоведении. Методология исследования обусловлена теоретическими исследованиями архетипа и мифа в творчестве Хармса и архетипа и мифа в целом.

В качестве определения понятия архетипа используется представление о «типе мышления», сформулированное И.А. Есауловым. Следует сделать уточнение, что И.А. Есаулов обращается в первую очередь к сюжетным схемам, определяющим мышление человека. В актуальном современном исследовании Т.Н. Козиной следующим образом определяются черты пасхального архетипа и наиболее выражающего его жанра пасхального рассказа (к которому относится и повесть «Старуха»): «Основной идеей пасхального рассказа становится преобразование жизни, уничтожение в себе „ветхого человека“, очищение от грехов, прощение обидчика во имя спасения души, проявление способности радоваться чужому счастью. Основной принцип

¹ Гирин Ю.Н. Диалектика авангарда. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda> (дата обращения: 03.08.2021).

² Там же.

развития сюжета – пасхальное ожидание и вера в чудо Воскресения» (Козина, 2019, с. 22).

Помимо этого, в качестве основы для анализа мифопоэтики используется следующая формула мифа А.Ф. Лосева: «В словах данная чудесная личностная история» (Лосев, 2001, с. 171). Ключевым является понятие «чуда»: «Всегда мы наблюдаем только *частичное* совпадение реально-вещественного образа вещи с ее идеальной заданностью-выполненностью, с ее первообразом. <...> Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, *чудесным*, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии <...> выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. *Это и есть настоящее место для чуда*» (Лосев, 2001, с. 185) (курсив А.Ф. Лосева. – А.К.). При переходе от одного архетипа к другому в творчестве Хармса будет происходить разрушение картины мира, с которой связана личностная история.

Результаты

Раннее творчество Хармса является убедительным подтверждением описания мифологического мышления авангарда Ю.Н. Гириным³, поскольку в нем сюжеты творения и разрушения мира имеют особую, свойственную авангарду роль: художник становится особой мессианской фигурой, разрушающей и воссоздающей заново реальность. С 1927 по 1931 г. Хармс пишет многочисленные философские трактаты, в которых исследует границы человеческого «я» и мира, который определяется или, в терминологии Хармса, «регистрируется» художником (Шадрин, 2009). В данных многочисленных трактатах часто встречаются мотивы разрушения и созидания.

Начиная с 1931 г. в произведениях Хармса идея власти человека над реальностью разрушается, субъект сталкивается с силой, превосходящей его, которая стремится подчинить его самого. Разрушение личностной истории оказалось связано с постепенным отхождением Хармса от космогнозического архетипа. Впервые это обнаруживается в рассказе «Утро». Сюжет посвящен ожиданию чуда, повествователь ждет свершения хотя бы какого-нибудь чуда и фрустрирован тем, что не получает ответа на свои молитвы. На скрытое за этим религиозное напряжение указывают дневники (Хармс, 2002). С 1931 г. Хармс в них постоянно описывает свое состояние. Далее в его дневниковых записях все чаще встречаются упоминания о собственных пороках и о том, что Хармс «погибает» в них (Хармс, 2002). Ощущение бессилия перед собственными грехами позже найдет выражение в повести «Старуха». Наконец, в этом же 1931 г. у него появляется замысел так и не написанной повести о Христе.

В рассказе «Утро» идеальный и реальный планы бытия находятся в конфликте, их ожидаемая встреча, вопреки вере и желанию героя, не может состояться. Поэтому сомнение является преобладающим настроением героя, под этой силой сомнения разрушается его старый образ мира и себя, и этот

³ *Гирин Ю.Н.* Диалектика авангарда. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda> (дата обращения: 03.08.2021).

путь изменения мышления героя, как уже отмечалось ранее, напрямую связан с религиозными переживаниями Хармса. Рассказчик выбирает между двумя моделями мира: подчиненного чуда и подчиненного случайности. Чудо как проявление высшей идеальной реальности, движению судьбы, встречи с Богом противопоставлено случайности и бессмысленности человеческого существования без Бога. Поскольку этой встречи, чуда, не происходит, за рассказчиком и читателем остается выбор между верой и неверием, что и формирует сюжет сомнения.

Сюжет сомнения явно проявляется в стихотворении 1933 г. «Жил-был в доме тридцать три единицы...», в котором описываются события, происходящие после смерти одного из жильцов многоквартирного дома. Подчеркнуто сказочный зачин стихотворения – «жил-был», тридцать три единицы, ассоциирующиеся с 33-мя богатырями А.С. Пушкина, – сменяется изображением лишенной смысла, обесцененной бытовой жизни жителей этой квартиры. Жизнь старика обесценивается смертью, он становится только объектом, с которым осуществляют манипуляции как с неживым предметом: его передвигают, толкают, из-под него выдергивают кровать, его вещи начинают постепенно разворовывать. Именно размытие границ человеческого тела, подмены отношения к нему уже не как к человеку, а как к предмету, а также встреча с таинственным и неопределенным – смертью, вызывает ощущение ужаса. В совокупности это формирует в творчестве Хармса специфический, близкий к экзистенциальному тип абсурда. Абсурд в произведениях 1930-х гг. показывает деформированное состояние мира, не соответствующее его должному состоянию. Случайный и хаотичный отбор событий, разрушение в нем связей как личностных между людьми, так и сюжетных, изображение смерти и насилия, людей как недочеловеков связано с разрушением личностной истории.

В связи с этим особенно важно то, что в стихотворении «Жил-был в доме тридцать три единицы...» обнаруживается повторяющийся мотив круга. Например, в образе доктора: «Доктор с веснушками возле губ // катал по столу хлебный шарик при помощи медицинской трубы» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Врачи лечат пациентов, он же приходит к уже умершему пациенту и неизбежно проигрывает борьбу со смертью. При этом бессмысленность связана, прежде всего, с круговыми движениями персонажей. Сразу после доктора упоминается один из жильцов: «Тот, кому принадлежала квартира, // гулял по коридору от прихожей до сортира» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Поведение племянника старика также обесценивает его, он словно забыл, что умер его родной человек, и притягивая к себе внимание, ведет себя так, словно не понимает, что такое смерть, путая ее с праздником: «Племянник покойника, желая развеселить собравшихся гостей кучку, // заводил граммофон, вертя ручку» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Вращение ручки также связано с фигурой круга, что позволяет говорить о сквозном мотиве круга в данном произведении.

Этот текст важен, поскольку указывает на существенное изменение поэтики Хармса, и важным аргументом здесь являются существенные изменения в его восприятии круга. Если раньше в трактатах для Хармса круг был идеальной фигурой (Шадрин, 2009), воплощающей полноту, то теперь круг

указывает на бессмысленность человеческого существования и больше не связан со сферой трансцендентного. Ему по-прежнему важна проблема предметных границ и границ человека, однако человек уже не предстает всемогущим регистратором мира. Также ему по-прежнему важно найти путь за пределы обычной реальности, однако теперь его попытки остаются неудачными. Следовательно, в творчестве Хармса есть два разных вида абсурда: один связан с удивительным чудом, позволяющим выйти за границы реальности, а другой – с бессмысленным движением человечества по кругу обыденности. Это наблюдается позже в «Старухе» – в первой части текста герой постоянно движется по кругу: от своего дома к дому Сакердона Михайловича и обратно.

Следующей важной вехой является цикл «Случаи», который состоит из произведений, изначально не связанных между собой. Принцип их объединения обусловлен представлением Хармса о времени, основанном на философии Успенского: «в мире четырех измерений время – неостановимый и непрерывно движущийся процесс, что равнозначно его несуществованию. Время ощутимо по событиям, которые случаются, – это свойство плоского трехмерного мира. Его Хармс и описывает: «Поскольку истинное место пребывания человека – вневременная вечность, то все, что происходит во временном мире, не просто нереально и неистинно, но и отвратительно и уродливо» (Хармс, 2011, т. 2, с. 432–433). Так, мир в творчестве Хармса преимущественно изображается как ряд картин, между которыми нет связи, однако в целом они изображают уродливую эмпирическую реальность.

Особое внимание обращают на себя произведения «Оптический обман», «Макаров и Петерсен». Особенностью этих текстов является то, что в нем герои выбирают между двумя реальностями. Например, в рассказе «Оптические обман», герой, глядя в очки, видит сидящего на дереве мужика, который показывает ему кулак, однако отказывается в него верить. Так Хармс ставит проблему веры и неверия, выбора между верой и неверием.

Похожая проблема есть и в единственном рассказе цикла, в котором приведена бесспорная цитата из Евангелия, – это «Макаров и Петерсен». Петерсена ждет суд за его неверие: «Неверующий Петерсен исчезает <...> мотив неверия именно с точки зрения христианства подтверждается еще одной деталью рассказа. Петерсен <...> говорит: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!» (Кувшинов, 2014, с. 17). С помощью Евангелия актуализируется сюжет суда над грехом. Важно, что благодаря этому Хармс создает особую модель мира, подчиненного случайности.

Именно это приводит к тотальной бессвязности в поэтике Хармса в ряде его текстов середины 1930-х гг. В рассказах «О наших гостях» (середина 1930-х гг.), «Однажды Антон Бобров сел в автомобиль» (середина 1930-х гг.), «Вот однажды один человек по имени Петров» (середина 1930-х гг.), «Происшествие в трамвае» (середина 1930-х гг.), «Мионов сел на трамвай и поехал...» (1934–1936), «Кассирша» (1936), «Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим...» (1936–1937) персонажи совершают суетливые, бессмысленные поступки. Повествование в них тотально разрушено, Хармс постоянно нарушает конвенциональные эстетические нормы создания художественных текстов.

Так, рассказ «Кассирша» соотносим со стихотворением «Жил-был в доме тридцать три единицы...» способами воссоздания чувства ужаса: мертвое тело усаживают за кассу, то есть обращаются с ним, как с вещью, что сближает этот текст с «Жил-был в доме тридцать три единицы...». В произведении «Мионов сел на трамвай и поехал...» воспроизводится мотив внезапной смерти. Единственное, что происходит в этом рассказе – это смерть Мионова и составление милиционером протокола о том, что персонаж не умер насильственной смертью. Мионов умер бессмысленно, без причины. Благодаря свойственному Хармсу анекдотически-протокольному тону, смерть Мионова уподобляется здесь в итоге событию покупки чайника в рассказе «Происшествие в трамвае», и последняя кажется даже более удивительной персонажам Хармса, чем смерть человека. Рассказ «Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим» позволяет соотнести эти произведения середины 1930-х гг. с рассказом «Утро», поскольку поднимает проблему веры и неверия.

Итогом становится повесть «Старуха». В повести «Старуха» актуализируется архетип Пасхи (Корнеев, 2021). Сначала Хармс последовательно разрушает архетипический сюжет Пасхи вплоть до кульминации повести, в которой затем восстанавливает свойственные этому архетипу элементы, в результате чего происходит связанное с обращением к Богу духовное возрождение героя. Изначальное разрушение сюжета Пасхи вызвано нравственной деформированностью героя и мира, восстановление же этого архетипического сюжета создает ощущение удивительного и чуда. Чудо – центральная категория в этой повести, о ее особом значении писала А.Г. Герасимова⁴. Важно, что она выделяла как главную тему этой повести свободу воли; наш анализ позволяет говорить об этом более конкретно: это свободный выбор между верой и неверием. Герой повести «Старуха» обретает спасительную веру, увидев роль судьбы в своей жизни. А.Ф. Лосев связывал действие судьбы и чуда как встречи реального и идеального планов бытия: «И распоряжается нами только судьба, не кто-нибудь иной. – Итак, в чуде встречаются два личностных плана» (Лосев, 2001, с. 183). Именно действие силы судьбы как божественного промысла позволяет в финале повести герою пережить возрождение, воскреснуть вместе со Христом, обрести спасительную веру. Эмоциональный подъем в кульминации повести связан с чувством удивления тому, что чудо действительно случается, и рассказчик переживает встречу с Богом. В целом «Старуха» – история встречи рассказчика с Богом, поэтому это «чудесная личностная история» рассказчика, в соответствии с формулой А.Ф. Лосева.

Крайне важно, что в этой повести противопоставляется случайность и чудо, причем связанное с судьбой и, следовательно, планом Бога. Чудо в данном случае понимается вновь в ключе концепции А.Ф. Лосева как встреча эмпирического и идеального планов реальности. На это указывает окончание молитвы «Отче наш» (Хармс, 2011, т. 2, с. 422). Герой обращается к Богу, смирившись перед ним. Главным чудом в повести становится обрете-

⁴ Герасимова А.Г. Даниил Хармс как сочинитель (Проблема чуда). URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-kak-sochinitel.html> (дата обращения: 03.08.2021).

ние героем веры, вопреки всему. Обращает на себя внимание то, что Хармс приводит именно окончание молитвы, что превращает весь предшествующий текст в молитву, освящает и очищает его.

Заключение

Выполненный анализ позволяет следующим образом проиллюстрировать динамику в творчестве Даниила Хармса. Произведения 1930-х гг. свидетельствуют о коренных изменениях в его поэтике, которые начинаются в 1931 г. и достигают своей финальной точки в 1939 г., что оказалось связанным с постепенным отказом писателя от авангарда. С 1931 г. источником абсурда в произведениях Хармса становится бессмысленность существования человека. Основной проблемой этих произведений оказывается невозможность человека перейти к иной, божественной реальности. Эта проблема разрешается в «Старухе» через обращение рассказчика к Богу.

Динамика перехода от космогнозехатологического архетипа к пасхальному оформляется в сюжет сомнения, свойственный творчеству Хармса 1930-х гг., с помощью которого осуществляется выбор героев между верой и неверием, между двумя мирами – подчиненного чуда и подчиненного случайности.

Список литературы

- Есаулов И.А. Пасхальный архетип русской литературы как фактор жанропорождения // Дергачевские чтения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. Т. 1. С. 164–173.
- Кобринский А.А. Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2008. 501 с.
- Козина Т.Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов: Юком, 2019. 80 с.
- Корнеев А.В. Архетип Пасхи в повести «Старуха» Даниила Хармса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 7. С. 1969–1974. <https://doi.org/10.30853/phil210359>
- Корнеев А.В. Метанойа Даниила Хармса: переход от космогнозехатологического к христианскому мифу и отказ от авангарда // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 98–111. <https://doi.org/10.17223/24099554/17/5>
- Кувшинов Ф.В. Оккультизм в творчестве Д.И. Хармса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 14–18.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. Кн. 1 // Полное собрание сочинений. СПб.: Академический проект, 2002. 484 с.
- Хармс Д.И. Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011.
- Хомякова О.Р. Конфликт как категория литературоведения: аналитические стратегии исследования // Вестник Российский университет дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 26. № 3. С. 501–510. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-501-510>
- Шадрин А.А. Реальность пограничного существования «Я» в «Мыре» Даниила Хармса. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 122 с.

References

- Esaulov, I.A. (2008). Easter archetype of Russian literature as a factor in genre generation. *Dergachevskie Chteniya: Conference Proceedings* (pp. 164–173). Yekaterinburg. (In Russ.)

- Kharms, D.I. (2002). *Notebooks. Diary. Book 1*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ.; 2002. (In Russ.).
- Kharms, D.I. (2011). *Collected works*. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. (In Russ.).
- Khomyakova, O.R. (2021). Conflict as a category of literary studies: Analytical research strategies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 501–510. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-501-510>
- Kobrinskij, A.A. (2008). *Daniil Kharms*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.).
- Korneev, A.V. (2021). The archetype of Easter in the story “The Old Woman” by Daniil Kharms. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, (7), 1969–1974. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210359>
- Korneev, A.V. (2022). Metanoia of Daniil Kharms: A transition from cosmogono-eschatological to Christian myth and rejection of the avant-garde. *Imagologiya i Komparativistika*, (17), 98–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/17/5>
- Kozina, T.N. (2019). *The evolution of the Easter archetype*. Tambov: Yukom Publ. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.V. (2014). Occultism in D.I. Harms creative activity. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye Nauki*, (2), 14–18. (In Russ.).
- Losev, A.F. (2001). *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.).
- Shadrin, A.A. (2009). *The reality of the borderline existence of “I” in “Myr” by Daniil Kharms*. Izhevsk: Udmurt University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Корнеев Александр Владимирович, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Томский государственный университет. ORCID ID: 0000-0002-8021-2542. E-mail: alexxlea2013@gmail.com

Bio note:

Alexander V. Korneev, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University. ORCID ID: 0000-0002-8021-2542. E-mail: alexxlea2013@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-468-476

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Литература русофонии

Н.И. Нефёдова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51*

 nefyodova.ni@gmail.com

Аннотация. В некоторых исследованиях конца XX – начала XXI в. по отношению к художественной литературе, созданной на русском языке, наряду с понятиями «русская литература» или «русскоязычная литература» можно увидеть другой термин: «литература русофонии». В исследовании предпринята попытка рассмотреть различные варианты понимания исследователями слова «русофония», изучить взгляды ученых на пространственные и временные границы этого явления. Кроме того, представлены и проанализированы различные классификации, позволяющие определить корпус текстов, которые можно отнести к литературе русофонии, и место этой литературы в современном литературном процессе. На основе изучения посвященных данной теме работ, как отечественных, так и зарубежных ученых, сделаны выводы о том, что зарождение русофонии относят к периоду колониальной экспансии Российской империи в Центральную Азию и на Кавказ. Развитие национальных литератур и идеология дружбы народов во времена СССР, распад Советского Союза (когда жители одного государства стали гражданами разных стран) способствовали развитию и широкому распространению русофонии. Территориальные границы этого явления, а также литературы русофонии не ограничиваются географическими границами тех или иных государств. Более того, можно предположить, что словосочетание «литература русофонии» весьма синонимично выражению «русскоязычная литература». Однако по отношению к современной русскоязычной литературе наиболее удобным и обоснованным является употребление выражения «литература русофонии», так как этот термин, как отмечают некоторые исследователи, не является этнически, политически и географически привязанным, более нейтрален, благозвучен (например, при переводе на английский язык).

Ключевые слова: русофония, литература русофонии, русская литература, русскоязычная литература, литература на русском языке, современная русская литература

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 января 2022 г.; откорректирована 3 мая 2022 г.; принята к публикации 1 июня 2022 г.

© Нефёдова Н.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Нефёдова Н.И. Литература русофонии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 468–476. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-468-476>

Russophone literature

Nadezhda I. Nefedova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, bldg 51, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ nefyodova.ni@gmail.com

Abstract. According to the papers of late 20th and early 21st centuries devoted to the belles-lettres written in Russian, a term “Russian literature” or “Russian-language literature” is used along with another term “Russophone literature.” The different understandings of the word “Russophonia” are presented, the views of scientists on the spatial and temporal boundaries of this phenomenon are studied. Additionally, the author provides and analyzes various classifications that allow the users to determine the text corpus attributable to the Russophone literature, as well as the place of this literature in the modern literary process. Based on the study of relevant works by both domestic and foreign scientists, it was concluded that the term of Russophonia dated back to the times of the Russian Empire's colonial expansion in Central Asia and the Caucasus. The development of national literatures and the ideology of people's friendship during the Soviet period, the collapse of the Soviet Union (when people living in one state became the citizens of different countries) contributed to the development and widespread dissemination of Russophonia. This phenomenon, as well as the Russophone literature, is not limited to the geographical boundaries of the states. It can be also assumed that the “Russophone literature” is fairly synonymous with the expression “Russian-language literature.” Still, the use of the “Russophone literature” is considered to be the most suitable and reasonable in relation to the modern Russian-language literature since, according to a number of researchers, it has no ethnical, political and geographical correlation. It is more neutral and harmonious (for example, when translated into English).

Keywords: Russophonia, Russophone literature, Russian literature, Russian-language literature, literature in Russian, modern Russian literature

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 19, 2022; revised May 3, 2022; accepted June 1, 2022.

For citation: Nefedova, N.I. (2022). Russophone literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 468–476. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-468-476>

Введение

Составление полноценной картины современного литературного процесса сложно представить без изучения текстов, которые долгое время находились как бы на периферии научных исследований. Речь идет о произведениях, написанных на русском языке авторами, которые родились или живут за пределами России или же относят себя к другой национальности. В современных исследованиях по отношению к таким текстам взамен понятия

«русская литература» все чаще употребляют термины «литература на русском языке», «русскоязычная литература» (Шульженко, 2018, с. 80), «литература русофонии» (Caffee, 2013, с. 20). Представляется важным и актуальным разобраться в том, что понимается под такими явлениями, как русофония, литература русофонии, рассмотреть различные точки зрения на определение границ этих феноменов.

Трактовки русофонии

В цикле эссе «Сорок два свидания с русской речью» В.И. Новиков упоминает, что именно он в 1991 г. изобрел термин «русофония»: «Сочинил его в Цюрихе, где преподавал русскую литературу» (Новиков, 2007). Действительно, в своем эссе доктор филологических наук предлагает ввести в научный обиход это понятие, проводя аналогию с уже существующим термином «франкофония» и утверждая, что использование этого слова позволит внести некоторую ясность: «В частности, нейтрализуется оппозиция „русофилия – русофобия“» (Новиков, 1991, с. 5). Исследователь называет русофонию «архисемой» (Новиков, 1991, с. 5), имея в виду скорее то, что это слово является интегрирующим, подходит для описания всех – тех, кто относится к русскому языку как с симпатией, так и с негативом: «...и русофилов, и русофобов она с материнской нежностью охватывает и обнимает» (Новиков, 1991, с. 5).

В 2000 г. в «Современном толковом словаре русского языка Ефремовой» под термином понимается «симпатия к России, русским, ко всему русскому (языку, культуре и т. п.)»¹. Примечательно, что в словарной статье уделяется внимание положительному отношению «ко всему русскому».

В 2006 г. была учреждена литературная премия «Русофония», которая проводится в Париже и присуждается за лучший перевод русскоязычного литературно-художественного произведения на французский язык. В.И. Новиков отметил, что организаторы премии имели в виду скорее культурное звучание русской словесности по-французски. «Что ж, и против такой трактовки термина ничего не имею. Взаимодействие языков и культур всегда на благо», – заключает ученый (Новиков, 2007).

Стоит отметить, что позже глава проекта «Русофония» Дмитрий де Кошко, раскрывая сущность русофонии, отметил, что «мы включаем в эту русофонию не только меньшинство русских или русскоговорящих, а всех, кто владеет русским языком»². В поле русофонии могут входить абсолютно разные народы: и латыши, и украинцы, и белорусы, евреи, – «все, кто изъясняются на русском языке на ряду со своим языком»³. При этом русофония как бы «объединяет и примиряет»⁴ всех, кто владеет русской речью.

¹ Русофония // Академик. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/279446/%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 21.12.2020).

² Дмитрий де Кошко: дело Бейлиса, страсти Империи и перспективы русского языка в Европе / EU Network. Eiropas Jaunatnes Tīkls, 2018. URL: <http://eunetwork.lv/blog/2018/04/dmitrij-de-koshko-delo-bejlisa-strasti-imperii> (дата обращения: 21.12.2020).

³ Там же.

⁴ Худенко К. Нас больше, чем каталонцев. Дмитрий де Кошко о русофонии и статусе русского языка в ЕС // DELFI. 2018. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/interview/nas-bolshe-chem>

В 2007 г. доктор филологических наук А.Н. Рудяков следующим образом определил смысловое наполнение термина: «В этой статье я хочу вновь обратить внимание лингвистов на существование в мире огромной общности людей, общности языковой, общности, которую в зависимости от цивилизационных пристрастий можно назвать Русофония или Русоречие» (Рудяков, 2007, с. 7). Отчасти филолог поставил знак равенства между русофонией, языковой общностью людей и русскоязычным пространством, «главным и единственным интегрирующим фактором которого является использование русского языка как средства осуществления социального взаимодействия» (Рудяков, 2007, с. 7). А.Н. Рудяков отметил, что русофония – это «надгосударственный, наднациональный надэтнический, надкультурный, надконфессиональный феномен» (Рудяков, 2007, с. 7). Также ученый употребил термин «руссофоны», под которым понимал «людей, знающих, понимающих и использующих русский язык в своей деятельности» (Рудяков, 2007, с. 7).

В диссертации Н.Б. Кэффи под «руссофонией» понимается использование русского языка не русскими людьми (Caffee, 2013, с. 27), то есть людьми другой национальной и гражданской принадлежности. В работе есть более распространенное определение термина: это языковая область дискурса, которая связана с российской политической и экономической мощью, но не ограничивается ей, и которая определяется социальными, политическими, экономическими и территориальными отношениями (Caffee, 2013, с. 29–30). Н.Б. Кэффи добавляет, что русофония включает в себя как этнических русских, так и русскоговорящие диаспоры за пределами Российской Федерации (Caffee, 2013, с. 28).

Весьма содержательное определение руссофонии в 2017 г. предложила Е.О. Соколова: «Руссофония – это внеполитическая сеть культурноязыковых, образовательных, информационных и других связей, поддерживаемых государственными и общественными инструментами во имя соблюдения прав человека в самой Российской Федерации и за ее пределами, работающая на благо образа России и самодостаточности ее соотечественников» (Соколова, 2017, с. 362).

Можно заметить, что и отечественные, и зарубежные исследователи отмечают сложный характер явления, его связь с различными сферами жизни. Внимание уделяется роли политики, которая при этом не становится главным и ограничивающим фактором. Примечательно и то, что в работах именно отечественных ученых при определении понятия прослеживается наличие определенной благосклонности, положительного отношения к России, к русскому языку и в целом ко всему русскому. С одной стороны, можно предположить, что выбор того или иного языка для использования в коммуникативных актах – есть выражение благосклонности к этому языку. С другой стороны, этот процесс обусловлен и другими факторами, которые могут не совпадать со стремлением человека выразить симпатию ко всему русскому. Поэтому определение руссофонии Н.Б. Кэффи представляется наиболее приемлемым.

Границы русофонии

По отношению к определению границ русофонии – и временных, и пространственных – существует несколько различных точек зрения. Так, А.Н. Рудяков считает, что «Русофония ровесница русского языка. Ее размеры и структура варьировались в разные эпохи, в разные времена, но русофония существует с тех пор, как возник русский язык» (Рудяков, 2007, с. 7). А географические границы русофонии можно определить одним фактором: «В этих границах звучит русская речь» (Рудяков, 2007, с. 7).

Н.Б. Кэффи полагает, что истоки русофонии относятся к периоду колониальной экспансии Российской империи в Центральную Азию и на Кавказ: русский язык, русские институты и контакты с русской интеллигенцией приводили к развитию местной литературы в новых колонизированных районах – в том числе и на русском языке. Затем литература русофонии бурно развивалась во времена существования СССР за счет влияния советской идеологии на национальную литературу (литературу республик, входящих в состав СССР, некоторых других стран) в рамках идеологии дружбы народов. В XXI в. границы литературы русофонии расширились, стали виртуальными, перенеслись в интернет-среду. Более того, как отмечает Н.Б. Кэффи, русофония – это еще и личное физическое пространство, проявляющееся в теле человека и в его действиях. Важно и то, что особенности русофонии на разных территориях будут резко отличаться (Caffee, 2013, с. 32).

По мнению Е.О. Соколовой, русофония получила наиболее широкое распространение в период после распада СССР: русский язык перестал принадлежать одной России, превратился в средство коммуникации, доступа к мировой научной и к специальной литературе, доступа к сети Интернет для людей, проживающих на данный момент в различных странах мира (или же проживающих там ранее) (Соколова, 2017, с. 362).

Литература русофонии. Классификации авторов-русофонов

Под термином «литература русофонии» в широком смысле Н.Б. Кэффи понимает литературу, написанную на русском языке. Однако далее исследователь уточняет, что рассматривает литературу русофонии как отдельную литературу, созвучную с русской литературной традицией, которая возникла и также продолжает развиваться в диалоге с русской литературой. И относит к ней авторов прошлого и настоящего вне зависимости от их гражданства или этнической принадлежности, как внутри, так и за пределами Российской Империи и государств-преемников (Caffee, 2013, с. 20). Таким образом, можно предположить, что в поле литературы русофонии входят тексты, написанные на русском языке нерусскими по национальной или гражданской принадлежности авторами.

Н.Б. Кэффи выделяет три категории текстов, которые относятся, по ее мнению, к литературе русофонии: в первую – входят русскоязычные тексты, написанные авторами, которые не относят себя к русским; ко второй – относятся русскоязычные тексты, написанные и опубликованные за пределами Российской Федерации авторами любой национальности (в том числе рус-

скими); третья – включает двуязычное или многоязычное письмо и автоперевод (self-translation) (Caffee, 2013, с. 38). Получается, что к литературе русофонии относятся тексты, написанные русскими авторами, которые должны находиться при этом за пределами России или же писать на двух и более языках, а также автоперевод, что уже не зависит от местоположения писателя или поэта. При этом, как поясняет Н.Б. Кэффи, тексты первой категории могут быть написаны авторами, которые принадлежат, во-первых, к коренным народам и национальным меньшинствам, которые проживают на территории России и предшествующих ей государств; во-вторых, к титульным национальностям бывших советских республик. Они могут жить за границей на постоянной основе или же находиться там значительную часть своей творческой карьеры (Caffee, 2013, с. 38–39).

Довольно похожая классификация представлена в статье В.И. Шульженко. Исследователь предлагает следующее разделение авторов современной литературы на русском языке: граждане России, которые не являются по национальности русскими; русские по происхождению (или не русские по происхождению, но с детства погруженные в русский художественный космос), но проживающие вне своей исторической родины; русские и не русские по происхождению, мигрировавшие из бывших республик в Россию после распада Советского Союза; их соплеменники, которые после распада СССР остались в местах своего рождения за пределами России; нерусские граждане этих новых государственных образований (Шульженко, 2018, с. 79–80). Можно заметить, что В.И. Шульженко не упоминает в своей классификации двуязычное или многоязычное письмо и автоперевод. Поэтому классификация Н.Б. Кэффи представляется более логичной, так как, к примеру, Н.Л. Лейдерман тоже предлагает относить к русскоязычным текстам «русские стилизации под иноязычную языковую и ментальную картину мира, а также авторские переводы с родного языка на русский язык» (Лейдерман, 2015, с. 20).

Примечательно, что В.И. Шульженко заменяет словосочетание «современная русская литература» «далеко не синонимичным» (Шульженко, 2018, с. 79) выражением: «современная литература на русском языке». Она, по мнению исследователя, в последние десятилетия распадается на «несколько резко отличающихся друг от друга самостоятельных направлений (например, собственно „русская литература“, <...> „русскоязычная литература“, „евразиада“, „литература диаспоры“, „пограничья“ и т. д.)» (Шульженко, 2018, с. 80). Стоит отметить, что эта структура свойственна именно современной литературе, когда «собственно „русская литература“» является «скорее проектом актуальной литературной критики, нежели непосредственно продуктом литературного развития» (Шульженко, 2018, с. 80).

Поэтому можно предположить, что термин «литература русофонии» Н.Б. Кэффи весьма синонимичен «русскоязычной литературе». При этом, как отмечают некоторые исследователи, употребление последнего словосочетания имеет ряд недостатков. В.И. Шульженко пишет, что словосочетание «русскоязычная литература» используется с осторожностью: «...срабатывает сопротивление где-то на подсознательном уровне, <...> слово имеет такое

количество коннотаций, что каждый раз приходится уточнять, что имеется в виду» (Шульженко, 2018, с. 85).

Употребление словосочетания «литература русофонии» имеет, напротив, свои достоинства. Дмитрий де Кошко отмечает, что этот термин более благозвучен и нейтрален, стоит над идеологией и политикой: «...русскоязычные, русскоговорящие несут за собой идею меньшинства и иногда конфликтности. Идея русофонии с греческим корнем „фонос“ говорит о том, что в общем мы нейтральны»⁵. Н.Б. Кэффи полагает, что русофония является наиболее подходящим термином по двум причинам: во-первых, потому что он – описательный, а не предписывающий; во-вторых, потому что он не является этнически, политически и географически привязанным (Caffee, 2013, с. 21).

Однако употребление слова «русофония» тоже имеет недостатки. От «русофобии» слово отличает всего одна буква. Некоторые могут нечаянно прочитать слово неправильно, неверно поняв смысл словосочетания «литература русофонии». Стоит отметить, что в результатах на поисковые запросы «литература русофонии» (например, в Google) выдаются статьи, в которых употребляется слово «русофобия», с пометкой: «Показаны результаты по запросу литература русофобии». Однако проблема связана скорее с низкой информированностью общества о данном термине. Возможно, она решается увеличением частотности употребления слова и словосочетания в текстах. Таким образом, можно предположить, что использование словосочетания «литература русофонии» для определения русскоязычных текстов является наиболее удобным и обоснованным.

В случае синонимичного использования этих терминов можно несколько пересмотреть определенное соотношение литератур, представленных в статье В.И. Шульженко. Воспользовавшись выражением исследователя, обозначить весь корпус современной литературы, написанной на русском языке, «русской литературой на русском языке», которая будет включать в себя «собственно русскую литературу» и «литературу русофонии» (по В.И. Шульженко, «русскоязычную литературу»). Последняя может включать в себя все те тексты, которые определены классификациями В.И. Шульженко, Н.Б. Кэффи, Н.Л. Лейдермана. Стоит отметить, что даже в условиях создания литературы на русском языке за пределами России произведения могут относиться к собственно русской литературе, а не к литературе русофонии, что доказывает в диссертации У. Овчеренко на материале литературы на русском языке в Казахстане (Овчеренко, 2021).

Заключение

Можно предположить, что понимание русофонии современными исследователями не сводится лишь к определению феномена как пространства, в котором выражают симпатию ко всему русскому, явление имеет более сложный характер. К литературе русофонии можно относить тексты, напи-

⁵ Дмитрий де Кошко: дело Бейлиса, страсти Империи и перспективы русского языка в Европе / EU Network. Eiropas Jaunatnes Tīkls, 2018. URL: <http://eunetwork.lv/blog/2018/04/dmitrij-de-koshko-delo-bejlisa-strasti-imperii> (дата обращения: 21.12.2020).

санные на русском языке нерусскими по национальной, этнической или гражданской принадлежности авторами. Также можно выделить ряд произведений, которые имеют спорный характер: стилизации, двуязычное или многоязычное письмо, переводы, самопереводы. Кроме того, некоторые тексты, формально относящиеся к литературе русофонии, могут относиться к собственно русской литературе. Определение основ для разграничения собственно русской литературы и литературы русофонии представляет собой отдельную тему для изучения.

Список литературы

- Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 19–24.
- Новиков В.И. Русофония // Синтаксис. 1991. № 31. С. 5.
- Новиков В.И. Сорок два свидания с русской речью // ЛитМир: электронная библиотека. 2007. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=175865> (дата обращения: 21.12.2020).
- Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: дис. ... канд. фил. наук. М.: Московский государственный университет, 2021.
- Рудяков А.Н. Русофония и русистика в XXI веке // Культура народов Причерноморья. 2007. Т. 1. № 110. С. 7–9.
- Соколова Е.О. Движение «Русофонии» как новый тренд в формировании внешней политики Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 4 (21). С. 362.
- Шульженко В.И. Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 79–87. <http://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14079>
- Caffee N.B. Russophonia: towards a transnational conception of Russian-Language literature. eScholarship University of California, 2013. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3z86s82v> (дата обращения: 30.12.2020).

References

- Caffee, N.B. (2013). Russophonia: Towards a transnational conception of Russian-language literature. eScholarship University of California. Retrieved December 30, 2020, from <https://escholarship.org/uc/item/3z86s82v>
- Leiderman, N.L. (2015). Russian-Language literature as the crossroads of cultures. *Philological Class*, (3), 19–24. (In Russ.)
- Novikov V.I. (2007) Forty-two dates with the Russian speech. *LitMir: Electronic Library*. (In Russ.) Retrieved December 21, 2020, from <https://www.litmir.me/bd/?b=175865>
- Novikov, V.I. (1991). Russophonia. *Syntax*, (31), 5. (In Russ.)
- Ovcherenko, U. (2021). *Modern Kazakh prose in Russian: Main trends in development* (dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2007). Russophonia and Russian studies in the 19th century. *Culture of the People of the Black Sea Region*, 1(110), 7–9. (In Russ.)

- Shulzhenko, V.I. (2018). Modern literature in Russian in the context of traditions of the Russian classical literature and intercultural integration in the 19th century. *World of the Russian Word*, (4), 79–87. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14079>
- Sokolova, E.O. (2017). Russophonia movement as a new trend in the foreign policy of the Russian Federation. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, (4), 362. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Нефёдова Надежда Ивановна, аспирант, кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0003-3102-1026. E-mail: nefyodova.ni@gmail.com

Bio note:

Nadezhda I. Nefedova, postgraduate student, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-3102-1026. E-mail: nefyodova.ni@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Жанровые особенности повестей Марины Палей

Д.М. Леднева

*Литературный институт имени А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской б-р, д. 25*
✉ ledneva.daria@mail.ru

Аннотация. Первоначально произведения Марины Палей критика относила к прозе вполне традиционного склада. Поиски адекватной формы выражения авторского мировоззрения привели писательницу к жанровым экспериментам. Рассмотрены жанровые особенности повести «Под небом Африки моей» и ряда других произведений, их интертекстуальность и диалог с Пушкиным. Затронуты проблемы «принципиальной непереводаемости кодов», особенности травелога и записок в контексте всего творчества Марины Палей. Дан анализ образов главных персонажей, где образ Ваньки Телятникова соотнесен с образами русской нечисти и трикстера, а образ Мазанивы Мвунги разобран в контексте африканской линии А.С. Пушкина. Сплетение воедино различных мотивов, образов, уходящих корнями в русскую литературу, создает особый интертекстуальный фон произведений, благодаря которому воспроизводится оригинальная художественная картина современной российской действительности, утверждаются авторские представления о жизненных ценностях.

Ключевые слова: Марина Палей, А.С. Пушкин, жанровые формы, повесть, интертекстуальность, путешествие, записки

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 января 2022 г.; откорректирована 10 февраля 2022 г.; принята к публикации 1 марта 2022 г.

Для цитирования: Леднева Д.М. Жанровые особенности повестей Марины Палей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 477–487. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487>

The genre features of the novels by Marina Paley

Daria M. Ledneva

*Maxim Gorky Literature Institute,
25 Tverskoy Bulvar, Moscow, 123104, Russian Federation*
✉ ledneva.daria@mail.ru

Abstract. First Marina Paley novels are classified as traditional prose. However, her search for an adequate form of expression of the author's worldview led her to genre experiments and gave bright artistic results. The genre features of the story “Under the Sky of my Africa,”

© Леднева Д.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

its intertextuality and dialogue with Pushkin, are considered. In particular, the author analyzes the problem of “fundamental untranslatability of codes,” the genre features of the travelogue and notes in the context of Paley's entire work. The analysis of main characters also was carried out and includes the correlation of Vanka Telyatnikov with the motives of Russian evil spirits and the trickster. The inner life of Mazaniva Mvunga is studied in the context of the African line of A.S. Pushkin. Bringing together different motives, images, intertextuality, Marina Paley achieves expressive features in creating an actual picture of Russian reality and affirms her ideas about the main values of life.

Keywords: Marina Paley, A.S. Pushkin, genre forms, story, intertextuality, journey, notes

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 18, 2022; revised February 10, 2022; accepted March 1, 2022.

For citation: Ledneva, D.M. (2022). The genre features of the novels by Marina Paley. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 477–487. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487>

Введение

Войдя в русскую литературу произведениями традиционного склада, Марина Палей вскоре предстала перед читателями как мастер ярких жанровых и стилевых экспериментов. Сегодня логика ее творчества указывает на необходимость более глубокого рассмотрения достигнутого ею в литературе как в историко-культурном, так и в индивидуально-авторском контексте.

Творчество Марины Палей пронизано экзистенциальным поиском, когда сталкиваются тонкая человеческая душа и суровая, нередко враждебная человеку действительность. Представляется весьма важным тот факт, что, дебютировав в журнале «Знамя» с повестью «Евгеша и Аннушка» (1989), Марина Палей через двадцать лет вернулась на страницы журнала с повестью «Под небом Африки моей» (2009), ставшей итогом духовных поисков автора.

Жанровые аспекты

Российский исследователь жанра Н.Л. Лейдерман писал о том, что разные жанры имеют разные возможности художественного освоения действительности. Каждый жанр – это особая, отличная от других система художественно-завершающего оформления действительности в целостный образ мира (Лейдерман, 2010, с. 214).

Заглавие повести является цитатой из первой главы «Евгения Онегина», оно прозрачно указывает на стремление автора к диалогу с русской литературой, выверенной по Пушкину. Для читателя авторское обозначение жанра, вынесенное в комплекс заголовка, – это указание на то, как войти в созданный автором мир.

Жанровый подзаголовок повести «Под небом Африки моей» пространен и замысловат – «Записки танзанийца Мазанивы Мвунги, налогового инспектора, сделанные им, по ходу служебных командировок, в различных населенных пунктах его родины, которые следуют как названия глав. Перевод с суахили Татьяны Петровой-Ньерере». И эта особенность подзаголовка требует пояснения.

Хотя записки заведомо не предполагают точной хронологии, налицо хронология «внутренняя»: действие повести разворачивается в период между маем 1985 г. и маем 1991 г.: рассказчик не дает точных вех, но текст наполнен маркерами времени. Временным указателем является авторская сноска об антиалкогольной кампании и запрете продавать алкоголь после 14:00 (постановление принято 7 мая 1985 г.). Еще одна указываемая в повести дата – «30 мая 199. года». Вероятно, имеется в виду 1991 г., последний год существования Советского Союза («в тот год зловещего не происходило, ничего не происходило вообще, кроме закономерного развала их Объединенных Эмиратов»).

Различные эпизоды, относящиеся к учебе в РИИСе (Российском институте изящной словесности), следуют не хронологически, а в свободном порядке, что соответствует особенностям жанра записок.

Вместе с тем в повести Марины Палей каждая глава соотносится с определенным локусом (место/город), где герой предается воспоминаниям, что указывает на необходимость связать жанровую форму произведения и с травелогоми.

У жанра путешествия свои особенности: внешний план (активное перемещение в пространстве чужого мира) и внутренний план (чувства и переживания странствующего). Заметим, что, совершая физическим образом неописанное путешествие по городам родной Танзании, Мазанива Мвунги пишет и размышляет о другой стране и о другом времени: о прошлом, в которое невозможно вернуться. Заново переживая свой опыт, герой совершает путешествие духовное.

Путешествие «побуждает к самосознанию <...> через обостренное чувство своего существования» (Шенле, 2004, с. 46), а записки – способ накопления чувств и идей, отражение души. Форму записок используют для изображения рефлексировующего сознания. И это состояние характерно не только для повести «Под небом Африки моей», но и для других произведений Палей. Например, героини повестей «Поминование» и «Евгеша и Аннушка» также совершают некое духовное путешествие в прошлое, чтобы разобраться в своем отношении к жизни. Итог духовного путешествия Мазанивы – это признание принципиального разлада с действительностью. Герой сталкивается с ужасом жизни и пытается понять, почему эту жизнь он не любит.

Записки Палей являются мнимым переводом с суахили, в действительности это не перевод, а текст, изначально написанный автором (Мариной Палей) на русском языке¹. Для рассказчика Мазанивы Мвунги родной язык – суахили, поэтому читателю предлагается представить, что он читает перевод с суахили. Автор вовлекает читателя в игру, по сути, напоминая: правила этой игры необходимо принять, чтобы оказаться ментальным образом в его художественном мире. В «перевод с суахили» сочетается литературный и бытовой язык, неожиданно звучит английский, написанный кириллицей, и английский обычный, на латинице. Вкрапление английского языка вполне

¹ Интервью с Мариной Палей: «Мне интересно проламывать стены, а не подбирать обломки» // Харьков – что, где, когда. 2018. № 4. С. 32. URL: https://issuu.com/whatwherewhen/docs/april_2018/32 (дата обращения: 30.07.2020).

объяснимы, ведь герой некоторое время учился в Вашингтоне, к тому же английский – второй официальный язык Танзании. А вот суахили в тексте звучит лишь несколько раз.

Мотив чужого и своего языка возникает также в сценарных имитациях Марины Палей «Long distance, или Славянский акцент» (1999). В романе «Клеменс» (2006) также якобы в переводе на русский представлена проза израильской писательницы Марьяны Галицкой, эмигрантки, пишущей на народном ей иврите. При этом сам роман наводит читателя на размышления о невозможности понимания между двумя душами.

Литературовед С.И. Шейко-Маленьких в исследовании «Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст» (2004) показала, что в столкновении разных языков проявляется «принципиальный конфликт кодов»: «Конфликт языков обуславливает непонимание персонажами друг друга не только на вербальном языке, но и с точки зрения их „общей памяти“, культуры» (Шейко-Маленьких, 2004, с. 48). Одна культура непереводаима в другую. Английская речь записывается кириллицей, что усиливает эффект остранения. Смешение языков показывает «искажение общего семантического поля повествования» где персонажи «непонятны, непостижимы друг для друга» (Шейко-Маленьких, 2004, с. 30, 31). В невозможности точного перевода одного языка на другой, одной культуры в другую коренится принципиальная невозможность взаимного понимания.

Мазанива Мвунги пытается не просто постичь чужую культуру, но сделать ее своей. В повести нет межкультурного диалога, так как для подобного диалога нужно две культуры, а танзанийская культура в тексте не описана (лишь ближе к финалу Мазанива приводит такое описание танзанийского рынка: «все та же универсальная, вненациональная помойка»).

Герой, как будто из «вакуума» придя в русскую культуру, в чужое ему культурное пространство, пытается это пространство освоить, но оно так и остается непонятой, мифологизированной страной, куда невозможно вернуться физически, потому что в объективной действительности ее не существует.

Жанровые эксперименты имеют место и в других произведениях. Повесть «Поминование» (1987) обозначена как «детский альбом». Функция альбома – сохранить память о близких людях и важных событиях. Жанровый заголовок подсказывает читателю, что перед ним череда воспоминаний о детстве. Повести «Поминование», «Евгеша и Аннушка» (1990), «Кабирия с Обводного канала» (1990) в издании «Лимбус Пресс» 1998 г. Объединены в «трилогию повестей», где каждая повесть раскрывает человеческую судьбу, а через будничное течение жизни показана общечеловеческая драма.

Циклы рассказов «Ошейник» (2003, 2004), «Бескабальное небо» (1994), «День тополиного пуха» (2013) объединены мотивным принципом (в авторских предисловиях к циклам раскрывается смысл метафоры, вынесенной автором в название).

Марина Палей экспериментирует с драматургическими и кинематографическими жанрами: сценарные имитации «Long distance, или Славянский акцент» (текст, мимикрирующий под сценарий, где структура сценария

постоянно нарушается прозаическими лирическими и философскими отступлениями), трагикомедия-буфф в трех действиях «The Immersion» («Погружение»), три одноактные пьесы на троих «Salsa for singles» («Сальса для одиночек»), триптих «La Voltige» («Вольтижировка»). Для пьесы Марины Палей также важно уточнение «на троих», подразумевающее, что все роли исполняют одни и те же три актера. Пафос этого триптиха в том, что человек, прогибаясь под различными обстоятельствами, вынужден жить не своей жизнью, то есть как актер носить маску и исполнять роль, не быть собой. Если бы в каждой пьесе нас ждали новые актеры, то нужный эффект не был бы достигнут.

Параллельно идут поиски в области крупной прозы: роман-притча, петербургский роман, памфлет-апокриф, роман-бунт. Жанр притчи Мариной Палей в романе «Хор» (2011) видоизменяется, читатель должен не прийти к моральному выводу, а увидеть проблему: невозможность преодоления стены между людьми, и, увидев эту проблему, все же начать поиск способа эту стену преодолеть.

Русский паганизм

В повести «Под небом Африки моей» отсутствует привычное линейное повествование. Перед читателем разворачивается история характера, череда впечатлений, рассказ о попытке проникновения одной души в другую, попытка постичь другую культуру путем постижения сути характера представителя этой культуры.

События излагаются в той последовательности, которая нацелена на создание целостного образа Ваньки Телятникова. Читатель сначала узнает, какое впечатление производил Ванька, и только потом читает описание знакомства двух героев. Рассказу о духовном прозрении Мазанивы предшествует рассказ о русском герое. Комментарий рассказчика уточняет, что повесть не о Мазаниве, а о Ваньке. «Смысл мессиджа: это не я, Мазанива, особенный, и, конечно, не Лауген, а именно он, Ванька – и все его личные вещи».

Мотив нечисти и потустороннего начала сопровождает образ Ваньки Телятникова на протяжении повести. Ванька представляется Мазаниве «существом двойственным, то циклопически-чрезмерным, то словно бы истаявающим на глазах». В первой главе (Mtwarra) Мазанива сравнивает Ваньку с гибридом анчутки, мелкого банного беса, и кикиморы, двух представителей русской нечисти: «Очевидно, не что иное, как прикомандированность анчутки к банному делу (вуайеризм, мелкие пакости и паскудства), объясняет эту его, как мне слышится, вертлявость, юркость, комическую кривизну тонюсеньких ножек, писклявое бляение, гнусавость...».

Здесь следует пояснить, что анчутка в славянской мифологии принадлежит к классу нечисти, который связан с водой и в то же время обладает способностью летать. Анчутка чаще всего представляется существом мужского пола и небольшого размера (Топоров, 1973, с. 33, 34). Как и кикимора, анчутка способен становиться невидимым, принимать любой облик, например обратиться зверем или человеком, может мгновенно перемещаться в пространстве. Последнее играет в повести особую функционально-смысловую

роль. Во-первых, обретает художественную логику внезапное исчезновение Ваньки во время грозы (описанной весьма зловеще и драматично), когда его «словно утащили потоки мутной воды», и его столь же внезапное появление в Люберцах. Во-вторых, обретает символический смысл эпизод последнего исчезновения/гибели Ваньки.

В такой характеристике Ваньки отражена склонность Мазанивы к мифологизированию фактов. Не будучи готовым смириться с Ванькиной смертью, Мазанива придумывает различные варианты событий, например Ваньку похитили мафиози и сделали ему пластическую операцию (оборотничество), а затем Ванька внезапно возникает на танзанийском рынке (вновь – способность к перемещению в пространстве).

Кроме того, в образе Ваньки с чертами русской нечисти соседствуют и черты трикстера. «В мифологии и фольклоре, – пишет исследователь, – трикстер – это чаще всего антропоморфный образ, божество или животное» (вспомним сравнение Ваньки с муравьем), «которое не подчиняется общим правилам поведения и морали и совершает противоправные и противоречивые поступки» (Комиссарова, 2018, с. 3). Трикстер – двойник, который переразвивает и делает наоборот. Трикстер – плут, демиург-разрушитель, прожорлив, сексуально озабочен до предела (в повести у Ваньки две жены, летняя и зимняя (официальная), и старшеклассница, репетиторство с которой оканчивается связью и рождением ребенка). Чаще всего трикстер побеждает, но рано или поздно фокусы его кончаются, и он гибнет страшной смертью. Так, Ваньке свойственны довольно опасные фокусы, такие как карабканье на четвертый этаж по водосточной трубе под песню «The road to Hell». И всякий раз, когда Ванька пропадал, труп его в первую очередь искали в местном пруду, то есть мотив нависшей над Ваньки смерти проходит через всю повесть. Поиски его трупа именно в пруду вновь отсылают нас к его природе водной нечисти.

Наиболее яркими примерами его «противоправных» и «противоречивых» действий становятся эпатажное распитие алкоголя на детской площадке и провокация воспитательницы, сорванная лекция про Аввакума, обряд насильственного братания, разлитие с завязанными глазами алкогольных напитков прямо на лекции, взбирание по водосточной трубе на глазах у перепуганных соседей (ловкость, с которой Ванька проделывал этот трюк, – отсылка к способности летать некоторых представителей нечисти).

Зооморфность и оборотничество – другая отличительная черта трикстера. Мазанива сравнивает Ваньку и с муравьем, и с богомолем, и с комаром, и с обэриутскими чешуекрылыми. Присущая Ваньке двойственность, связь с потусторонним делает его медиатором, соединителем. Ванька как бы принадлежит двум мирам сразу, и Мазанива очень точно это улавливает.

В финале повести, когда Мазанива гонится за Ванькой на танзанийском рынке, ярко проявляется и Ванькина способность к оборотничеству и перемещению между мирами. Если предположить, что Ванька, с его потусторонней сущностью, не погиб, а перешагнул за грань, в мир по ту сторону, и в финале повести на краткий миг вернулся, поманив за собой Мазаниву, то проводя параллель с романом «Клеменс», мы увидим, что Майк перешагнул

в Зазеркалье и ушел за Клеменсом, оставив после себя записки, а вот Мазанива перешагнуть за грань не смог.

Мазанива стремится вернуться во времена Ваньки, то есть вернуться в то время, которое вне «Времени, Забвения и Вечности», существующее само по себе, в собственной системе координат, и в этом случае Ванька является проводником между двумя реальностями: той, которую герой отрицает, и той, в которой хотел бы жить. Таким образом, перед читателем предстает столкновение идеального и реального. Прошлое – яркое, живое. Настоящее – скудно, выброшено из текста.

Мотив «не своей жизни», звучащий в других работах Марины Палей, представлен здесь следующим образом: не внешние обстоятельства не позволяют герою жить своей жизнью, а его собственная заикленность на мифологизированном пространстве-времени и неспособность преодолеть выпавшие на его долю страдания.

Интертекстуальность

В текстах Марины Палей встречаются как прямые упоминания других писателей и рассуждения об их творчестве, так и цитаты, неочевидные отсылки и аллюзии. Часты обращения к И.А. Бунину. Так, в повести «Поминование» звучат слова Бунина: «Воспоминания, – пишет Бунин, – нечто столь тяжкое и страшное, что существует даже особая молитва о спасении от них» («Жизнь Арсеньева», Книга пятая, ХХІХ). Через всю повесть проходит мотив тяжести воспоминаний. Свое детство лирическая героиня Марины Палей сопоставляет с детством героев С. Аксакова, Л. Толстого, А. Толстого, Н. Гарина-Михайловского. Описывая свои чувства, героиня вспоминает Лермонтова: «Я чувствовала себя несчастнее всех на свете, чуть ли не Мцыри, который унижительно приговорен к месту, где он жить не может, но вновь туда возвращается». Атмосферу, царившую в Доме, героиня сравнивает с тем, что имеет место в рассказе Бабеля «В подвале». Ожидание возвращения матери и любовь к ней героиня Марины Палей сравнивает с чувствами героини из рассказа «Фро» Андрея. Героиня «Поминования» познает и «внутреннюю эмиграцию», в самые трудные минуты «сбегает» к Лермонтову и Есенину.

Палей отважно нападает на Льва Толстого за то, что в эпилоге «Войны и мира» он превращает Наташу в примерную жену и мать, а ее вероятная чувственность замалчивается. Палей насмехается над Наташиной иступленовосторженной радостью по поводу грязных детских пеленок, что выражено в образе: „Наскоро замытые пеленки в зеленых, обессмерченных классиком пятнах били по лицу сырыми крыльями летучих мышей“» (Хитон, 1997, с. 75–76).

В повести «Рая & Аад» фиктивный муж-иностранец, поверхностно воспитанный на классике русской литературы, критично оглядывает Раису, сравнивая ее «поочередно с Наташей Ростовою, Настасьей Филипповою, Соней-проституткою и Соней-приживалкою (семьи Ростовых)» и, «опечаленный несходством Раи ни с одним из притягательных образцов», все же соглашается на фиктивный брак. Раиса и ее мать тоже воспитаны на русской литературе,

но на другой. За образец они берут Дарью из «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Здесь Марина Палей цитирует сцену, где Дарья, несмотря на несправедливые упреки, помогает пьяному Петру. Рассказчик же (первый брачный свидетель) довольно ехидно осуждает подобные отношения, рисуя перспективы, какие были бы у Раисы, если бы она решила не прогибаться.

В этой же повести Палей иронично предлагает новый сюжет «Анны Карениной»: «Так и тянет сварганить римейк (социальный роман): Анна Аркадьевна знай себе бежит к семейному психотерапевту: сначала открыто, с Карениным, затем тайно – с Вронским. Страховая компания визиты с Карениным возмещает, а с Вронским – нет. (Или, допустим, с Карениным возмещает полностью, а с Вронским – только на 14 %.) Анна все глубже, все отчаянней, все безнадежней погрязает в долгах... Финал известен».

Диалог с Александром Пушкиным, с опорой именно на африканскую линию его жизни, является важным функциональным элементом повести. Здесь используются как общеизвестные факты (прадед Пушкина Ибрагим Ганнибал был родом из Эфиопии (Абиссинии)), так и литературные отражения Африки и африканского у Пушкина.

Ю.М. Лотман говорил о «стремлении Пушкина создать себе в литературе вторую биографию, которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений» (Лотман, 1995, с. 71).

Если, создавая прекрасные стихи об Италии, в которую его тоже не отпустили (как и вообще за границы России), Пушкин «делил» Италию со всеми другими поэтами, воспевавшими ее в стихах, то Африка была исключительно его пространством. Став частью его Я, тема Африки получает у него свою художественную трактовку, это всегда нечто «далекое, романтическое, свободное, экзотическое, недостижимое, иногда пугающее, часто чудесное, но, как правило, всегда дихотомическое» (Кувшинов, 2015, с. 45). Далекая и романтическая Африка противопоставляется России как противопоставление мира желанного и мира обыденного.

Для пушкинского мифа очень важна линия «потомок негров». Мифологический герой обязательно рождается каким-то экзотическим образом. Для России того времени потомок негров – это «искомая экзотичность» (Шеметова, 2011, с. 35), то, что необходимо, чтобы мифологема заиграла. Но Мазанива живет в другое время, и его попытка создать мифологему «потомок Пушкина» оборачивается громким провалом и выливается в едкие высказывания раздраженных редакторов: «оставьте уже Пушкина в покое».

В конце 1980-х гг. образ негра и, в частности, африканца в советском обществе предстает чем-то обыденным. «В глазах „простого советского человека“ предперестроечных лет Африка теряет былую экзотичность и социальную привлекательность. Расхожим становится представление о том, что чернокожие студенты – попрошайки и спекулянты, имеющие возможность с выгодой ездить за рубеж. Их винят и в том, что они непристойно ухаживают за белыми девушками» (Богданов, 2014, с. 134–135). Так что, если Пушкин, используя мифологему «потомок негров», был оригинальным и экзотичным, то Мазанива Мвунги был всего лишь очередным африканцем, который приехал на учебу в Советский Союз.

Когда на полях его рукописей проявляются тайные комментарии редакторов, Мазанива ощущает, что чудесная страна, культура, с которой он чувствует родство («род наш происходит из того же колена, что род Великого Русского Поэта»), его категорически отвергает. Прочитав комментарии на полях дипломной работы, он в поисках утешения бросился пересматривать рукописи художественных произведений. Но и здесь его ждало еще большее разочарование:

«На полях рукописей „новые смыслы“ оказались еще похлеще, чем в дипломе: одни редакторы (в отличие от профессоров, не ограниченные даже формальными рамками процедуры) шлифовали на мне, безгласном оселке, свои мертвые графоманские косы; другие же, пользуясь невидимостью химического карандаша, непринужденно выплескивали „темное бессознательное“».

Мазанива замечает, что страна эта подарила ему много надежд и мечтаний, а «ведь именно надежды и мечтания являются главными компонентами *человеческой* жизни», ибо без них «рамки этого мира <...> обнажают простую и страшную суть канареечной клетки». И вот, подарив столько мечтаний и надежд, эта страна все эти надежды и мечтания и уничтожила. Мазанива признается: «Мне уже навсегда будет тошно жить в любой, совершенно без разницы в какой, точке планеты!» Так жизнь Мазанивы и стала страшной морилкой.

В финале повести Мазанива вспоминает строки Пушкина: «Придет ли час моей свободы?..» (Евгений Онегин, глава 1, строфа L). При этом он никак не может вспомнить последние две строки: «Где я страдал, где я любил, / Где сердце я похоронил».

Герой Марины Палей чувствует себя несвободным и сравнивает свою несвободу с пушкинской, но в том-то и дело, что, будучи пленником в своей стране, Пушкин оставался духом свободен. Мазанива же, наоборот, несвободен духом, загнав себя в ловушку из воспоминаний о прошлом и фантазий о Ваньке, он не пережил крушения своих надежд и мечтаний. В то время как у Пушкина надежды и мечтания оставались. Более того, Пушкин от жизни принял и любовь, и страдания, Мазанива же не смог принять жизнь во всей ее полноте и оказался в состоянии цепляющегося за мифологизированные переживания. Увы, для Мазанивы свобода – это смерть. Но и умереть не получается. Пушкин в своей тоске любил и Россию, и Африку. Мазанива же в своей тоске разочарован в жизни и это делает его глубоко несчастным.

Заключение

В повести Марины Палей «Под небом Африки моей» раскрывается определенный аспект отношений человека и действительности, постигаемый как процесс, то есть в становлении и развитии. Повесть всегда сводится к диалогу, к контрастному соотношению всех пластов и элементов художественного мира. Повести свойственна сосредоточенность на выявлении основных, ударных противоречий времени и его главных тенденций, именно ей присуще выделение самых «болевых» проблем из массы вопросов времени, именно повесть ориентирована на тщательный анализ самого процесса развития и разрешения данного, главного противоречия.

Отношения человека и действительности в повести Марины Палей строятся как враждебные. В повести «Под небом Африки моей» герой проживает от «надежд и мечтаний» до «страшной морилки» и в конце концов вынужден признать, что он не любит эту жизнь. В этой повести не столько ударное противоречие конкретного времени, сколько противоречие вневременное, всевременное – это вопрос о том, что, даже если жизнь душит человека и объективная действительность не соответствует его внутреннему миру, необходимо уметь принять это страдание достойно и прожить его.

С другой стороны, в повести болевая точка – это одиночество человека, неспособность, нежелание или неумение примириться с действительностью, желание соприкоснуться с некой прекрасной тайной и сбежать от объективной действительности.

«Под небом Африки моей» сочетает признаки повести и жанров записок и путешествий. Это повесть о вневременном конфликте человека с самой собой и с действительностью.

Список литературы

- Богданов К.А. Негры в СССР. Этнография мнимой диаспоры // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 103–142.
- Комиссарова У.А. Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции: М.А. Булгаков, Борис Акунин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
- Кувшинов Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 45–49
- Лейдерман Н.Л. Теория жанра: научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2010.
- Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995.
- Топоров В.Н. Из истории балто-славянских языковых связей: Анчутка // Baltistica. 1973. Т. IX. № 1. С. 29–44.
- Хитон Дж. Русская женская проза – феминистский подход как проблема на примере прочтения прозы Марины Палей // Славянское и восточноевропейское обозрение. 1997. Т. 75. № 1. С. 63–85.
- Шейко-Маленьких С.И. Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Шеметова Т.Г. Мифологема «потомок негров» как значимый элемент пушкинского мифа в литературе XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 1. С. 35–41.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004.
- Юхнова И.С., Богатырев Е.А., Гардзонио С., Вершинина Н.Л., Аннушкин В.И., Кушнеренко В.Ф., Лоуэнфельд Дж., Кричевская Е.А., Жиркова Н.А., Мохаммади З. Русский мир Пушкина (круглый стол) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 227–238.

References

- Bogdanov, K.A. (2014). Negroes in the USSR. Ethnography of the imaginary diaspora. *Anthropological Forum*, (22), 103–142. (In Russ.)

- Heaton, J. (1997). Russian women's writing: Problems of a feminist approach, with particular reference to the writing of Marina Palei. *The Slavonic and East European Review*, 75(1), 63–85.
- Komissarova, U.A. (2018). *The Image of a trickster in the modernist and postmodernist novel tradition: M.A. Bulgakov, Boris Akunin* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.V. (2015). The theme of Africa in Russian literature of the first third of the twentieth century. *Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism*, (2), 45–49. (In Russ.)
- Leiderman, N.L. (2010). *Genre theory: Scientific publication*. Yekaterinburg: Institute of Philological Research and Educational Strategies “Slovesnik,” Ural Branch of the Russian Academy of Education. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1995). *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin:” Comment*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russ.)
- Schönle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature. 1790–1840*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Sheiko-Malenkih, S.I. (2004). *Poetics of Russian postmodernism in the prose of the 1990s: The world as a text* (dissertation of the Candidate of Philological Sciences) St. Petersburg. (In Russ.)
- Shemetova, T.G. (2011). Mythologem “descendant negro” as a significant element of the myth of Pushkin in the literature of the 20th century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 35–41. (In Russ.)
- Toporov, V.N. (1973). From the history of the Balto-Slavic language relations: Anchutka. *Baltistica*, IX(1), 29–44. (In Russ.)
- Yukhnova, I.S., Bogatyryov, E.A., Gardzonio, S., Vershinina, N.L., Annushkin, V.I., Kushnerenko, V.F., Lowenfeld, J., Krichevskaya, E.A., Zhirkova, N.A., & Mohammadi, Z. (2018). Pushkin's Russian world (round table). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 227–238. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Леднева Дарья Михайловна, аспирант, кафедра новейшей русской литературы, Литературный институт имени А.М. Горького. ORCID: 0000-0001-9416-963X. E-mail: ledneva.daria@mail.ru

Bio note:

Daria M. Ledneva, postgraduate student, Department of Modern Russian Literature, Maxim Gorky Literature Institute. ORCID: 0000-0001-9416-963X. E-mail: ledneva.daria@mail.ru

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-488-496

УДК 82.01

Научная статья / Research article

**Кубофутуристическая поэтика
в стихотворении «Ночь» В. Маяковского
в интерпретации китайских переводчиков**

Ч. Лю , Н.М. Кузьмищева

*Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1*
 natashakuz@inbox.ru

Аннотация. Футуристическая поэтика творчества В. Маяковского удостоивается внимания исследователей в Китае только на рубеже XX–XXI вв. Открытию Маяковского как лирического поэта футуристического толка китайский читатель обязан мастерству переводчиков. Характерной особенностью кубофутуристической поэтики, ориентирующейся на принципы абстрактной живописи, является разорванность, неустойчивость, неуловимость смысла, что представляет, с одной стороны, большую трудность для адекватного перевода такой информации средствами другого языка, с другой – дает свободу переводчику в интерпретации суггестивного содержания текста. Исследование посвящено сравнительному анализу переводов Ван Фэйбая и Чжэн Чжэна стихотворения В. Маяковского «Ночь» на китайский язык с целью выявления субъективного образа воспринятого текста, складывающегося при ретрансляции художественной информации в перевод. Изучение переводов способствует выявлению ранее не проговоренных смыслов в претексте, что обогащает восприятие оригинала.

Ключевые слова: Маяковский, стихотворение, Ночь, кубофутуристическая поэтика, китайский перевод, Ван Фэйбай, Чжэн Чжэн, сравнительный анализ, интерпретация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 июня 2022 г.; откорректирована 15 июня 2022 г.; принята к публикации 10 июля 2022 г.

Для цитирования: Лю Ч., Кузьмищева Н.М. Кубофутуристическая поэтика в стихотворении «Ночь» В. Маяковского в интерпретации китайских переводчиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 488–496. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-488-496>

Cubo-futuristic poetics in the poem “Night” by V. Mayakovsky in the interpretation of Chinese translators

Chao Liu , Natalya M. Kuzmishcheva

*Irkutsk State University,
1 Karla Marksa St, Irkutsk, 6640031, Russian Federation*

 natashakuz@inbox.ru

Abstract. The futuristic poetics of V. Mayakovsky's work received the attention of researchers in China only at the turn of the 20th and 21st centuries. The Chinese reader owes the discovery of Mayakovsky as a lyrical poet of a futuristic persuasion to the skill of translators. A characteristic feature of cubo-futuristic poetics, which focuses on the principles of abstract painting, is fragmentation, instability, elusiveness of meaning, which, on the one hand, presents a great difficulty for adequate translation of such information by means of another language, on the other hand, gives the translator freedom in interpreting the suggestive content of the text. The authors provide a comparative analysis of the translations of Wang Feibai and Zheng Zheng of V. Mayakovsky's poem “Night” into Chinese in order to identify the subjective image of the perceived text, which is formed during the relaying of artistic information into translation. The study of translations helps to identify previously unspoken meanings in the pretext, which enriches the perception of the original.

Keywords: Mayakovsky, poem, Night, cubo-futuristic poetics, Chinese translation, Wang Feibai, Zheng Zheng, comparative analysis, interpretation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 1, 2022; revised June 15, 2022; accepted July 10, 2022.

For citation: Liu, C., & Kuzmishcheva, N.M. (2022). Cubo-futuristic poetics in the poem “Night” by V. Mayakovsky in the interpretation of Chinese translators. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 488–496. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-488-496>

Введение

Стихотворение Маяковского «Ночь» написано в 1912 г., в это время поэт ищет себя в кубофутуристической эстетике. В стихотворении воссоздан урбанистический пейзаж, смысл стихотворения не явен, отдан на откуп цветам и крупным мазкам художника-поэта, каждый читатель может наполнить этот коллаж разнородных образов своим пониманием.

«Футуристическая образность ориентировалась на приемы и методы живописного кубизма, когда предмет рассекается на плоскости, границы его становятся неустойчивыми, теряются четкие очертания» (Жаднова, 2013, с. 90). Адекватность перевода оценивается близостью к оригиналу. Как при этом передать абстрактную неуловимость смысла? Тем более что критерии переводческой адекватности литературных произведений еще шире, поскольку литературный перевод требует, чтобы не только содержание мысли, но и стилистические особенности, облекшиеся в слова на одном языке, были точно переданы посредством другого.

По мнению Ван Фэйбая, «главная цель перевода поэзии заключается не в том, чтобы сделать перевод беглым и понятным, а в том, чтобы воспроизвести стиль оригинального произведения. Истинное содержание стихотворения заключено в форме, а форма должна также фокусироваться на стиле, переведенное стихотворение должно быть не стандартизированным, а персонализированным, и переводчик должен стремиться выявить индивидуальный стиль оригинального произведения поэта, то есть раскрыть его уникальные форму и содержание. Идиостиль поэта включает такие факторы, как ритм стихотворения, рифму и выбор слов. Кроме того, он содержит богатый духовный подтекст жизненного опыта поэта, его творческой индивидуальности, эстетических идеалов и интересов» (Ван, 2016, с. 150). Как видим, у переводчика Ван Фэйбая профессиональное, очень широкое восприятие индивидуального стиля произведения.

Сделаем сравнительный анализ переводов Ван Фэйбая и Чжэн Чжэня стихотворения В. Маяковского «Ночь» на китайский язык с целью выявления способов передачи уникальной формы оригинального поэтического текста выразительными средствами другого языка.

Анализ переводов стихотворения Маяковского «Ночь» на китайский язык

Ван Фэйбай (Ван, 2018, с. 3)

血红和苍白已被揉皱而抛弃，
墨绿里洒上了一把把灿烂的金币，
黄亮的燃烧的牌一张张分出去，
发到争先跑来的窗户的黑手掌里。

Кроваво-красные и белые смяты и заброшены,
Пригоршни блестящих золотых монет разбросаны
по темно-зеленому,
Горящие желтые карты раздаются одна за другой
В черные ладони окон, которые спешили бежать
первыми.

眼看楼房被暗蓝的长袍裹紧，
街道和广场处之泰然，并不惊愕。
灯光宛如一道道金黄的创伤，
给前面跑的脚步戴上订婚的金镯。

Увидев, что здание плотно закутано синими одеждами,
Улицы и площади спокойны и ничему не удивляются.
Огни подобны золотым ранам,
Наденьте обручальный золотой браслет на ноги
бегущей перед вами.

人群——这条动作灵敏的大花猫，
受一扇扇门引诱，浪游着，弓着腰；
从欢笑铸成的庞然巨块之中，
谁不想抽点儿？哪怕一丝儿也好。

Толпа – это проворный полосатый кот,
Привлеченный дверями, блуждающий (бродячий),
сгорбленный;
Из гигантской массы смеха
Кто бы не хотел получить хоть капельку?
Даже если это совсем немного – тоже хорошо.

Чжэн Чжэн (Избранные стихотворения..., 2018, с. 39)

红色和白色的被抛出去，
揉成一团，一把把威尼斯金币向绿色的投来，
而给那飞掠过的窗户的黑色手掌，
分发着一张张亮闪闪的黄色纸牌。

Красные и белые выброшены и скомканы,
Бросьте горсть венецианских золотых монет
в зеленый,
Черным ладоням окон, что пролетают мимо,
Были розданы ярко-желтые карточки.

一幢幢楼房上被覆着的蓝色的托加，
大街、广场看着它们丝毫不感到惊愕。
而灯光，就像是一道道黄色的创伤，
早早地给奔走的人们戴上了脚镯。

Здания покрыты синей тогой,
Глядя на них, улицы и площади несколько
не удивлялись.
И огни похожи на желтые раны,
Ножные браслеты были надеты на тех,
кто бежал рано.

人群——这只毛色斑斓的灵活的狸猫——
浮动着，蜷曲着，被一扇扇大门吸引；
谁都想要多多少少地捞上一大票，
从那片混搅成一团的欢笑声中。

Толпа – это красочная и гибкая циветта,
Плывет, привлеченная дверями.
Все хотят выиграть много денег
От хриплого смеха, который был смешан в комок.

感到裙子的利爪在招呼在勾引，
我对他们的眼睛强挤出一个笑容；
而额上染着鸚鵡翅膀的賭棍們
像敲铁皮般吓人地狂笑起来。

Я чувствую, как коготки короткой юбки манят
и соблазняют,
Я заставил себя улыбнуться им в глаза;
И игроки с крыльями попугая на лбу
Смеялись и освистывали ужасно,
как будто стучали по железу.

我感到连衣裙的召唤的爪子，
硬往他们眼睛里塞进一个笑容；
而恶棍们，头顶上插着鸚鵡的翅膀，
哈哈地大笑，像在敲打着洋铁桶。

Я чувствую когти манящего платья,
В их глазах была натянута улыбка;
И злодеи с крыльями попугая на головах
Смеются ха-ха-ха-ха-ха-ха, как будто бьют
в жестяное ведро.

Первое четверостишие раскрашено следующими цветами: багровый и белый, зеленый, черный, желтый. *Багровый и белый отброшен и скомкан* – так мотивируется наступление ночи. *Белый* ассоциируется с днем, *багровый* – с закатом, ночь – с черным цветом. Местом действия и главным персонажем, действующим лицом в стихотворении является ночной город. В ночное время в домах квадратные окна светятся желтым светом – эта привычная ситуация для ночного города показана при помощи метонимической и фантазмагорической образности: *А черным ладоням сбежавшихся окон / Раздали горящие желтые карты*. Дома превращаются в игроков, проясняется смысл второй строки в четверостишии: *В зеленый бросали горстями дукаты*. Образ ночного города соединяется с мотивом игорного дома: зеленый – цвет сукна игорного стола, карты.

Багровый и белый отброшен и скомкан,
В зеленый бросали горстями дукаты,
А черным ладоням сбежавшихся окон
Раздали горящие желтые карты.

Дукат – это денежная единица. Так поэтом вводится мотив денег. Почему дукаты, а не рубли или монеты? Выбор слова оправдан прежде всего рифмой «*дукаты – карты*». «Дукат [ит. *ducato* ← лат. *ducatus* герцогство] – старинная серебряная или золотая монета, впервые выпущенная в Италии и распространенная по всей Западной Европе»¹. В переводе Чжэн Чжэна (一把把威尼斯金币) «*венецианские золотые монеты*», такой перевод оправдан, это позволяет китайским читателям лучше понять исходный текст, опираясь на исторический факт: дукаты впервые были выпущены в Венецианской республике.

А черным ладоням сбежавшихся окон
Раздали горящие желтые карты.

Мотив движения, проявленный у Маяковского в словосочетании «*сбежавшихся окон*» у Ван Фэйбая трансформируется в словосочетание «*спешили бежать первыми*», усиливается мотивом соревновательности. У Чжэн Чжэна мотив быстроты движения усиливается кратковременностью (*пролетавшим мимо*).

Бульварам и площади было не странно
Увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
Огни оброчали браслетами ноги.

¹ Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 228.

«Тога [лат. toga ← tegere покрывать] – у древних римлян верхняя мужская одежда, род мантии, конец которой перекидывался через левое плечо»². Здесь точная рифма «тоги – ноги», отсылка к Риму не случайна. Игорные дома впервые появляются именно в Риме. «Казино [итал. – casino (домик); лат. – casa (хижина)]. Слово попало в русский язык из итальянского языка посредством французского. Казино – игорный дом; место, где играют в азартные игры»³.

Бульварам и площади было не странно.

Бульвары и площадь – территории городского пространства. Образ города расширяется. Дома продолжают олицетворяться.

Переводы Ван Фэйбая (街道和广场处之泰然，并不惊愕) «Улицы и площади спокойны и ничему не удивляются» и Чжэн Чжэна (大街、广场看着它们丝毫不感到惊愕) «Глядя на них, улицы и площади нисколько не удивлялись» очень похожи. Слово категории состояния «не странно» (предикативный член в составном именном сказуемом при отсутствии подлежащего) заменено глаголом «не удивляются». У Маяковского употребление слова оправдано созвучием слов «не странно – раны».

И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Если в первом четверостишии огни в окнах, как желтые карты, то здесь, как желтые раны. Образ, связанный с желтым цветом, ужесточается: рана ассоциируется с повреждением, кровью, болью. Обручение – обряд, когда будущие супруги обменивались кольцами. Кольца свидетельствовали о том, что они уже не свободны. Браслеты на ногах у Маяковского не просто украшение, такое восприятие предупреждается образом «ран». Мотив несвободы, который задается словом «обручение», соотносит браслеты на ногах с кандалами. В игровой стихии ночного города человек не управляет собой. Эти бегущие не свободны! Перевод Чжэн Чжэна лаконичен: (早早地给奔走的人们戴上了脚镣) «Ножные браслеты были надеты на тех, кто бежал рано».

Ван Фэйбай при переводе этих строк сосредотачивается на мотиве обручения: (给前面跑的脚步戴上订婚的金镯) «Наденьте обручальный золотой браслет на ноги бегущей перед вами». Понятно почему «бегущие» у Ван Фэйбая обретают женский род, желтый цвет превращается в золотой. Можно здесь увидеть отступление от оригинального текста. Но абстрактная поэтика оправдывает разные интерпретации. Очень тонко вводимый эротический мотив Ван Фэйбаем не противоречит в целом концепции стихотворения: город как игровая стихия, порождающая психофизиологическую зависимость, под которую попадает и разврат.

Толпа – пестрошерстая быстрая кошка –
Плыла, изгибаясь, дверями влекома;
Каждый хотел протащить хоть немножко
Громаду из смеха отлитого кома.

² Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 671.

³ Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. С. 345.

В этом четверостишии «бегущие» из предыдущей строфы обретают наименование – это толпа. Образ толпы фантазмагорический – *пестрошерстая быстрая кошка*. Кошка – животное ласковое, но хищное, своевольное, с острыми коготками и гедонистическими наклонностями. Кошка быстра на охоте, эпитет оправдан. Мотив смеха связан с игровой стихией, азартом, риском, наслаждением. «*Каждый хотел*» – подчеркивает поэт.

У Чжэн Чжэна кошка (猫) трансформируется в (狸猫) «*циветту*», что оправдано звуковым созвучием, слово образует рифму со словом (吸引) «*привлеченная*» в конце следующего четверостишия. Покажем это в записи пиньинь: для «*циветты*» – пиньинь: lì mào; для «*привлеченная*» – xī yǐn, lì и xī.

Пиньинь – система буквенного латинского письма, использующаяся для записи китайских слов, «китайские иероглифы состоят из пиньинь» (Шао, 2001, с. 201). Циветта – хищное млекопитающее, похожее на кошку, темно-бурые пятна характерны для окраса шерсти. Переводчик находит звучный эквивалент слову «кошка», не утратив характеристики этого животного, служащие для метафорического осмысления феномена толпы (пестрошерстность, быстрота, своеволие).

У Ван Фэйбая восприятие толпы снижается эпитетами «*блуждающий*» (бродячий), «*сгорбленный*».

Каждый хотел протащить хоть немножко
Громаду из смеха отлитого кома.

Нюансы смысла слова «протащить» в оригинальном тексте: 1) пронести с трудом; или 2) в неодобрительном значении: внести что-нибудь «неприметным или неблагоприятным способом»⁴ – утрачиваются в переводах, само словосочетание «*протащить хоть немножко*» воспринимается буквально – «*получить*», «*выиграть*».

Переводы Ван Фэйбая (谁不想抽点儿?) «*Кто бы не хотел получить хоть немного, капельку*» и Чжэн Чжэна (谁都想要多多少少地捞上一大票) «*Все хотят выиграть много денег*». Но перевод Ван Фэйбая склонен к двусмысленности в выборе слов: «Некоторые иероглифы в китайском языке могут представлять как действие, так и определенную вещь. Значение иероглифов тесно связано. Первое употребление – это глагол, а второе – существительное»⁵. Таким образом, здесь 抽 имеет два значения: как глагол – «курить» и как существительное – «капелька». Ван Фэйбай выбирает значение существительного – каждый хочет получить немного (*капельку*) денег.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
В глаза им улыбку протиснул, пугая
Ударами в жесть, хохотали арапы,
Над лбом расцветивши крыло попугая.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН; Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ, 1994. С. 612.

⁵ Ху Г. Пособие по переводу. Шанхай, 2010. С. 99. [胡谷明, 《汉俄翻译教程》, 上海外语教育出版社, 99页.]

Олицетворенный образ городских домов (синие тоги, платья) объединяется с образом толпы – кошки. Правда, в последнем четверостишии о кошке напоминают только *лапы*, которые хорошо рифмуются с «*арапы*». Первую строку можно интерпретировать и буквально как легкий эротический намек, что и подчеркивается в переводах. Ван Фэйбай перевел: (裙子) «женскую короткую юбку», Чжэн Чжэн: (连衣裙) «манящего платья».

Словосочетание «*пугая ударами в жесть*» было интерпретировано переводчиками. Оба переводчика соединили удары в жесть с хохотом, тем самым усилив ужасность хохота, соединив его с резкими звуками, возникающими при ударах по металлическим предметам (как будто стучали по железу, бьют в жестяное ведро). Футуристическая установка на звуковую эпатажность актуальна в китайских переводах.

В первом четверостишии – ночной город как игорный дом (желтые карты, зеленый цвет игорного стола). Во втором и третьем четверостишиях появляется действующее лицо – «*бегущие*» – «*толпа – пестрошерстная кошка*». Бульвары, площади, дома, двери – маркеры городского пространства. Образ города не статичный, а динамичный («*бегущие*», «*быстрая*», «*дверями влекома*»). Образ антропоморфного ночного города (тоги, платья, черные ладони) превращается в зооморфное существо. Это еще не хищный оскал зубов, это только «*лапы платья*». Но животное начало в любом случае подчеркивается. Мотив города-казино дополняется образом арапов, служащих в экзотических головных уборах, которые украшались в том числе и перьями. Город как «*манящий дверями*» игорный дом у Маяковского связан со смехом (*протащить хоть немножко громаду из смеха отлитого кома*). Оксюморонное словосочетание «*немножко громаду*». Игровая стихия связана с азартом, риском, удачей и неудачей, выигрышем и проигрышем. Здесь понятно, почему «*громада из смеха отлитого кома*», выступающая как знак надежды на высокие ожидания от игры, трансформируется у Маяковского в крайне громкую форму проявления стороннего смеха («*хохот арапов*») как знака проигрыша и крушения слишком высоких ожиданий.

Заключение

Неуловимость, недосказанность кубофутуристической поэтики в китайских переводах наполняется вполне конкретным содержанием. Ван Фэйбай в своем переводе стихотворения «Ночь», в отличие от Чжэн Чжэна, усилил эротический мотив, связанный с женским началом. Чжэн Чжэн усилил угрожающую, зловещую семантику, связанную с ночным городом (в его переводе появляются такие персонажи, как злодеи). Субъективные образы воспринятого текста, складывающиеся при ретрансляции художественной информации в перевод, отличаются. Оба перевода можно считать адекватными оригинальному тексту. Атмосфера ночного города как игорного дома с манящими дверями передана обоими переводчиками. По сравнению с емким, близким к оригиналу переводом Чжэн Чжэна, перевод Ван Фэйбая более распространенный, дополненный эпитетами, новыми нюансами смысла.

Все виды переводческих трансформаций (перестановки, замены, добавления, опущения) можно наблюдать при сравнении переводов. Сохранена визуальная форма стихотворения Маяковского: четыре катрена. Стихотворение написано амфибрахией, лишь третья строка в третьем четверостишии выделяется начальным ударным слогом; рифма перекрестная, схема рифмовки: ababcdcd. В китайском языке нет порядка чередования ударных (долгих) и безударных (кратких) слогов в строке, размер стиха в переводе утрачивается. Эксперименты с рифмой наблюдаются в переводе, футуристическая установка на звучащее слово актуальна в китайских вариантах.

В целом межъязыковые преобразования переводчиков не противоречат концептуальному смыслу произведения. Некоторые переводческие трансформации обогатили привычное восприятие стихотворения новыми смысловыми нюансами.

Ночной город затягивает манящими дверями, толпа захватывает в объятия зовущих лап. Ночной город заставляет жить по жестким правилам игры. Игра – это и легкий успех, и подарок судьбы или крах и разорение, это всегда на грани. Перепад от смеха к хохоту – это отражение динамики внутреннего напряжения обитателей ночного города.

Список литературы

- Ван Ф. Облако в штанах: избранные стихи Маяковского. Сычуань, 2018. 415 с. [汪飞白, 《穿裤子的云: 马雅可夫斯基诗选》, 四川人民出版社, 3 页.]
- Ван Ф. Опыт перевода поэтических произведений. Пекин, 2016. 399 с. [汪飞白, 《译诗漫笔》, 外语教学与研究出版社, 105 页.]
- Жаднова Е.Н. Футуристическая поэтика романа А. Белого «Петербург» // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 88–93.
- Избранные стихотворения Маяковского / под ред. Ю. Лу. Пекин, 1998. 717 с. [卢永主编: 《马雅可夫斯基诗选》, 人民文学出版社, 39 页.]
- Шiao Ц. Общая теория современного китайского языка. Шанхай, 2010. 235 с. [邵静敏, 《现代汉语通论》, 上海教育出版社, 201 页.]

References

- Lu, Y. (Ed.). (1998). *Selected poems by Mayakovsky*. Beijing. (In Chin.)
- Shao, J. (2010). *General theory of modern Chinese*. Shanghai. (In Chin.)
- Wang, F. (2016). *Experience in translating poetic works*. Beijing. (In Chin.)
- Wang, F. (2018). *Clouds in the pants: Selected poems by Mayakovsky*. Sichuan. (In Chin.)
- Zhadnova, E.N. (2013). Futuristic poetics of A. Bely's novel "Petersburg." *Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*, (3), 88–93. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лю Чао, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет. ORCID: 0000-0002-2570-9513. E-mail: liuchaoooo@inbox.ru

Кузьмищева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университета. ORCID: 0000-0003-4921-6243. E-mail: natashakuz@inbox.ru

Bio notes:

Chao Liu, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University. ORCID: 0000-0002-2570-9513. E-mail: liuchaoooo@inbox.ru

Natalya M. Kuzmishcheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University. ORCID: 0000-0003-4921-6243. E-mail: natashakuz@inbox.ru

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
THEORY OF LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Русские формалисты и русская литература

Е.П. Бережная

*Государственная публичная научно-техническая библиотека,
Сибирское отделение Российской академии наук,
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Восход, д. 15*
 bereg.63@mail.ru

Аннотация. Русская литература современного дня потеряла свою державность и уже не претендует на выстраивание собственных законов развития в историческом движении. Прогнозируемая формалистами «диктатура искусства», рассчитанная на тотальную текстуальность русской культуры, оказалась лозунгом преимущественно оптимистическим, утратившим свою стимулирующую функцию в контексте живой литературной действительности. Исследование посвящено проблеме взаимодействия русской литературы и формализма. Русская литература в работах формалистов рассматривалась как автономно существующая системно-организованная структура, моделирующая «другую» не зависимую от социальных и политических условий реальность. Движение литературы в функциональной перспективе определяло деятельность и задачи так называемой формальной школы в лице ее главных представителей – Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова.

Ключевые слова: русский формализм, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, Автобиография, литературный быт, литературный факт, деланье вещи

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 февраля 2022 г.; откорректирована 15 мая 2022 г.; принята к публикации 1 июля 2022 г.

Для цитирования: *Бережная Е.П.* Русские формалисты и русская литература // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 497–503. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503>

© Бережная Е.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian formalists and Russian literature

Yekaterina P. Berezhnaya

*State Public Scientific-Technological Library,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St, Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

 bereg.63@mail.ru

Abstract. Russian literature of the present day has lost its statehood and no longer pretends to build its own laws of development in the historical movement. The “dictatorship of art” predicted by the formalists, intended for the total textuality of Russian culture, turned out to be a predominantly optimistic slogan that has lost its stimulating function in the context of living literary reality. The research is devoted to the problem of interaction of Russian literature and formalism. Russian literature in the works of Russian formalists was considered as an autonomously existing system structure that simulates a “different” reality, independent of social and political conditions. The movement of literature in a functional perspective determined the activities and tasks of the so-called “formal school” mainly represented by Viktor Shklovsky, Boris Eikhenbaum and Yury Tynyanov.

Keywords: Russian formalism, Yury Tynyanov, Boris Eikhenbaum, Viktor Shklovsky, Autobiography, literary life, literary fact, doing things

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 18, 2022; revised May 15, 2022; accepted July 1, 2022.

For citation: Berezhnaya, Ye.P. (2022). Russian formalists and Russian literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 497–503. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-497-503>

Русская литература современного дня потеряла свою державность и уже не претендует на выстраивание собственных законов развития в историческом движении. Прогнозируемая формалистами «диктатура искусства» (Шкловский), рассчитанная на тотальную текстуальность русской культуры, оказалась лозунгом преимущественно оптимистическим, утратившим свою стимулирующую функцию в контексте живой литературной действительности. Доминирование литературы и связанное с ним филологическое знание стали глубоко периферийными областями, уступив место «бытовым», лежащим за границами «узкой» спецификации, явлениям.

Во вновь открывшейся оппозиции «литература – быт» определяющим фактором для (само)идентификации представляется важность образовательных и культурных институций, принадлежность к которым является отличительной приметой современного культурного процесса. С опережающей точностью это почувствовал один из создателей концепции «литературного быта» Б.М. Эйхенбаум. В статье с одноименным названием, обращаясь к литературной современности, он констатировал: «Каждый писатель пишет как

будто за себя, а литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то „нелитературным“ признакам – по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми» (Эйхенбаум, 1987, с. 429–430).

Литературный (научный) текст перестал быть гарантом писательского (или исследовательского) успеха; в новое время он выступает как нечто вторичное по отношению к социуму и человеческим взаимодействиям внутри него. Эйхенбаум в процитированной статье «Литературный быт» отметил устойчивую тенденцию литературы маргинализироваться по отношению к бытовому материалу и писательским поведенческим установкам. Для него отход литературы на периферию – главное явление современной жизни: «Вместе с тем вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого „дела литературы“¹. Вопрос о том, „как писать“, сменился или, по крайней мере, осложнился другим – „как быть писателем“. <...> Проблема литературы как таковой заслонилась проблемой писателя» (Эйхенбаум, 1987, с. 430).

Эйхенбаумовское понимание литературы как социального института оказалось созвучно нашему времени, сократившему разрыв между искусством и действительностью. За границами спецификации произведениями искусства стали не-искусственные вещи, прежде имеющие с классическими образцами разные и несовместимые линии культурного развития. Неспособность работать «без большого захвата» вместе с неотъемлемым вкусом к эмпирической конкретике определили исследовательскую манеру Эйхенбаума в 1920–1950-е гг. и его значимое присутствие в социокультурном пространстве сегодня.

Организирующим звеном современного литературного процесса остается «особая фигура писателя», создающего в читательском восприятии и в восприятии любого другого реципиента неожиданные и эффектные формы соотношения его с внехудожественной реальностью, в то время как литературный и научный тексты могут быть осознаны лишь опосредованно. Ср. замечание Эйхенбаума по поводу писательского имиджа В. Шкловского: «Обсуждают не столько его идеи, стиль или теории, сколько что-то другое – его самого: его поведение, тон, намеки, манеру» (Эйхенбаум, 1987, с. 444). Произведения искусства реконструируют реалии жизни писателя, ставя под сомнение художественную условность; научные тексты говорят нам больше об исследователе, чем о предмете исследования. Ср. из ст. Ю.Н. Тынянова «Пушкин»: «Пушкин побывал уже в звании „романтика“, „реалиста“, „национального поэта“ (в смысле, придаваемом этому слову Аполлоном Григорьевым, и в другом, позднейшем), в эпоху символистов он был „символистом“» (Тынянов, 1969, с. 122). С попытки устранить автобиографичность книги, а на деле – представить книгу статей как научную автобиографию начинает Тынянов предисловие к «Архаистам и новаторам»:

«Книга эта <...> равна девяти прошедшим годам, и я смотрю на нее как любой писатель предисловия – со стороны. Собственно, нужно бы расположить работы по времени их написания: тогда противоречия, может быть встречающиеся в некоторых, объяснились бы как постепенный пересмотр

¹ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых текстов.

выводов, зависящий от расширения материала, а теоретические статьи, с которых начинается сборник, казались бы выводами из конкретного материала и предположениями, сделанными на основе этих выводов, а не собранием тезисов. Ложная любовь к внешнему порядку или предположение такой любви у читателя заставили меня сгруппировать статьи по темам, перетасовав 9 лет. Впрочем, не только поэтому. Мне казалось нескромным заставлять читателя ходить со мною по темам и выводам именно в той последовательности, в какой ходил я сам, так как сюжет этой книги прежде всего эволюция литературы, а никак не эволюция автора» (Тынянов, 1977, с. 395).

При этом тыняновский автобиографизм и «биография» Эйхенбаума предполагают разные уровни соотношения с внеязыковой реальностью. «Автобиография» Тынянова – одно из лучших художественных произведений в мировой литературе. В теоретико-литературном наследии Тынянова «Автобиография» вместе с корпусом текстов, получившим условное название «Рассказов, которые не захотели быть рассказами», занимает совершенно особое место. Сближение автобиографического текста с «рассказами» имеет значение в случае распознавания «новой» стилистической манеры Тынянова, отличимой от его научной и художественной прозы. Интонационно выстроенная мелодия фразы «маленького рассказа» «Научи меня, город Щерица, говорить» в «Автобиографии» определит стилевой рисунок текста: «Научи меня, город Щерица, говорить. Научи меня говорить спокойно. Река получерная, вернее, оловянная. Лодка. Стального цвета выгибающаяся спина. У дома удивленно приподняты над окошками карнизы (как веки). По берегу гонит белую корову баба. Вот так спокойно – научи меня говорить» (Тынянов. Из записных книжек, 1966b, с. 127).

И она же помогает «быту» противопоставить себя повседневности, став при этом составной частью лирической основы произведения:

«Я родился в 1894 году в городе Режице, часах в шести от мест рождения Михозлса и Шагала и в восьми от места рождения и молодости Екатерины I. Город был небольшой, холмистый, очень разный. На холме – развалины Ливонского замка, внизу – еврейские переулки, а за речкой – раскольничий скит. До войны город был Витебской губернии, теперь – латвийский. В городе одновременно жили евреи, белорусы, великорусы, латыши, и существовало несколько веков и стран. Староверы были похожи на суриковских стрельцов. В скиту тек по желтым пескам ручей, звонили в било (отрезки рельсов; колокола были запрещены), справляли на бешеных конях свадьбу. Потом разводились, и тогда тоже мчались на конях, загоняли их. Там ходили высокие русские люди XVII века; старики носили длинные кафтаны, широкополые шляпы; бороды были острые, длинные, сосульками. Пьянства случались архаические, и опять-таки кончались ездой» (Тынянов. Автобиография, 1966a, с. 9).

Тыняновская «Автобиография» – безупречный образец «идеальной литературы», в которой личность автора отсутствует или его редкое местоименное присутствие отчуждено от событий, освещаемых в произведении. Исключение автора из текста создает условия для восприятия литературы с точки зрения формы и формального несходства в противоположность «содержательному», учитывающему все – «быт, психологию, политику, фило-

софию», подходу. Ср.: «...до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу – быт, психология, политика, философия» (Якобсон, 1987, с. 275).

Введение Тыняновым понятия «маски» в литературе уводило читателя от прежде релевантной «биографической» интерпретации произведения в сторону функционального изучения текста, учитывающего приемы и стилевую манеру писателя. «Лирический герой», «речевой рупор» или «маска» (эти категории у Тынянова взаимозаменяемы), примеряя на себя тот или иной «грим», переходя из одного литературного течения в другое, присваивали себе новую биографическую реальность, подчинив ее вновь сменившимся литературным школам. Ср.: «Биография и даже „родословная“ у поэтов не только существует, но „вызывается“ и даже меняется в итоге смены лирического героя: освещается часть биографии, важная в этом смысле. Так Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генеалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме. <...> Это было и новым речевым рупором, новым лирическим героем и новой темой „литературную личность“ одновременно. <...> К этим годам (1817–1818 гг. – Е.Б.) в лицейской лирике Пушкина оказались уже замаскированными, загримированными под оссиановские, античные и шуточно-карамзинистские тона: „любовницы“, друзья, товарищи и профессора адресаты, сам поэт и лицейский быт. (Этот грим впоследствии создал легенду о бурных лицейских кутежах, которых на самом деле не было.)» (Тынянов, 1969, с. 129).

В аполитической и асоциологической концепции Тынянова не существует реального, «биографического» автора, есть только «маска» («как в ремесле актера»), условно надеваемая поэтом в соответствии с нормами и требованиями литературного канона.

Отказ от автоцентрической традиции открывал путь читательскому взаимодействию с литературным произведением, игнорируя внетекстуальные и субъективные факторы. Литературный текст представлял собой не конгломерат идеологических и мировоззренческих установок писателя и не статическую «сумму приемов» (по Шкловскому), но динамически подвижную систему (или «живой *литературный факт*»), определяемый как таковой читателем-современником литературного процесса. Ср. у Тынянова: «Тогда как твердое *определение литературы* делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое *литературный факт*. Он скажет, что то-то к литературе не относится, является фактом быта или личной жизни поэта, а то-то, напротив, является именно литературным фактом. Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот» (Тынянов, 1977, с. 257).

Литература, по определению Тынянова, «динамическая речевая конструкция», и каждый из составляющих ее элементов соотносим между собой и с литературными произведениями других эпох прежде всего на уровне

языка и *слова*, исключая всякую возможность сопоставить текст с внехудожественной реальностью.

Тыняновской литературной динамике, взятой самой по себе, как «чистое движение» противопоставлена «долгота восприятия» в искусстве (по Шкловскому), где воспринимательный процесс самоцелен и «должен быть продлен». *«Искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно»* (Шкловский, 1983, с. 15).

В понимании Шкловским искусства присутствует очевидный психоаналитический аспект. Длительность литературы, как и ее существование «в веках» определяется уникальным жизненным опытом читателя, соотносившего свое внутреннее человеческое «я» с автором произведения. Литературный текст существует в акте восприятия читателем. «Всякое открытие делается не тем, кто рисует, а тем, кто использует, тем, кто понимает, что пришло в его руки» (Шкловский, 1983, с. 231). В «Автобиографии» Тынянов напишет в рамках принятой оппозиции между «автором» и «читателем»: «Я стал изучать Грибоедова – и испугался, как его не понимают и как не похоже все, что написано Грибоедовым, на все, что написано о нем историками литературы (все это остается еще и теперь)» (Тынянов. Автобиография, 1966а, с. 19). Тот, кто следует за «сделанным в искусстве», следует за видением автора изнутри, не отождествляя себя с ним, но выстраивая новые сюжетные и пространственные ориентиры. Читатель у Шкловского – читатель «формалист», способный «пережить деланье вещи», то есть стать автором безотносительно к ранее созданной художественной реальности. Он поглощен не столько поисками необходимого коррелята между литературным произведением и действительностью, сколько попытками утвердить новое видение в искусстве.

«Дыхание искусства разнообразно, но оно связано с великим пониманием искусства, созданного видением, обновлением чувств. Поэтому всемерность и разнообразность, вечность искусства основаны на обновлении и углублении восприятия» (Шкловский, 1983, с. 106–107).

Пафос писательских и научных интуиций Шкловского – научить людей смотреть и делать искусство. Визуальность видения тесно связана с формой воздействия литературного произведения и включает в сферу деятельности воспринимательный аспект. Для Шкловского – создателя в первую очередь «новых» образов в искусстве, весь образ литературы сконцентрирован на новом читательском восприятии, заменившем авторскую интенцию текста на произвольность воображаемых повествований. В триединой формуле автор – текст – читатель запечатлена «литературная физиология» Шкловского, и сам он включает в себя весь набор аналитических, литературных и биографических приемов, делающий его носителя легко узнаваемым современниками «литературным фактом» или «литературой» (в понимании Тынянова).

Русская литература в работах русских формалистов рассматривалась как автономно существующая системно-организованная структура, моделирующая «другую», не зависящую от социальных и политических условий реальность.

Движение литературы в функциональной перспективе определяло деятельность и задачи так называемой формальной школы в лице ее главных представителей – Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова.

Список литературы

- Тынянов Ю. Автобиография // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 9–20.
- Тынянов Ю. Из записных книжек. «Научи меня, город Щерица, говорить» // Новый мир. 1966. № 8. С. 120–137.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / сост. В.А. Каверин, З.А. Никитина; коммент. А.Л. Гришунина, А.П. Чудакова. М.: Наука, 1969. 424 с.
- Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.
- Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. 541 с.
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый // Работы по поэтике / Р. Якобсон; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.

References

- Eikhenbaum, B.M. (1987). *About literature. Works of different years.* (In Russ.)
- Iakobson, R. (1987). The latest Russian poetry. First sketch. *Works on Poetics* (272–316). (In Russ.)
- Shklovskii, V. (1983). *About prose theory.* (In Russ.)
- Tynianov, Iu. (1966a). Autobiography. *Yuri Tynyanov. Writer and Scientist. Memories. Reflections. Meetings* (pp. 9–20). (In Russ.)
- Tynianov, Iu. (1966b). From notebooks. Teach me, town of Scheritsa, to speak. *Novyi Mir*, (8), 120–137. (In Russ.)
- Tynianov, Iu.N. (1969). *Pushkin and his contemporaries.* (In Russ.)
- Tynianov, Iu.N. (1977). *Poetics. Literary history. Movie.* (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бережная Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, главный библиотекарь, Государственная публичная научно-техническая библиотека, Сибирское отделение Российской академии наук. ORCID: 0000-0003-1012-8764. E-mail: bereg.63@mail.ru

Bio note:

Yekaterina P. Berezhnaya, PhD in Philology, chief librarian, State Public Scientific-Technological Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1012-8764. E-mail: bereg.63@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-513
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И.С. Тургенева «Первая любовь»

Ш. Липке

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Институт Св. Фомы,
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46, стр. 4*
✉ stephanlipkesj@gmail.com

Аннотация. В предлагаемом исследовании новелла И.С. Тургенева «Первая любовь» изучается в ключе теории об эдиповом конфликте, однако не столько согласно концепции З. Фрейда, в которой эротическое желание является основой для соперничества между отцом и сыном, а, наоборот, в свете пересмотра концепции Фрейда его последователями Ш. Ференци, Дж.М. Мейссоном и преимущественно Р. Жираром, то есть первичны травматичные взаимоотношения между сыном и родителями, на фоне которых возникает соперничество, и только в связи с этим – эротическое влечение отца и сына к одной и той же женщине. Тем не менее символы, присущие в наблюдениях в ключе фрейдизма, например детская куртка, которую мать главного героя заставляет носить в присутствии его тайной возлюбленной, вырванная ею прядь его волос, потеря им ножа, которым он намеревался убить соперника, превосходство отца в верховой езде и хлыст, которым отец бьет Зинаиду, сохраняют свое значение для исследования. Сделан вывод о том, что для новеллы первичен отказ родителей Владимира соответствовать своей роли; это одновременно становится травмой для него, а для отца – основой для эротического соперничества. Когда же сын понимает, что Зинаида стала любовницей отца и тем более, что их отношения болезненны, это становится для него столь глубокой травмой и даже символической кастрацией, что в дальнейшей жизни Владимир неспособен любить и преодолевать обстоятельства ради осуществления своих намерений. В этой связи он скорее доживает свою жизнь и остается холостым.

Ключевые слова: З. Фрейд, Эдипов конфликт, Р. Жирар, миметическое желание, символическая кастрация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 января 2022 г.; откорректирована 3 мая 2022 г.; принята к публикации 1 июня 2022 г.

Для цитирования: Липке Ш. Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И.С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 504–513. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-513>

Mimetic desire, competition between father and son and traumatic experience in Ivan Turgenev's novella "First Love"

Stephan Lipke

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

St. Thomas Institute, 46 Fridrikha Engelsa St., bldg 4, Moscow, 105005, Russian Federation

✉ stephanlipkesj@gmail.com

Abstract. Ivan Turgenev's novella "First Love" in the light of the Oedipus conflict is studied. But it's done not according to S. Freud's conception, in which erotic desire is the starting point and crucial aspect of the conflict between father and son. Rather, it interprets the way it is understood by Freud's heirs S. Ferenczi and J.M. Masson, and even more in the light of R. Girard's culturology. Thus, what is crucial for the author is the competitive conflict in itself, which only in a second step leads to father and son desiring the same woman. Nevertheless, some symbols that might play a role in Freud's psychoanalytic observations are important for as well. Among these symbols are the jacket fit for children which his mother forces Vladimir to wear in Zinaida's presence, Vladimir's hair torn out by Zinaida, the knife with which Vladimir wanted to kill his rival but which he drops, the fact that Vladimir's father rides on horseback better than Vladimir, and the whip with which the father beats Zinaida. To our point of view, the starting point of the plot is that Vladimir's parents do not care for him. This is a trauma for the young man and the origin of an erotic rivalry for his father. When Vladimir discovers that Zinaida is his father's lover and, even more, that they are unhappy in their relationship, this becomes a profound trauma for the young man, one could even say, it symbolically castrates him. Later on, he is not able to love or to overcome circumstances in order to reach his aims. He rather somehow goes on instead of living. For example, he does not marry.

Keywords: S. Freud, Oedipus conflict, R. Girard, mimetic desire, symbolic castration

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 19, 2022; revised May 3, 2022; accepted June 1, 2022.

For citation: Lipke, S. (2022). Mimetic desire, competition between father and son and traumatic experience in Ivan Turgenev's novella "First Love". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 504–513. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-153>

Введение

Важной составляющей изучения творчества И.С. Тургенева давно является психология. Например, В.М. Маркович, обращаясь к тематике «Человек в романах И.С. Тургенева», не в последнюю очередь изучает поиски любви,

в частности в романах, близких по времени к изучаемой нами новелле: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети» (Маркович, 1975, с. 88–91). В.Н. Топоров обращает внимание, что Тургенев «странный» писатель, который, например, в «Первой любви», дотрагивается до глубин любви и смерти, остающихся при этом и для него самого тайнами (Топоров, 1998, с. 54–101). Л.Я. Гинзбург подчеркивает, что для Тургенева важно, но трудно создать психологически верный образ героя (Гинзбург, 1999, с. 61). С.А. Кибальник изучает новеллу «Первая любовь» в качестве текста «о любви как добровольном рабстве» (Кибальник, 2014, с. 21), тем самым сосредоточиваясь на отношениях между Владимиром и Зинаидой и, хотя и не явно, включая новеллу в ряд таких повестей, как «Ася», «Вешние воды» и «Песнь торжествующей любви», посвященных взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. Соперничество между отцом и сыном в ключе теории З. Фрейда об эдиповом конфликте видит в новелле Г.Н. Боева (2019, с. 80–92), обращающая внимание на временную связь новеллы с романом, который именно так и называется «Отцы и дети» (Боева, 2019, с. 83). С.А. Шульц, в свою очередь, изучает сюжетную линию любовного соперничества между отцом и сыном в новелле «Первая любовь» И.С. Тургенева и в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, выявив связь обоих произведений с комедией «Клиция» Н. Макиавелли (Шульц, 2021, с. 9–20).

На данном фоне научная новизна настоящей статьи заключается в том, что впервые изучаются корни любовного соперничества между отцом и сыном такими, какими их представляет не столько теория З. Фрейда об эдиповом конфликте, сколько ее трансформация последователями Фрейда Ш. Ференци и Дж.М. Мейссоном, а также культурологом Р. Жираром. Актуальность исследования связана с тем, что концепция Жирара, теперь активно привлекаемая в русском литературоведении, правда почти исключительно для интерпретации творчества Ф.М. Достоевского (Родин, 2020, с. 97–104; 2021, с. 42–51), к которому и сам Жирар обращался (Жирар, 2012, с. 41–133), может внести существенный вклад и в изучение психологической составляющей творчества И.С. Тургенева.

Как известно, для З. Фрейда соперничество между отцом и сыном, ведущее к эдипову конфликту, возникает не на пустом месте. Наоборот, первичную роль играет эротическое желание мальчика как таковое, чьим естественным изначальным объектом является мать (Фрейд, 1991, с. 368). Только из-за этого желания, по мнению Фрейда, заложенного в каждом мальчике (*mutatis mutandis* и в каждой девочке), возникает конфликт с отцом.

Р. Жирар читает данные Фрейда ровно наоборот. По его мнению, первично соперничество как таковое. Оно возникает, когда на фоне «миметического кризиса», то есть кризиса, связанного с желанием подражать другому человеку, стираются различия между людьми, и общество становится неструктурированным (Жирар. Козел отпущения, 2010а, с. 58–59; Жирар. Насилие и священное, 2010b, с. 87), например в связи с тем, что отец отсутствует или отказывается вести себя, как отец, что приравнивает его к сыновьям. Именно тогда между отцом и сыном возникает соперничество, которого бы быть не могло, если бы отец был твердо уверен в своей отцовской роли.

И именно в связи с соперничеством возникает насилие (Жирар. Козел отпущения, 2010а, с. 30–31). Это не общечеловеческое явление, а результат разрушения иерархий в западном обществе (Жирар. Насилие и священное, 2010б, с. 246–247). Фрейд же почувствовал значимость миметического соперничества, но до идеи его приоритета так и не дошел, потому что на общечеловеческой первичности эротического желания строится психоанализ (Жирар. Насилие и священное, 2010б, с. 241–243).

С исторической точки зрения на самом деле высказывание Фрейда и его школы о первичности эротического желания как такового является результатом определенного выбора. Это решение Фрейда отказаться от собственной изначальной, резко осужденной коллегами идеи, что раннее возникновение сексуального желания и эмоциональный хаос, связанный с эдиповым конфликтом, является не выражением природы ребенка, а результатом ранней травмы, в частности пережитого опыта сексуального насилия. Данное мнение Фрейд высказал в докладе 1896 г. на собрании коллег в Вене (Freud, 1984, с. 269). Однако его доклад вызвал недоразумение или даже ярость (Masson, 1984, с. 9–10). Именно поэтому после долгих колебаний в 1905 г. Фрейд отказался от данной позиции и стал утверждать, что рассказы пациентов о пережитом сексуальном насилии – продукты большой фантазии людей, которые не сумели продуктивно переработать свои эдиповы желания (Masson, 1984, с. 11–12).

Возобновили же, хотя при этом и оставшись маргиналами, первичную интуицию Фрейда после Первой мировой войны его ученик Ш. Ференци (Ferenczi, 1984, с. 283–296), а в 1970–1980-е гг. исследователь архивных материалов Фрейда Дж.М. Мейссон (Masson, 1984, с. I–XXIV).

В настоящем исследовании выдвигается гипотеза, что в новелле «Первая любовь» И.С. Тургенева любовное соперничество между отцом и сыном не только вызывает травму, но и возникает в связи с более ранней травмой, которая, правда, связана не с сексуальным насилием, а с отстраненностью между сыном и родителями.

Эротическое соперничество и травма

В обрамляющем действии новеллы хозяин дома подозревает, что история первой любви Владимира Петровича каким-то образом связана с тем фактом, что он остался холостяком (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 303). На самом деле главный герой прерывает рассказ, восклицая: «О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, – где вы, где вы?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 323). Также в финале, подводя итоги, он говорит: «Какую богатую будущность предвидел, когда едва проводил одним вздохом, одним унылым ощущением на миг возникший призрак моей первой любви? А что сбилось из всего того, на что я надеялся?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 363).

Факт, что мало сбилось из мечт Владимира, связан с тем, что уже его первая любовь обернулась соперничеством с отцом. На вечеринке у Зинаиды, в которую Владимир тайно влюблен, другой ее поклонник, поэт Майданов, читает свои стихи: «Иль, может быть, соперник тайный / Тебя нежданно покорил?»

Тогда, как сообщает Владимир, его «глаза и глаза Зинаиды встретились» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330). В этот момент Владимир думает: «Боже мой! Она полюбила!» и чувствует ревность (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330). Затем же он постепенно понимает, что его соперник – собственный отец (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 340, 350, 354).

Данное соперничество в случае Владимира заканчивается травмой. Он говорит, когда окончательно понимает, что у Зинаиды роман с его отцом: «Все было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 354). На эту травму указывает также рубец на руке Зинаиды после удара хлыстом со стороны отца (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360), символически соответствующий лишению ее девственности. Знание, что Зинаиду бьют, для Владимира болезненно, он рассказывает, что у него «слезы лились. „Ее бьют, – думал [он], – бьют... бьют...“» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360). Для Владимира это должно быть особым унижением, потому что Зинаида пожаловала его себе в пажи, то есть поручила ему быть неотлучно подле нее (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 342), заботиться о ней и защищать ее. Таким образом, открытие, что Зинаида в отношениях с его отцом, и тем более болезненных, «станет для него жесточайшей травмой, которая наложит отпечаток на всю его жизнь» (Боева, 2019, 86).

Эту травму можно даже в некотором смысле назвать кастрацией. Она возникает еще прежде, когда «ревнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника...» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351), потому что Владимир, желающий убить любовника Зинаиды, на убийство отца не решается (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351). В этом смысле действительно «главное поражение он потерпел от своего отца, место которого он так никогда и не занял, оставшись инфантильной личностью» (Боева, 2019, 88). Символом кастрации является то, что Владимир бросает нож, указывающий на силу мужской страсти (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351). Этому соответствует, кстати, тот факт, что отец, раскаявшись в своей ярости, бросает хлыст, после чего он впервые оказывается беспомощным в отношении супруги (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360–362; Боева, 2019, с. 88). Результат же травмы или символической кастрации заключается в том, что Владимир не женится и проводит жизнь бесплодно.

Однако лишение Владимира мужской силы происходит даже ранее, и там оно также связано с отношениями между отцом и Зинаидой. Зинаида выдергивает у Владимира небольшую прядь волос (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335), что напоминает библейский сказ о том, как Далила влюбила в себя Самсона, повелела остричь его и тем самым лишила его безмерной, данной Богом силы (Суд. 16, 19). На самом деле, на восклицание Владимира, что ему «больно» от того, что Зинаида рвет его волосы, она отвечает: «А! больно! а мне не больно? не больно?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335). Строго говоря, в тексте не упоминается, отчего ей больно. Однако единственное, о чем может идти речь, – то, что ее отношения с человеком, которого она, как догадывается Владимир, «полюбила» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330, 331, 335) и которым, как он на тот момент не знает, является его

отец, болезненны. Об их болезненности свидетельствует еще один, более поздний факт: однажды отец и Зинаида возвращаются с прогулки верхом, причем, как замечает Владимир, отец «красен как рак <...> а она... Отчего она такая бледная? ездил верхом целое утро – и бледная?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 340).

На разницу между тайным любовником, который должен быть зрелым человеком, и мальчиком Владимиром здесь дополнительно указывает, что сцена с прядью волос следует непосредственно после того, как Зинаида призналась, что облака ей напоминают паруса корабля, на котором Клеопатра плыла к Антонию. Римскому полководцу, как оказывается, было за сорок лет, как и отцу Владимира (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335; Боева, 2019, 89). Таким образом, отец причиняет Зинаиде боль, а это ведет к тому, что она выдергивает у Владимира волосы. Это указывает на лишение Владимира мужской силы, косвенно совершенное его отцом. Ведь после этой сцены Владимир в своих размышлениях единственный раз соглашается с обычно обидной для него мыслью Зинаиды, что он – ребенок (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 336, 312, 342, 352).

Решение отца

Следует правильно оценить роль отца в процессе, из-за которого Владимир остается ребенком. С.А. Шульц утверждает, что «отец не подозревает о чувстве к Зинаиде сына» (Шульц, 2021, 14). Однако отец впервые идет к семейству Зинаиды после того, как сын ему «подробно» рассказал все, что там пережил во время своих первых визитов, в частности после того, как Владимир, хотя сначала и неохотно, но все же «начал превозносить» Зинаиду (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). Более того, во время рассказа сына отец слушает «полувнимательно, полурассеянно», подзадоривает Владимира «короткими вопросами и возражениями», а затем он «задумался, потянулся и встал» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). В этом смысле можно сказать, что именно интерес сына к Зинаиде вызывает интерес отца и что отец вступает в связь с Зинаидой не из эротического желания, которого на тот момент у него еще быть не может, так как он Зинаиду лично еще не знает, а именно из стремления показать сыну, что тот еще ребенок. В этом ключе здесь, действительно, как в концепции Р. Жирара, первично соперничество, стремление отца показать сыну свое превосходство. Можно даже сказать, что Шульцу, так же как библеистам, с которыми спорит Жирар, «неколебимый культ желания мешает» (Жирар. Козел отпущения, 2010а, 214) осознать первичность не эротического желания, а соперничества: желания отца показать сыну, кто из них сильнее.

Это подтверждает также символика, связанная с данной ситуацией: во время рассказа Владимира отец слушает, «рисую кончиком хлыста на песке» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). Здесь присутствует тот же хлыст, который и в дальнейшем символизирует силу мужской воли (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 324), той воли, которой он, по крайней мере, до последней ссоры с Зинаидой, отличается от сына. Его на данный момент делает сильным то, что им, в отличие от Владимира, не управляют эмоции. Именно это показывает факт, что его спокойное слушание сопровождается жест с хлыстом.

Со сценой ближе к финалу новеллы данный эпизод также связан тем, что отец собирается ехать верхом. Сын напрашивается в спутники, но отец отказывается от езды, тем самым восстанавливая обычное «равнодушно-ласковое» отношение к сыну (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325), и именно в пользу визита у Засекиных. Ближе к финалу же он разрешает сыну сопровождать себя, с тем чтобы отец шел к Зинаиде, а Владимир ждал его неподалеку (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 358), то есть снова с целью подчеркнуть разницу между собой, взрослым человеком, и мальчиком Владимиром в отношении Зинаиды – тем более что лошади и верховая езда, безусловно, связаны с сексуальной силой, и отец подчеркивает, что его конь сильнее «клепера» Владимира (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 357).

Отношения между сыном и родителями

Это происходит на фоне того, что отец «никогда не оскорблял» сына, «уважал [его] свободу» и «даже был, если можно так выразиться, вежлив» с ним, но при этом «почти не занимался [его] воспитанием», обычно «не допускал [его] до себя» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 323) и всяким образом показывал сыну, что между ними нет близких отношений, а даже если иногда возникало близкое между ними общение, тем не менее это быстро и бесследно проходило и «не давало [Владимиру] никаких надежд на будущее, точно [он] все это во сне видел» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 324). Таким образом, унижение сына в рамках соперничества за Зинаиду происходит на фоне того, что, как в концепции Р. Жирара, отца как такового в жизни Владимира почти нет.

То, что он мало принимает участие в воспитании сына, что бывает ласковым, но без постоянства, мешает сыну стать взрослой, самостоятельной личностью. В этом смысле можно действительно сказать, что фоном эдипова конфликта, как подозревает Ш. Ференци, и в этом случае является травма, нанесенная сыну прежде, – с той правкой, что это не травма сексуального насилия, а травма нестабильных и неблизких отношений между отцом и сыном.

В то же время отец относится к сыну как к себе равному, что усиливает риск соперничества между ними. Именно на этом фоне, более или менее сознательно приняв решение «кастрировать» сына, он отправляется к Засекиным. И эту «кастрацию» он завершает, отправляясь верхом вместе с сыном на свидание с Зинаидой, а затем еще, в свой последний день жизни, когда в письме призывает Владимира: «Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 362). В этом смысле неудивительно, что Владимир, почувствовавший свою беспомощность в соперничестве с отцом, а затем и беспомощность самого отца, действительно не женится и, как говорит Г.Н. Боева, «доживает свою жизнь, как придется» (Боева, 2019, 88). На это указывает и финальный эпизод новеллы, в котором, года четыре спустя, Владимир не пользуется возможностью навестить Зинаиду. Такое желание у него есть, но мешают внешние обстоятельства, а он не принимает решения, что визит важнее обстоятельств. А когда он, наконец, приезжает к Зинаиде, ему сообщают, что она, вышедшая замуж по расчету, четыре дня назад умерла от родов (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 362).

В «кастрации» Владимира принимает участие также и его мать. И здесь это связано с отсутствием родительской заботы в жизни молодого человека. Владимир рассказывает: «Матушка почти никогда не обращала на меня внимания» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Он также констатирует: «Никто не стеснял моей свободы» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Даже когда сын остался до позднего вечера у Засекиных, она немного ругает его за то, что он был у людей „не comme il faut“ и недостаточно занимается подготовкой ко вступительным экзаменам в университет, но он знает, что заботы матушки о [его] занятиях ограничатся этими немногими словами» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Таким образом подтверждается мнение Р. Жирара, что эротическое желание не является источником соперничества; его источником является травматичный опыт, что сын хочет иметь настоящих родителей, но родители отказываются соответствовать этой роли (Жирар. *Насилие и священное*, 2010b, с. 246–247).

Активно же мать «кастрирует» сына, когда семья ожидает прихода Засекиных на обед. Владимир надевает «сюртучок и галстук», потому что «гости будут» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). Таким образом, он хочет показать себя перед Зинаидой взрослым человеком. Однако мать, которая обычно не вмешивается в жизнь сына, запрещает ему носить сюртучок, так как Засекины в ее глазах не настоящие гости (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). Она также обращает внимание, что совсем недавно сыну сшили куртку, тем самым подчеркивая, что его еще не признали взрослым. А Владимир реагирует следующим образом: «Надо было покориться. Я заменил сюртучок курткой, но галстуха не снял» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). В связи с этим при Зинаиде, в частности в момент ухода Засекиных, он стоит «в своей куцей куртке и [глядит] на пол, словно к смерти приговоренный» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 318).

Таким образом к сыну оба родителя относятся не с любовью, а в основном равнодушно, поэтому между ними и сыном нет тех отношений, которым положено быть между родителями и детьми. В этом заключается первичная травма Владимира. Более того, на этом фоне, как того следует ожидать согласно концепции Р. Жирара, возникает соперничество: потенциальное взросление сына они воспринимают как угрозу. В связи с этим они не дают ему стать взрослым любящим человеком. Это подчеркивается такими символами его «кастрации» и вторичной травмы, как «кучая куртка» или превосходство отца в верховой езде.

Заключение

«Первая любовь» – это новелла об эротическом соперничестве между отцом и сыном, возникшем в травматичной атмосфере, а именно: при отсутствии настоящих отношений между родителями и сыном. Травматична для сына прежде всего неустойчивость отношений с отцом, обычная холодность последнего, которая только изредка сменяется нежностью и доброжелательностью, но ненадолго. С отсутствием собственно родительских к Владимиру отношений связано также то, что родители не позволяют ему стать взрослым человеком. Отец даже вступает в эротическое соперничество с ним и, естествен-

но, выигрывает, причем соперничество возникает определенно, как по концепции Р. Жирара, не на фоне совпадения эротических желаний, а как таковое, и только потом оно ведет к совпадению эротических желаний. Эдипов конфликт для Владимира заканчивается катастрофой. Его жизнь остается бесплодной, а он – холостяком. Символами его «кастрации» являются, к примеру, «куцая куртка», которую его заставляет носить мать, потеря Владимиром ножа, символа мужской страсти в виде ревности, вырванная Зинаидой прядь волос Владимира, а также хлыст, которым отец бьет Зинаиду.

Список литературы

- Боева Г.Н.* Предвкушение фрейдизма: опыт интерпретации И.С. Тургенева «Первая любовь» // IV Фрейдовские чтения: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 2019. С. 80–92.
- Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 416 с.
- Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 41–133.
- Жирар Р.* Козел отпущения / пер. с французского Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
- Жирар Р.* Насилие и священное / пер. с французского Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
- Кибальник С.А.* К вопросу о философии любви в творчестве Тургенева и Достоевского // Спасский вестник. 2014. № 22. С. 20–24.
- Маркович В.М.* Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 152 с.
- Родин К.А.* Достоевский Бахтина и Достоевский Рене Жирара: сравнительный анализ // *Respublica Literaria*. 2021. Т. 2. № 3. С. 42–51. <http://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.42-51>
- Родин К.А.* Треугольник желания Рене Жирара и сознание подпольного человека в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 97–104. <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/10>
- Топоров В.Н.* Странный Тургенев (четыре главы). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 192 с.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом). М.: Наука, 1978–2018.
- Фрейд З. «Я» и «Оно» / пер. Л. Голлербах // «Я» и «Оно»: труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 351–392.
- Шульц С.А.* Макиавелли – Тургенев – Достоевский: трансформация трагикомического сюжетного мотива («Клиция», «Первая любовь», «Братья Карамазовы») // Литературоведческий журнал. 2021. № 1 (51). С. 9–20. <http://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>
- Ferenczi S.* Confusion of tongues between adults and the child // *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* / J. M. Masson. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. Pp. 283–295.
- Freud S.* The Aetiology of hysteria // *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* / J. M. Masson. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. Pp. 251–282.
- Masson J.M.* The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. P. xxiv.

References

- Boeva, G.N. (2019). Anticipation of Freudianism: an attempt at an interpretation of I.S. Turgenev's story "First Love". *IV Freudovskie Chtenia: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 80–92). St. Petersburg: Vostochnoevropeyskiy Institut Psikhoanaliza Publ. (In Russian)
- Ferenczi, S. (1984). Confusion of tongues between adults and the child. In J.M. Masson (Ed.), *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* (pp. 283–295). New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Freud, S. (1984). The Aetiology of Hysteria (transl. J. Strachey). *Masson, J. M. The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory*. New York: Farrar, Straus and Giroux. Pp. 251–282.
- Freud, S. (1991). The Ego and the Id. *The Ego and the Id: Works from Different Years* (book 1, pp. 351–392). Tbilisi: Merani. (In Russ.)
- Ginzburg, L.Ya. (1999). *On psychological prose*. Moscow: INTRADA Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2010a). *The scapegoat*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2010b). *Violence and the sacred*. 2nd, corrected edition. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2012). Dostoevsky, from the double to the unity. *Critic from the Underground* (pp. 41–133). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Kibalnik, S.A. On the question of a philosophy of love in Turgenev's and Dostoevsky's work. *Spasskiy Vestnik*, (22), 20–24. (In Russ.)
- Markovich, V.M. (1975). *The human in I.S. Turgenev's novels*. Leningrad: Leningradskiy Universitet Publ. (In Russ.)
- Masson, J.M. (1984). *The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory* (p. XXIV). New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Rodin, K.A. (2020). René Girard's triangle of desire and the consciousness of the underground man in F.M. Dostoevsky's "Notes from Underground". *Tomsk State University Herald: Philosophy. Sociology. Politology*, (58), 97–104. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/10>
- Rodin, K.A. (2021). Bakhtin's Dostoevsky and René Girard's Dostoevsky: Comparative analysis. *Republica Literaria*, 2(3), 42–51. (In Russ.) <http://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.42-51>
- Shulz, S.A. (2021). Machiavelli – Turgenev – Dostoevsky: Transformation of the tragicomic motif ("Cletia," "The First Love," "The Brothers Karamazov"). *Literaturovedcheskiy Zhurnal*, (1), 9–20. (In Russ.) <http://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>
- Toporov, V.N. (1998). *The strange Turgenev (four chapters)*. Moscow: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet Publ. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1978–2018). *Full collection of his works and letters*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Липке Штефан, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов, директор Института Св. Фомы. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

Bio note:

Stephan Lipke, Candidate of Science (Philology), Assistant Professor, History of Philosophy Department, Peoples' Friendship University (RUDN University), director of the St. Thomas Institute. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

ФОЛЬКЛОРИСТИКА
FOLKLORE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-514-522

УДК 398.4

Научная статья / Research article

**Сонный паралич:
на пересечении биологии и фольклора**

П.Б. Поветкина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

✉ diana_middels@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «сонный паралич» с точки зрения биологии и народной культуры. Приводятся ключевые составляющие данного понятия, выделенные различными авторами, затронуты основные проблемы, его касающиеся, в том числе соотношение биологического и культурного в контексте сонного паралича. Кроме того, описаны возможные интерпретации сонного паралича, мифологические персонажи, связанные с ним в фольклоре разных народов мира, и фольклорные жанры, в которых он находит отражение. Представлены примеры нарративов о случаях сонного паралича в фольклоре; вне культурной традиции, где известны ассоциированные с сонным параличом мифологические персонажи; а также пример появления мифологических персонажей, связанных с проявлениями сонного паралича, не в мифологическом тексте, а в других фольклорных жанрах.

Ключевые слова: сонный паралич, змора, народная демонология, мифологический текст, ночной кошмар

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 8 апреля 2022 г.; откорректирована 20 апреля 2022 г.; принята к публикации 15 мая 2022 г.

Для цитирования: *Поветкина П.Б.* Сонный паралич: на пересечении биологии и фольклора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 514–522. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-514-522>

© Поветкина П.Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sleep paralysis: at intersection of biology and folklore

Polina B. Povetkina

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ diana_middels@mail.ru

Abstract. The author examines the concept of “sleep paralysis” from the point of view of biology and folk culture. The key components of this concept, highlighted by various authors, touches on the main problems related to this concept, including the relationship between biological and cultural in the context of sleep paralysis, are presented. In addition, the work describes possible interpretations of sleep paralysis, mythological characters associated with it in the folklore of different peoples of the world, and folklore genres in which it is reflected. Moreover, the article contains examples of narratives about cases of sleep paralysis in folklore; outside the cultural tradition, where mythological characters associated with sleep paralysis are known; as well as an example of the appearance of mythological characters connected with manifestations of sleep paralysis not in a mythological text, but in other folklore genres.

Keywords: sleep paralysis, zmora, folk demonology, mythological text, night-mare

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted April 8, 2022; revised April 20, 2022; accepted May 15, 2022.

For citation: Povetkina, P.B. (2022). Sleep paralysis: At intersection of biology and folklore. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 514–522. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-514-522>

Сонный паралич – это особое состояние психики человека, возникающее при переходе от сна к бодрствованию или, наоборот, не являющееся сновидением. Оно характеризуется тем, что «спящий человек чувствует тяжесть, как будто его давит какая-то внешняя сила; все осознает, но не может пошевелиться; слышит звуки, видит странные образы и определенным образом взаимодействует с ними» (Христофорова, 2020, с. 103). Вот как описал сонный паралич в своей трехфакторной модели канадский психолог Джеймс Алан Чейн:

«(1) ощущение вредоносного присутствия, сопровождаемое различными звуками (шагов, шепота и т. д.);

(2) затрудненное дыхание, чувство удушья, давления на тело, чувство обреченности;

(3) ощущение того, что человек плывет, полета и падения (включая ощущение пребывания вне тела и наблюдение за своим телом с внешней точки зрения).

Для первых двух кластеров, которые часто встречаются вместе, характерно чувство сильного ужаса, а третий, хотя иногда и ассоциируется со страхом, имеет тенденцию быть связанным с ощущением блаженства» (Cheyne et

al., 1999, p. 316). Это состояние может иметь место однократно или повторяться несколько раз.

Проанализировав множество нарративов о сонном параличе, исследовательница Шелли Адлер выделила инвариант описания данного состояния, который выглядит следующим образом:

- 1) пребывание в состоянии «бодствования»;
- 2) реалистичное восприятие окружающей среды;
- 3) неспособность двигаться;
- 4) подавляющий страх и ужас;
- 5) осязаемое присутствие;
- 6) давление на грудь;
- 7) затрудненное дыхание;
- 8) положение лежа на спине;
- 9) дополнительные необычные ощущения;
- 10) сексуальный компонент.

«Жертва „ночного кошмара“ может испытать ряд необычных слуховых, обонятельных или телесных ощущений. Примерами звуков могут послужить открытие или закрытие двери, скрип матрасных пружин, рычание животного, приближающиеся шаги, шелест или царапание. Это также могут быть жужжание или гудение. Человек может отчетливо слышать, как его или ее зовут по имени, или различать только неразборчивый, но явно зловещий шепот. Странные запахи также могут быть частью данного состояния, хотя они встречаются гораздо реже. Наконец, „спящий“ может ощущать движения различного типа, от подъема кровати или стаскивания покрывала до телесных ощущений того, что он плывет, падает или катится» (Adler, 2011, p. 9–13).

Несмотря на то что ключевые особенности сонного паралича достаточно легко выделяются в нарративах испытавших его людей, до сих пор нет полной и общепринятой совокупности его признаков, и каждый исследователь описывает данное состояние немного по-разному, добавляя к определению сонного паралича те или иные аспекты или исключая их из него. Поэтому оценки распространенности сонного паралича среди населения значительно варьируются в разных работах и составляют от 2 до 60 % (Denis et al., 2017, p. 1). Сонный паралич далеко не всегда является признаком патологии, хотя и может быть связан с некоторыми заболеваниями, в частности нарколепсией, посттравматическим стрессовым расстройством, паническим расстройством и т. д. (Христофорова, 2020, с. 118; Denis et al., 2017). По статистическим данным, примерно 30 % здоровых людей испытывали его по крайней мере однажды (Cheyne et al., 1999, p. 314).

С точки зрения биологии сонный паралич объясняется особенностями нейрофизиологии быстрой фазы сна (Христофорова, 2020, с. 118), во время которой люди видят сны. Чтобы человек не мог покалечиться, реагируя на происходящее во сне, в быстрой фазе сна произвольные движения мышц подавляются, кроме обеспечивающих дыхание и движения глаз (Denis et al., 2017, p. 15). В связи с этим при пробуждении и засыпании может возникнуть ситуация, когда мышцы парализованы, но сознание человека бодрствует. Это и называется сонным параличом. Тем не менее данное состояние все еще является малоизученным, и точные его причины неизвестны, хотя за-

фиксированы факторы, повышающие риск его появления: положение лежа на спине, нерегулярный сон, стресс и т. д. (Denis et al., 2017). Перечень исследований подобных состояний с точки зрения психологии и медицинской антропологии можно найти в работе Ольги Борисовны Христофоровой «Гнетке – сонный паралич? Необычное между фольклористическими и медицинскими классификациями» 2020 г. (Христофорова, 2020).

Внезапность и экстраординарность сонного паралича, а также сильные переживания, испытываемые человеком во время данного состояния, – все эти факторы приводят к тому, что «подобный достаточно необычный опыт подвергается интерпретации: мифологической (воздействие домового, покойника, зморы), эзотерической (параллельные миры, астральный план, похищение визионера инопланетянами), естественно-научной (кровь приливает, «избыток крови», астма, физическая усталость, стресс)» (Лазарева, 2018, с. 95; Hufford, 2005). При этом естественно-научные интерпретации не всегда вытесняют мифологические, напротив, часто они могут сосуществовать (Hufford, 2005, p. 30). Для исследователей фольклора принципиальна естественно-научная интерпретация, для носителей традиционной культуры – мифологическая. При этом в разных этнокультурных традициях функционируют особые мифологические персонажи, воплощающие локальные представления о ночном кошмаре: домового, змора, мара и т. д. Вместе с тем компоненты рациональной мотивировки событий появляются и в сообщениях информантов.

Рассмотрим примеры естественно-научной (1), мифологической (2) и смешанной интерпретации (3) в нарративах о зморе (море) из разных районов Польши:

1. Kiedy człowiek nasycony bez miary, lub niewstrzemięzliwy w picciu, położy się spać, pierwsze chwile snu jego (jak mówi Gluziński) koniecznie muszą być niespokojne. Duszenie takie nazywają Zmorą (Kolberg, 1962, s. 99).

Змора. Когда человек, наевшийся без меры или несдержанный в выпивке, ложится спать, первые минуты его сна (как говорит Глузинский) обязательно должны быть беспокойными. Такое душение они называют зморой (здесь и далее перевод цитат на русский язык выполнен нами. – П.П.)

2. Jak wiadomo, w skutek przeładowania żołądka lub też zaduchu w mieszkaniu, uczuwa człowiek podczas snu silne ciśnienie w żołądku, oddycha ciężko, a piersi jego jakby tłoczył kamień, język się zapieka, a sny zmysłowe trapią mocno ciało. Lud nadrabski powiada, że to wtedy zмора dusi cęka (Świętek, 1893, s. 516).

Змора. Как известно, из-за перегруженного желудка или духоты в комнате человек во время сна чувствует сильное давление в желудке, тяжело дышит, а ему на грудь будто бы давит камень, язык сохнет, а чувственные сны сильно мучают тело. Народ с Рабы говорит, что тогда змора мучает человека.

3. (Kiedys mnie dusilo coś w nocy) i tak zaczęło mi tak z nóg i dusi. A ja “Mamo!” zakrzyczałam. I ulżyło mi. Krew może tak źle funkcjonowała. Śmieli się, że to zмора, zмора dusiła. Przyżegnać się trzeba. (A co Pani czuła?) Tutaj (na piersi) czuje, jak ktoś przywalił mnie kłodo. Tylko ciężko mi tak się zrobiło. Może to krew nalaży (7).¹

(Когда-то меня что-то душило ночью) и так начало с моих ног и душил. А я закричала: «Мама!» И стало легче. Может, это кровь так плохо функционировала. Мы смеялись, что это змора, змора душила. Нужно перекреститься. (А что вы чувствовали?) Здесь (на груди) чувствую, как будто кто-то колодой меня привалил. Мне стало так тяжело. Может, это кровь бурлила (7).

¹ Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego. Sygnatura PAE 37.28.V. Okszów (ok. Chełmu). 1990. S. 43–44.

Любопытно, что от типа интерпретации может зависеть фольклорный жанр, поскольку при естественно-научном осмыслении быличка может превратиться в антибыличку:

Wiem na-przykład z własnego doświadczenia (mówi Klepaczewski), że w pewnym dworze tak okropny strach ogarnął czeladź przed Morą, którą to ten, to ów porobek* – to ta, to owa dziewczka widziała wieczorem jadącą w rzeszocie (w prze-taku) a piszczącą jakoby kółko przy taczce, – że musiano energicznych dla zapobieżenia złemu używać środków. Co-dzień kilku parobków lub dziewczek zaniemagało, a skarżyło się, że ich co-noc Mory duszą. Wyjaśniła się w końcu rzecz cała. Od niejakiego czasu dawano przez kilka dni mięso wraz z kluskami na południe i wieczерę (a mięsa było dostatek z bydła przepasionego koniczyną!). Póki starczyło mięsa i klusek na wieczерę, Mory okropnie dusiły, – skoro go nie stało, – Mory jakby wymiotti ze wsi (Kolberg, 1882, s. 40).

Например, я знаю из собственного опыта (говорит Клепачевский), что в одной усадьбе такой сильный страх перед морой охватил челядь, и то один, то другой парень, то та, то другая девушка видели, как мора вечером едет на решете (в сите), скрипящая, как колесо от тачки, поэтому приходилось использовать действенные средства, чтобы противостоять злу. Каждый день несколько парней и девушек занемогали и жаловались, что их каждую ночь душат моры. Наконец, все выяснилось. С некоторого времени в течение нескольких дней давали мясо с клецками на обед и ужин (а мяса было вдоволь благодаря скоту, наевшемуся клевера). Пока на ужин хватало мяса и клецек, моры ужасно душили, когда же этого не стало, мор будто вымели из деревни.

Рассказы о случаях сонного паралича можно найти в фольклоре многих народов мира. Поскольку для сонного паралича характерны слуховые и зрительные галлюцинации, ощущение враждебного присутствия и давления на грудь, в народной культуре он обычно осмысляется как нападение на человека сверхъестественного существа, которое душит (давит) его во сне. В эскимосском фольклоре такое существо носит название *uqamairineq*, в Японии это *kanashibari* и *kijimuna*, во Франции – *cauchemar*; *Alpdruck*, *Hexendrucken* и *Nachtmahr* в Германии; *boszorkany-nyomas* и *lidércnyomás* в Венгрии; *dab tsog* у хмонгов, у скандинавов – *mara*, *rainajainen* в Финляндии, в английском фольклоре – *the mare*, в Ньюфаундленде – *the Old Hag*, в южнославянском фольклоре – *мора/мара*, у западных славян – *zmora*, *bizia*, *koğa* и подобные мифологические персонажи, в восточнославянском фольклоре – *домовой*, *домовик* и «ходячий покойник» (Христофорова, 2020, с. 105–106; Adler, 2011, p. 14–16; Hufford, 2005, p. 16, 33). Нередко их наименования мотивируются мифологической функцией душить человека во время сна, например пол. *gniotek*, *gnieściuch* от глагола *gnieść* (давить), рус. диал. *гнеток*, *гнетке* (Христофорова, 2020, с. 108). Для обозначения подобных персонажей, имеющих функцию душить спящих, Ш. Адлер предлагает использовать термин *night-mare* («ночной кошмар») (Adler, 2011, p. 2). Основными жанрами, в которых содержится информация о персонификациях сонного паралича в фольклоре разных народов, являются былички, поверья и другие виды мифологического текста, заговоры и колыбельные песни. Также источниками сведений о «ночных кошмарах» могут стать народная лексика, фразеология, проклятия и т. д. (*blada jak zmora* – бледная, как змора; *lezie jak zmora* – тащится, как змора; болгары про слабого человека говорят «бозала го морава» [его мора сосала])².

² Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. Д – Крошки. М.: Международные отношения, 1999. С. 341–344.

Нарративы о сонном параличе и его персонификациях в фольклоре и вне культурной традиции, где встречаются подобные персонажи, имеют много общего. Примером первого случая может послужить быличка из восточнославянской фольклорной традиции (Русский Север, Пинежье) о встрече с домовым:

20. Меня тоже давил. Давил. Но это прилив крови. Прилив крови. Так во сне так придавит – сказать не можешь никак. Меня не один раз, но я не спрашивала. А у нас мама рассказывала и дед видел. Говорит:

– Сплю и навалилось на меня, вот позадевало мохнато. Мохнато, – говорит. – Это дедушка-домовой. Я, – говорит, – спросила: «К добру или к худу?». А он три раза: «К добру! К добру!» Она говорит: «А какое добро будет?». Он «За посад повезут». Замуж, значит, выйдешь. Посад, значит, под венец поведут (Мифология Пинежья, 1995, с. 7–8).

Данная быличка по структуре поразительным образом напоминает рассказы учеников Медицинского колледжа государственного университета Пенсильвании (США), записанные Д. Хаффордом. Один из студентов, незнакомый с культурной традицией, в которой имеются близкие к русскому домовому мифологические персонажи, описывает сонный паралич следующим образом:

What woke me up was the door slamming. 'OK,' I thought, 'It's my roommate... I was laying on my back just kinda looking up. And the door slammed, and I kinda opened my eyes. I was awake. Everything was light in the room. My roommate wasn't there and the door was still closed... But the next thing I knew, I realized that I couldn't move... But the next thing I knew, from one of the areas of the room this grayish, brownish murky presence was there. And it kind of swept down over the bed and I was terrified!.. It was like nothing I had ever seen before. And I felt – I felt this pressing down all over me. I couldn't breathe. I couldn't move. And the whole thing was that – there was like – I could hear the stereo in the room next to me. I was wide awake, you know... And I couldn't move and I was helpless and I was really – I was really scared... And this murky presence – just kind of – this was evil! This was evil! You know this is weird! You must think I'm a – ... This thing was there! I felt a pressure on me and it was like enveloping me. It was a very, very, very strange thing. And as I remember I struggled. I struggled to move and get out. And – you know, eventually, I think eventually what happened was I kind of like moved my arm. And again the whole thing – just kind of dissipated away. The presence, everything. But everything else just remained the same. The same stereo was playing next door. The same stuff was going on (Hufford, 2005, p. 20).

Меня разбудило хлопанье двери. «Хорошо, – подумал я, – это мой сосед по комнате...» Я лежал на спине и как будто смотрел вверх. Дверь захлопнулась, и я вроде открыл глаза. Я не спал. В комнате все было освещено. Моего соседа по комнате не было, а дверь все еще была закрыта... Но следующее, что я узнал, я понял, что не могу двигаться... Но следующее, что я понял, что в одной из частей комнаты здесь было это сероватое, коричневатое мрачное присутствие. И это как бы прокатилось по кровати, и я испугался!.. Ничего подобного я раньше не видел. И я чувствовал – я чувствовал, что это давит на меня всего. Я не мог дышать. Я не мог пошевелиться. И все дело в том, что – было похоже – я мог слышать стереосистему в комнате рядом со мной. Я не спал, понимаю... И я не мог пошевелиться, я был беспомощен, и я действительно... я действительно был напуган... И это мрачное присутствие – просто как бы – оно было злым! Оно было злым! Вы знаете, это странно! Вы, должно быть, думаете, что я... Эта штука была там! Я чувствовал давление на себя, и оно как будто обволакивало меня. Это было очень, очень, очень странно. И, насколько я помню, я боролся. Я изо всех сил пытался пошевелиться и выбраться. И – знаете, в конце концов, я думаю, что в итоге случилось так, что я как бы пошевелил рукой. А затем все это просто как бы рассеялось. Присутствие, все. Но все остальное осталось прежним. По соседству играла та же стереосистема. Происходило то же самое.

Несмотря на то, что второе повествование является более подробным, вследствие чего в нем зафиксировано больше перечисленных выше признаков

сонного паралича по Ш. Адлер, и в том, и в другом нарративе сохраняются ключевые, центральные моменты, характерные для переживания сонного паралича: «затрудненное дыхание», «давление на грудь» и «ощутимое присутствие». Но если в русской быличке мифологический персонаж назван по имени и выполняет присущую ему функцию «душить, давить спящего человека», то в рассказе студента три этих текстовых элемента выступают обособленно, а персонаж не опознается как кто-то конкретный, поскольку, хотя человек и чувствует его присутствие, он не знает, как интерпретировать свои ощущения. Физические ощущения не перерастают в культурный текст. В этом заключается главное отличие между описаниями сонного паралича двух рассмотренных типов.

Примером появления персонажей, связанных с сонным параличом, не в мифологическом тексте, а в других фольклорных жанрах, может послужить заговор от мары из центрально-южной Швеции (провинция Нерке) (Milne, 2017, p. 100):

3) Mara, mara, minne!
Du får ej bli härinne
förr än du räknat
fåglar i skog,
fiskar i flod
alla eketrär
och Guds ord!

3) Mara, mara, mind!
Thou may'st not enter here,
Until thou counted hast
Birds in wood,
Fishes in river,
All the oak trees,
And the words of God!

3) Мара, мара, знай!
Ты не сможешь сюда войти,
Пока ты не сосчитаешь
Птиц в лесу,
Рыб в реке,
Все дубы
И Божьи слова!

Присутствующая в тексте формула невозможного, направленная на то, чтобы отвлечь демона от жертвы и занять его другим делом, является типичной для заговоров от мифологических персонажей этого типа. Она встречается, например, у боснийских мусульман в заговоре от моры:

Hajde roma kući doma, opasala se užetom, pošćapala dlakom, dok pobrojila ušumi lista i u vodi pijeska, o-sebi se zabavila, nikad se više ne vratla. To je dobar lijek, ako vam slučajno koje dijete, a to obično na djecu pada... (Подвине, 2012, MG) (Плотникова, 2016, с. 198).

Давай, цыганка, иди домой, опоясалась веревкой, оперлась на волосы, пока посчитала в лесу листья и в воде песок, сама с собой занималась, никогда больше не вернулась. Это хорошее лекарство, если у вас случайно какой ребенок, а это обычно с ребенком случается... (Подвине, 2012, MG).

Соотношение биологического и культурного в контексте сонного паралича и его репрезентаций в культурах разных народов стало темой обширных дискуссий в научных работах (Христофорова, 2020; Cheyne et al., 1999; Hufford, 2005; Milne, 2017). Так, по мнению Луиз Милн, в культурах, где фигурируют мифологические персонажи, которые душат людей во сне, вера в них может быть причиной сонного паралича, а не наоборот, и положительное или отрицательное восприятие этого опыта также определяется культурными ожиданиями (Milne, 2017, p. 111). О различиях локальных фольклорных вариантов по сравнению с основным паттерном сонного паралича и несводимости их к одному и тому же явлению писали многие ученые (Христофорова, 2020; Hufford, 2005; Milne, 2017). В зависимости от локальной традиции в нарративах информантов будут отличаться мифологические персонажи, их облик и способы вредить людям во время сонного паралича, ре-

гламентируемые традицией реакции людей на их действия, причины их появления (желание причинить вред, определенные требования, предсказание будущего, месть и т. д.) (Христофорова, 2020, с. 119). Поэтому, чтобы избежать редуccionизма, О.Б. Христофорова предлагает вообще отказаться от использования термина «сонный паралич» и «кросс-культурных параллелей, рассматривая локальное явление в контексте локальных представлений и практик» (Христофорова, 2020, с. 119–121).

Но существует и противоположная точка зрения. Американский исследователь Дэвид Хаффорд доказал, что в случае сонного паралича традиция все-таки не полностью определяет восприятие человеком данного состояния и его повествование об этом. В отличие от народных традиций, в которых информация о культурных интерпретациях сонного паралича многие годы передавалась из поколения в поколение, в Америке сонный паралич до недавнего времени был неизвестен большинству, что позволило Хаффорду собрать и проанализировать рассказы тех, кто сначала испытал сонный паралич и только потом познакомился с той или иной его интерпретацией. Когда эти люди испытали сонный паралич, они все равно восприняли это состояние как столкновение с чем-то сверхъестественным. Из этого ученый сделал вывод, что его «сложный паттерн и духовная интерпретация не зависят от культурных моделей или предшествующего обучения» (Hufford, 2005, p. 11).

Представляется, что истина лежит где-то посередине, и биологическая основа сонного паралича позволяет выявить общую модель в текстах из разных народных традиций, несмотря на встречающиеся в них различия, которые, без сомнения, тоже значимы.

Список литературы / References

- Adler, Sh. (2011). *Sleep paralysis. Night-mares, nocebos, and the mind-body connection*. New Brunswick, New Jersey: London Rutgers University Press.
- Cheyne, J.A., Newby-Clark, I.R., & Rueffer, S.D. (1999). Relations among hypnagogic and hypnopompic experiences associated with sleep paralysis. *Journal of Sleep Research*, 8(4), 313–317. <http://doi.org/10.1046/j.1365-2869.1999.00165.x>
- Cheyne, J.A., Rueffer, S.D., & Newby-Clark, I.R. (1999). Hypnagogic and hypnopompic hallucinations during sleep paralysis: Neurological and cultural construction of the nightmare. *Consciousness and Cognition*, 8(3), 319–337.
- Denis, D., French, S.S., & Gregory, A.M. (2017). A systematic review of variables associated with sleep paralysis. *Sleep Medicine Reviews* (pp. 1–17).
- Hufford, D.J. (2005). Sleep paralysis as spiritual experience. *Transcultural Psychiatry*, 42(1), 11–45.
- Khristoforova, O.B. (2020). Is gnetke a sleep paralysis? The unusual between folkloristic and medical classifications. *Steps*, 6(4), 101–125. (In Russ.)
- Христофорова О.Б. Гнетке – сонный паралич? Необычное между фольклористическими и медицинскими классификациями // Шаги. 2020. Т. 6. № 4. С. 101–125.
- Kolberg, O. (1882). *All works. Poznan voivodeship* (vol. 15, part 7). Kraków: JU Publ. (In Pol.)
- Kolberg, O. (1962). *All works. Lublin voivodeship* (vol. 17, part 2). Wrocław, Poznań: Polish Music Publishing House, People's Publishing Cooperative. (In Pol.)
- Lazareva, A.A. (2018). The brownie, the walking dead and the soul that left the body: Interpretations of sleep paralysis in East Slavic culture. In O.B. Khristoforova & D.I. Antonov (Eds.) *Demonology as Semiotic System: Materials of the Fifth International Scientific Conference* (pp. 94–98). Moscow. (In Russ.)

Лазарева А.А. Домовой, ходячий покойник и покинувшая тело душа: интерпретации сонного паралича в восточнославянской культуре // Демонология как семиотическая система: материалы V Международной научной конференции / под ред. О.Б. Христофоровой, Д.И. Антонова. М.: РГГУ, 2018. С. 94–98.

Milne, L. S. (2017). The terrors of the night: Charms against the nightmare and the mythology of dreams. *Incantatio. An International Journal on Charms, Charmers and Charming*, (6), 78–116.

Lomonosov Moscow State University, Pinega Regional Department for Culture and Art. (1995). *Mythology of Pinega*. Karpogory. (In Russ.)

Мифология Пинежья / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Пинежский районный отдел по культуре и искусству. Карпогоры, 1995.

Plotnikova, A. A. (2016). *Slavic island areas: Archaic and innovation*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

Świętek, J. (1893). *The people of the Rab region (from Gdów to Bochnia)*. Kraków: Polish Academy of Arts and Sciences. (In Pol.)

Сведения об авторе:

Поветкина Полина Борисовна, магистр культурологии, аспирант, кафедра русского устного народного творчества, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-8246-5367. E-mail: diana_middls@mail.ru

Bio note:

Polina B. Povetkina, Master of Cultural Studies, postgraduate student, Department of Russian Folklore, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-8246-5367. E-mail: diana_middls@mail.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-523-531

UDC 821.411.21

Research article / Научная статья

The Soviet Union in two Arab novels

Mikhail N. Suvorov

*St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

 soumike@mail.ru

Abstract. The study aims to analyze the representation of the Soviet Union in two Arab novels, “Ice” (2011) by Egyptian Sun‘allah Ibrahim and “Time of the Red Reed Pipe” (2012) by Kuwaiti Thurayya al-Baq sami. Within the vast expanse of the Arab “emigrant” literature one can find relatively few works of fiction that have to do with the USSR despite the fact that in the 1960–1980s thousands of Arab students studied in the country. Among a couple dozen Arab writers who wrote some fiction about the USSR very few spent more than a couple of months in the country, and their works, as a rule, present idealized and rather superficial images of the Soviet Union. Unlike these authors, Sun‘allah Ibrahim and Thurayya al-Baq sami spent in the 1970s quite a long time in Moscow in the status of ordinary students, and for this reason their novels present a much more realistic picture of the Soviet Union. Without any noticeable warmth towards their Soviet hosts, the writers consider many negative features of Soviet social and economic life as commodity shortage, low quality of Soviet goods and services, illegal currency operations, etc. The two authors’ representations of the Soviet Union stand in contrast to the Soviet’s own idea of how the people from the developing countries perceived the “country of victorious socialism.”

Keywords: Arab literature, Soviet Union, Sonallah Ibrahim, Thuraya al-Baq sami

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 7, 2022; revised June 25, 2022; accepted July 5, 2022.

For citation: Suvorov, M.N. (2022). The Soviet Union in two Arab novels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 523–531. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-523-531>

© Suvorov M.N., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Советский Союз в двух арабских романах

М.Н. Суворов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
 soumike@mail.ru

Аннотация. Анализируется изображение Советского Союза в двух арабских романах: «Лед» (2011) египтянина Суналлы Ибрагима и «Время красной свирели» (2012) кувейтки Сурайи аль-Баксами. В обширной арабской «эмигрантской» литературе имеется относительно мало художественных произведений, тематически связанных с СССР, хотя в 1960–1980-е гг. в этой стране учились тысячи арабских студентов. Среди пары десятков арабских авторов, писавших об СССР, очень немногие провели в стране больше нескольких месяцев, и их произведения, как правило, представляют идеализированные и довольно поверхностные образы Советского Союза. В отличие от них, Суналла Ибрагим и Сурайя аль-Баксами провели в 1970-х гг. довольно долгое время в Москве в статусе обычных студентов, и по этой причине их романы представляют гораздо более реалистичную картину Советского Союза. Без сколько-нибудь заметной теплоты по отношению к принимавшим их советским людям эти писатели затрагивают такие черты советской общественной и экономической жизни, как товарный дефицит, низкое качество советских товаров и услуг, незаконные валютные операции и тому подобное. Изображение ими Советского Союза противоречит представлению советских людей о том, как именно граждане из развивающихся стран воспринимали «страну победившего социализма».

Ключевые слова: арабская литература, Советский Союз, Суналла Ибрагим, Сурайя аль-Баксами

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 июня 2022 г.; откорректирована 25 июня 2022 г.; принята к публикации 5 июля 2022 г.

Для цитирования: *Suvorov M.N. The Soviet Union in two Arab novels // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 523–531. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-523-531>*

Introduction

After Rifa‘a Rafi‘ al-Tahtawi, one of the leaders of Egyptian *Nahda*, published in 1834 his famous book on Paris, the Western world became a source of inspiration for many Arab writers, as well as a setting for their novels and short stories. The story of Arab writers’ views of the West has been the subject of many scholarly studies, the most comprehensive of which is Rasheed El-Enany’s *Arab Representations of the Occident: East-West Encounters in Arabic Fiction* (2006). In this work, El-Enany explores Arab responses to Western culture and Western

values as expressed through works of fiction and non-fiction written during the nineteenth and twentieth centuries.

El-Enany concentrates on Arab literary works set in Western Europe and in the US (with only exception of a Hanna Mina's novel set in the communist Hungary). Meanwhile, there was another part of the world, namely the Soviet Bloc, which is widely recognized to have had substantial political and cultural influence on the Arab world in the second half of the twentieth century. Surprisingly, within the vast expanse of the Arab "emigrant" literature we find relatively few works of fiction that have to do with the Soviet Bloc, and particularly with the Soviet Union. This is all the more surprising since in the 1960–1980s thousands of Arab students, including a number of soon-to-be-famous writers, studied in the USSR, which provided educational aid for many newly independent Arab states.

Among a couple dozen Arab writers who did write some fiction about the USSR very few spent more than a couple of months in the country. Many of them had been invited and sponsored by Soviet state organizations within the framework of various "friendship" programs, like, for example, regular exchange-visits of the members of Afro-Asian Writers' Association. During these short visits Arab guests saw only what their Soviet hosts allowed them to see. For example, Palestinian Mu'in Bsisu toured Moscow, Leningrad, and several other big cities, met with Soviet Party functionaries and cultural figures but never visited provincial towns and countryside and never communicated with ordinary people. All this led to idealized and rather superficial images of the USSR in his and other Arab writers' works.

However, two Arab novels published twenty years after the Soviet Union's collapse, *Ice* (al-Jalid, 2011) by Egyptian Sun'allah Ibrahim and *Time of the Red Reed Pipe* (Zaman al-mizmar al-ahmar, 2012; unpublished English translation – *In the Time of the Red Crescent*¹) by Kuwaiti Thurayya al-Baq sami dispute this idealized portrayal of the USSR. Two very similar remarks in the two novels respectively may serve as a quintessence of the novels' shared idea of the failure of the Soviet ideal.

The protagonist of *Ice* says, "I was shaving with a Soviet blade, marveling at the Soviet. They build rockets, but have no ability or no desire to make a proper shaving blade" (Ibrahim, 2011, p. 11).

A character in *Ice* says: "I do not understand how they build rockets that fly to the Moon but fail to produce a decent condom" (al-Baq sami, 2012, p. 119).

One may well assume that it is these two writers' shared experience in Soviet student dorms in the 1970s that led to the similar representation of the USSR in their two novels.

Sun'allah Ibrahim (b. 1937), famous novelist, known for his leftist views, studied at All-Russian State Institute of Cinematography in Moscow in the 1970s.² Thurayya al-Baq sami (b. 1952), well-known Kuwaiti writer and artist, studied at

---

¹ See: Arablit & Arablit Quarterly. (2022). *5 Arab-Soviet Novels*. Retrieved June 3, 2022, from <https://arablit.org/2022/01/31/5-arab-soviet-novels/>

² For more details see: Mende, T. (2022). *Sonallah Ibrahim's Moscow: A conversation with Margaret Litvin*. Retrieved June 3, 2022, from <https://arablit.org/2022/01/31/sonallah-ibrahims-moscow-a-conversation-with-margaret-litvin/>

Surikov Institute of Fine Arts in Moscow in 1974–1981. She came to the Soviet Union following her Kuwaiti husband, who had earlier enrolled in one of Moscow institutes.

Although both novels are works of fiction, their authors did their best to convince the knowledgeable reader of the autobiographical character of their novels – probably, with the purpose of giving the novels documental credibility.

In *Ice*, which is narrated in first-person, the reader knows from the first page that the year is 1973, the narrator's name is Shukri, and that he is thirty-five-year-old Egyptian student studying at an institute in Moscow. These details lead the reader to the fact that the narrator/protagonist should be taken for the author himself and, at the same time, for Dr. Shukri, the protagonist of Ibrahim's earlier novels *Amrikanli* (2002) and *The French Law* (al-Qanun al-faransi, 2008), which are also autobiographical in some respects. Yet, in *Ice* Dr. Shukri tells about an earlier period of his life, namely about his studies in the USSR.

Time of the Red Reed Pipe, which is narrated in third-person, begins with Laila, the protagonist, witnessing an abundant snowfall in State College, a small town in Pennsylvania. The snowfall takes Laila back to 1974, when she, twenty-two years old, followed her husband to Moscow and enrolled there in the pre-university course of Russian language. These details also seem to be intended to indicate that Laila is the author herself.

Ice

Turning now to the texts of the novels, let us begin with *Ice*. The whole action of the novel takes place in 1973; there are no retrospective digressions. At the same time, the lack of an articulate storyline, as well as the laconic, “telegraph” style of the narration call to mind diary entries. The narrative focuses on small details of the everyday life, on trivial actions, and on unimportant conversations among the vast cast of characters.

All these many characters (female students, both international and Russian, Russian party girls, Arabs living in Moscow, etc.) are nothing more than marionettes. The narrator describes the physical appearances of these characters, especially of the girls, in great detail, but seems explicitly uninterested in their inner worlds and feelings. They rarely speak, and are all so similar that when a character appears in one of the scenes, the reader has to make an effort to remember what, if anything, has been told about this character before.

Essentially, the novel portrays the incessant wanderings of the protagonist, who is suffering from chronic prostatitis, through dormitory rooms and rented apartments, drinking vodka, preparing food, and trying to form intimate relationship with every woman he meets on his way. Sexual relationships may be identified – as in many other Sun‘allah Ibrahim’s works – as the central theme of the novel: there are countless sexual scenes and dialogues about sex, scenes of masturbation and accounts of the protagonist’s attempts to cozy up to a woman on public transport or in a store. At the same time, the complete absence of any emotions on the part of the protagonist – except for occasional irritation or boredom – towards these women, mostly Russian, conveys the impression of the protagonist being profoundly disparaging about them. Even the abundant sexual scenes in

the novel are totally devoid of any eroticism: they are just activities described in a mechanistic manner, at times with unpleasant physiological details.

American scholar Elliott Colla, who considered *Ice* in connection with Sun‘allah Ibrahim’s political views, writes, “Even as the novel explores the intimate details of cohabitation and conviviality, the novel essentially tells the story of a society without community. The protagonist is haunted by the hollowness of his relationships, and it is this alienation that is arguably the main theme of the novel. For 200 pages, Ibrahim explores the truism that we never feel so alone as we do in a crowd”.³

One may agree with Colla’s final remark, but his notion of the “society without community” may be disputed, because Shukri, as it comes in the novel, never made an attempt to become a member of a community in Moscow. The quotes from the books that Shukri reads, as well as other details in the novel, convince the reader that Shukri needed a loving woman, not a community. In fact, there were many women around Shukri, some of them pleasing him sexually, but none of them, as it seems, loved and appreciated him. The subconscious search for a woman that Shukri was constantly involved in is evident from the countless visual images of women whom he notices on public transport, in the street or in a store.

Shukri’s failure to find a sexually and emotionally satisfying woman conflicts with the pattern of the relationships between Arab men and Western women that is postulated in El-Enany’s work. Of course, there may be various explanations for Shukri’s failure (for example, Ibrahim’s personal negative experience in Moscow, or his experimental writing manner (see, for example: Kassem-Draz, 1982, p. 32–50; Meyer, 2001, p. 42–50), or something else), but what seems important for our study is the absence in *Ice* of the loving (or at least beloved) woman, who in Arab literature about the West very often constitutes or symbolizes “the soul of the other,” to use El-Enany’s words (El-Enany, 2006, p. 7).

The absence of a satisfying woman in the novel may well symbolize the absence of satisfying human contacts between Shukri and the Soviet people. Indeed, there are barely any friendly statements with regards to the Soviet people in the novel. Moreover, some passages seem to be of a “vengeful” nature, which can hardly be attributed to a kind of “compensatory representation of self and other” (again to use El-Enany’s expression), i.e. to the compensatory character of the reversal of power relations in the portrayal of the two cultural representatives, which can be found in many Arabic works of fiction (El-Enany, 2006, p. 53). Here are some passages of this kind:

“Finally the man came in with his wife: a white boar with a white pig in trousers” (Ibrahim, 2011, p. 29).

“I said to Hamid (about a Russian woman met in the subway. – M.S.): She’ll read ‘Foreign literature’ magazine and go to a ballet or theater, while actually all she needs is a man, but all the men are drunkards” (Ibrahim, 2011, p. 77).

“...She had grey teeth, as did the majority of Russians” (Ibrahim, 2011, p. 102).

---

³ Colla, E. (2014). *Revolution on Ice*. Retrieved June 3, 2022, from <https://www.jadaliyya.com/Details/30039>

“I said: It’s that you (Czech female student. – *M.S.*) have long and slender legs, while Russian girls’ legs are crooked and short” (Ibrahim, 2011, p. 158).

Shukri’s attitude towards Russians is also displayed in his interaction with his temporary landlady, an old woman, with whom he is very disrespectful. It is also notable that Russian men are virtually non-present in the novel; just two or three young men are mentioned in passing – with obvious disdain.

Another thing that is very indicative in the novel is the absence of any academician from whom Shukri could have received instructions. The only thing that the reader ever learns about Shukri’s studies is that he goes to the institute from time to time. What he studies there, who his professors are, how their interaction happens, – all these details remain out of sight in the novel. The implication is created that there is nothing to study in the Soviet institutes at all.

The atmosphere of alienation and discontent that dominates the narrative leaves the reader with a feeling of complete uselessness of the protagonist’s stay in the USSR. And it is hard to imagine that this feeling was not purposefully conveyed by such an experienced novelist as Sun‘allah Ibrahim. The features of the Soviet society and its everyday life appear in the novel through Shukri’s observations during his short travels around the city, in conversations between the students, and in the mass media reports.

Practically all of these features, related to various spheres, from everyday life to foreign policy, sharply contradict the postulates of the Soviet official ideology and propaganda. Shukri mentions such things as commodity shortage, low quality of Soviet goods and services, illegal currency operations and the black market, theft and bribery within the government institutions, property inequality of the citizens, flourishing administrative mafia in the Soviet republics of the Caucasus and Central Asia, alcohol consumption in workplaces, secret abortions, anti-dissidence measures, and lack of democracy.

Apart from Shukri’s remark about rockets and shaving blades, mentioned above, here are other sarcastic passages of the kind:

“The glass showcase of the store – as well as those of all other stores – was filled with pyramids of the condensed milk tins. And nothing else” (Ibrahim, 2011, p. 8).

“I started opening a bottle of wine, and the cork fell to pieces. I said, ‘I bet this cork was produced by the Soviet’” (Ibrahim, 2011, p. 74).

“Having noticed that I was staring at her, she said, ‘Do you know why none of us wears a Soviet jacket or a Soviet shirt? Because any fashionable clothes have to pass ten levels of approval before they are certified, and this takes about five years’” (Ibrahim, 2011, p. 135).

Sun‘allah Ibrahim’s excellent knowledge of the Soviet society is also evident from many small details in the novel including Soviet political slogans, names of Soviet cultural figures, popular jokes and anecdotes of the time, precise prices of various foodstuffs, stinking stairways and cluttered balconies, gestures of the drunks offering to partake, filthy couplets sung during celebrations. Moreover, the author uses transliterations of Russian words and phrases (there are forty-five of them altogether in the novel). All this is intended, as it seems, to add documentary credibility to the novel. And all these details, most of which are nar-

rated in the same emotionless tone, convey the atmosphere of dullness, sorrow, and weariness, which was characteristic of the Soviet Union of the 1970s.

In this regard, Elliott Colla writes, “Like these other (Ibrahim’s. – *M.S.*) novels, *al-Jalid* is concerned with Left Revolution – its defeats, its disappointments, its erasure – in Egypt and across the globe. And of all Ibrahim’s novels, *al-Jalid* is his saddest. Lacking the laughter of his other works, it offers little more than a laconic lament, a shrug, about the passing of so many revolutions”.⁴

Time of the Red Reed Pipe

Leila, the protagonist of Thurayya al-Baqami’s *Time of the Red Reed Pipe*, seems to have feelings for the Soviet Union similar to Shukri’s. Watching the snowfall in Pennsylvania, she confesses that she hates snow so much that she “never wears white clothes” and this color “is completely absent from her house setting, her car and all her personal belongings” (al-Baqami, 2012, p. 8).

Every time she sees snow, the sight immediately brings her back to Moscow. Although her memories of Moscow refer to nearly the same time and place as those in *Ice*, they are different from Shukri’s in content and in the tone of narration. The main difference is that Laila stayed in Moscow with her husband, and for this reason she had fewer chances for (and less need of) personal acquaintance and communication with Soviet people. Out of Soviet citizens appearing in the novel, some attention is given to a teacher of Russian, to a guy-interpreter, to the dean of the pre-university courses, and to a Party functionary, who is supposed to be working for the KGB.

Most of the characters of the novel are international students who stay in one dormitory with Laila and her husband. Most of the situations that these characters find themselves in – both comic and tragic – are associated with the conditions of daily life in the dormitory and in Moscow as a whole. The portraits and stories of these international students – some sad, others amusing, but always told with articulate emotions: sympathy, warmth, humor, or irony – take up a significant part in Laila’s narrative. It is this emotionality and expressed involvement in the fates of the people around that set Laila’s narrative apart from the seemingly indifferent narrative of Shukri. What is missing, however, in Laila’s emotional narrative is Soviet people.

The features of Soviet society and its everyday life are manifested in the novel mostly with regards to heroine’s firsthand experience, and nearly all of them are sources of annoyance to her. Her first impression of Moscow is the rudeness of an airport customs inspector, who assumes that most of Laila’s luggage is intended for illegal resale. Her next impression is the refusal of the dormitory administration to provide a private room for her and her husband, since the husband is already studying for a degree in an institute, whereas she is going to study Russian language. The room that they are eventually given is narrow, with “shabby old furniture” including a wardrobe that “could not hold even one quarter of the contents of her suitcase” and a bed “which made a disgusting noise if someone stirred

---

⁴ Colla, E. (2014). *Revolution on Ice*. Retrieved June 3, 2022, from <https://www.jadaliyya.com/Details/30039>

in his sleep” (al-Baqdami, 2012, p. 18). The room was at the fourth floor and Laila “was most annoyed by the fact that the showers were at the basement floor, since when in the evening she was descending down the dark stairways to the basement and taking shower there, all the stories of demons and ghosts that she knew sprang to her mind” (al-Baqdami, 2012, p. 22). Along with the difficulties of adapting to “the spirit of a commune, shared bathrooms, basement showers, and indigestible food,” (al-Baqdami, 2012, p. 23) other elements of Moscow life “drove her into the tunnel of disgust and desperation, such as the need to stand for several hours in long winding queues to buy a kilo of bananas or a bag of tomatoes, given that the queue began outside the shop, in the icy wind, which burned the face and tore at the cheeks” (al-Baqdami, 2012, p. 24).

Laila mentions student canteens, which are “same in all the student dormitories scattered around Moscow as if all of them were directly subordinate to the Central Committee of the Food Safety Management and Feeding the Starving People of the Third World” (al-Baqdami, 2012, p. 52). “A week after the first visit to the canteen,” says Laila, “the students understand that the menu does not imply any variety, and the food most remind of what Russian soldiers are given in the barracks” (al-Baqdami, 2012, p. 53).

Another feature of the Soviet Union of the 1970s that is described in the novel was black marketeering. There is a story about a deposit of imported clothes intended for illegal sale that was discovered by the police in one of the rooms of the dormitory. The owners of the deposit, two Arab students, were arrested; one was extradited to his home country, while the other received a stern warning. Laila herself received an experience of such activities when, being unfamiliar with Soviet laws, she decided to sell several branded plastic bags from “Beryozka” store (where imported goods were being sold for hard currency), which were very fashionable in the USSR at that time.

The harsh realities of everyday life in Moscow made Laila especially sarcastic towards official Soviet ideology and propaganda – much more so than in the case of Shukri in *Ice*. This sarcasm in particular was aroused by her communication with her husband, who tried hard to engraft in her mind the idea of the greatness of the Soviet Union and its political system, which contradicted her own impressions. Laila says that her husband glorified “the regime that had created in his young consciousness the image of the sun of freedom, bread for all, shelter for everyone, and a kind of Plato’s republic brought to life by the blessing of the mighty Lenin” (al-Baqdami, 2012, p. 35–36). Still, even Laila’s husband was at times uncertain of the real achievements of the Soviet regime, for instance, when remarking on rockets and condoms.

In the last chapter, Laila, while looking at a lapel badge with Lenin’s portrait, which was presented to her as an award for her finishing the course cum laude, addresses Lenin, whom she apparently associates with the Pied Piper of Hamelin, the following words.

“Comrade Vladimir Ilyich Lenin, was that you who blew the red reed pipe and made the masses of people follow you? <...> Know, that I haven’t heard the sound of your pipe and hence haven’t joined the ranks of your followers” (al-Baqdami, 2012, p. 139).

Conclusion

To sum up, what we see in *Ice* and *Time of the Red Reed Pipe* is the expression of the two writers' own vast Soviet experience. This fact seems to have been purposefully underlined by the writers, who gave their own biographical features to the protagonists of the novels.

Indeed, both Sun'allah Ibrahim and Thurayya al-Baq sami stayed in the Soviet Union for several years in the status of ordinary students, little cared for by Soviet administration, and this made their respective real-life experiences in the country much richer than those of the other Arab authors writing about the USSR. The two novels share their authors' disappointment at the Soviet social and economic realities, as well as their sarcasm towards the official Soviet ideology.

Interestingly, these two representations of the Soviet Union stand in contrast to the Soviet's own idea of how the people from the developing countries perceived the "country of victorious socialism." According to the Soviet, those who came (just "having dismounted from their palm-trees," as the joke ran) to the USSR were having their first encounter with a "real civilization" and were supposed to be eager to build socialism in their home countries in the future, thinking back to the Soviet hospitality with warmth and gratitude. The two novels show that the Soviet were greatly mistaken in this respect.

References

- al-Baq sami, Thurayya. (2012). *Time of the Red Reed Pipe*. Beirut: Dar al-Farabi. (In Arab.)
- El-Enany, R. (2006). *Arab representations of the Occident: East-West encounters in Arabic Fiction*. New York: Routledge.
- Ibrahim, Sun'allah. (2011). *Ice*. Cairo: Dar al-thaqafa al-jadida. (In Arab.)
- Kassem-Draz, C. (1982). Opaque and transparent discourse: A contrastive analysis of the 'Star of August' and 'The Man of the High Dam' by Sun'allah Ibrahim. *Alif: Journal of Comparative Poetics*, (2), 32–50.
- Meyer, S.G. (2001). *The experimental Arabic novel: Postcolonial literary modernism in the Levant*. New York: State University of New York Press.

Bio note:

Mikhail N. Suvorov, Doctor of Philology, Professor of Arabic Philology Department, St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0003-2151-5727. E-mail: soumike@mail.ru

Сведения об авторе:

Суворов Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры арабской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0003-2151-5727. E-mail: soumike@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-532-540
UDC 821.21

Review / Научный обзор

Diasporic consciousness in contemporary Indian women's fiction in English: at a glance

Dipali M. Kadam

Rajarambapu Institute of Technology, Rajaramnagar, Republic of India
✉ dipali.kadam@ritindia.edu

Abstract. Diasporic literature is a pivotal term in literature that includes the literary works of the authors who are the outsiders for their native country but their work is deeply rooted in homeland by reflecting native culture, background, displacement and so on. Indian women's literary work is at the forefront of diasporic literature. The advent of Indian women novelists on the literary horizon is an important development in the Indian English literature. These women writers have also contributed to other genres, such as drama, poetry and short stories, not only in English but also in regional languages like Hindi, Marathi, Bengali, Punjabi, Tamil, Kannada and so on. Some modern women writers flourish their writing in the form of fables as a literary genre in an impressive way to focus on the specific themes. In last two decades, Indian women's writing in English is blossomed, both published in India and abroad. The present paper is the review of diasporic consciousness in select works of contemporary Indian women novelists. It focuses on the attempt to highlight the quest for identity of those women who played a crucial role in defining themselves through their literary work in diasporic background.

Keywords: diaspora, Indian English fiction, Indian women novelist, quest for identity

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 7, 2022; revised June 25, 2022; accepted July 5, 2022.

For citation: Kadam, D.M. (2022). Diasporic consciousness in contemporary Indian women's fiction in English: At a glance. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 532–540. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-532-540>

Диаспорное сознание в современной индийской женской прозе на английском языке: краткий обзор

Дипали М. Кадам

Технологический институт Раджарамбалу, Раджарамнагар, Республика Индия
✉ dipali.kadam@ritindia.edu

Аннотация. Диаспорная литература – ключевой термин в литературе, включающий в себя литературные произведения авторов, которые являются аутсайдерами для своей родной страны, но их творчество глубоко укоренено на родине, отражая местную культуру.

© Kadam D.M., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

туру, происхождение, перемещение и т. д. Литературное творчество индийских женщин находится в авангарде литературы диаспоры. Появление индийских писательниц на литературном горизонте является важным событием в индийско-английской литературе. Эти женщины-писатели также внесли вклад в другие жанры, такие как драма, поэзия и короткие рассказы, не только на английском, но и на региональных языках: хинди, маратхи, бенгальский, панджаби, тамильский, каннада и др. Некоторые современные женщины-писательницы процветают, впечатляющим образом используя в своем творчестве форму басен, чтобы сосредоточиться на конкретных темах. Последние два десятилетия характеризуются расцветом творчества индийских женщин, писавших на английском языке и публиковавшихся как в Индии, так и за рубежом. Настоящая работа представляет собой обзор диаспорного сознания в избранных произведениях современных индийских писательниц. Предпринимается попытка осветить поиск идентичности тех женщин, которые сыграли решающую роль в самоопределении через свою литературную работу в диаспоре.

Ключевые слова: диаспора, индийско-английская художественная литература, индийские писательницы, поиски идентичности

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 июня 2022 г.; откорректирована 25 июня 2022 г.; принята к публикации 5 июля 2022 г.

Для цитирования: *Kadam D.M. Diasporic consciousness in contemporary Indian women's fiction in English: at a glance // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 532–540. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-532-540>*

Diaspora

The root of the word ‘diaspora’ is in Greek verb ‘diaspiro’ and in ancient Greece the term ‘diaspora’ stands for ‘scattering.’¹ Oxford Advanced Learner’s Dictionary defined ‘diaspora’ as the movement of the Jewish people away from their home country to live in other countries for work or survival purpose or the migration of people to another country.² According to Docker (2001), diaspora is connectedness between histories of native land and the migrated land of from different time spans and places including past and future also (p. vii). At the broad-spectrum diaspora is a process where people migrate from their ‘homeland’ (Bhabha, 1994) to other places for various reasons such as employment, business, education, trade and so on and Indian diaspora is recognized as one of ‘the most modern’ and ‘the largest’ diasporas across the world (Sahoo, 2014). Ashcroft, Griffiths and Tiffin (2007, p. 61) explained term ‘diaspora’ as “the voluntary or forcible movement of people from their home land into new regions.” Diaspora authors are having significant contribution in each and every genre of Indian English Literature. Majority of diasporic authors tried to reflect autobiographical elements in their work and the major outcome of the writings of these authors is the quest for identity.

¹ Diaspora. Retrieved from <https://en.wikipedia.org/wiki/Diaspora>

² Hornby, A.S. (1995). *Oxford advanced learner's dictionary of current English* (J. Crowther, Ed.) (p. 347). Oxford: Oxford University Press.

Diasporic consciousness

According to Cambridge Dictionary,³ consciousness is the state of understanding and realizing something. It is a multidimensional phenomenon having sense of selfhood. Diasporic consciousness is the awareness of being scattered due to migration. Uma Parameswaran (1998) has highlighted main themes of diasporic literature as alienation in new land, dislocation from home country, existential rootlessness, nostalgia, quest for identity. According to her: “The first is nostalgia for the homeland, left behind mingled with fear in strange land. The second is a phase in which one is so busy in adjusting to the new environment that there is little creative output. The third phase is shaping of diaspora existence by involving themselves in ethno-culture issues. The fourth is when they have arrived and started participating in the larger world of politics and national issues.”

In literary world diasporic writers are the writers migrated and settled in other countries especially in the postcolonial era. Indian diasporic writing is flourished in modern times. The work of these diasporic writers flourished because of variety in themes such as nostalgia, cultural differences, dislocation, status quo in other ‘country’ and so on.

Diasporic consciousness in contemporary Indian women’s fiction

Indian women novelists have played a vital role in exploring diasporic consciousness in their writing. It is as if these writers have rediscovered themselves when they are out of India and their writing focused on displacement and socio-cultural bond with their homeland in order to cope with the ongoing process of multi-ethnic acculturation. “Social identity is formed in society where we live and it is based on specific cultural genres and domains” (Arthur, 2010). Dasan (2007, p. 77) reflected on multiculturalism and transnationalism in the view of Indian diasporic writing as: “The current Indian English novel vis-s-vis diasporic Indian writing has started embracing multiculturalism and pluralism in the midst of cross-fertilization of ideas and new forms of cultural exchanges of humanity’s drift towards transnational cultural and social identity, thanks to globalization.”

While talking about contemporary Indian women novelists’ contribution in Indian English fiction, M.K. Naik (1985, p. 199) refers to these novelists as “new’ novelists who share most of the preoccupations of their male counterparts, and try to make their own room in terms of certain pressing needs and concerns.” A.S. Dasan (2006, p. 73) explained the challenges depicted in the new brand of Indian English fiction as: “Homogeneous perspectives and essential views on rootedness in Indianness or on culture, quest for identity, colonialism and post-colonialism are challenged in the context of celebration of hybridity, migration and diaspora.”

Indian English literature, particularly women’s fiction has flourished from last two decades. The 1980s’ and the following decades have witnessed great women writers like Shashi Deshpande, Bharati Mukherjee, Arundhati Roy, Kiran Desai, Meena Alexander, Jhumpa Lahiri, and others. These writers have written

---

³ Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/>

in multiple forms of genres such as fiction, novels, poetry, drama. However, contemporary Indian women writers broadened their area, they incorporate out of box thinking in their work and instead of depicting only the darker side of women like victimization, marginalization, alienation, otherhood, woman as an object, etc., they tried to present development, journey, self-awareness, queer theory, globalization, motivational and entrepreneurial mindset and technology driven practices and so on. Some of these have feathers in their cap as they are awardees of prestigious awards such as Arundhati Roy and Kiran Desai have received Booker Prize Award, while Jhumpa Lahiri was awarded by Pulitzer Prize for literature and this is a great matter of pride for Indians. Many of the diasporic women novelists write, to use Rushdie's phrase, about their "imaginary homelands" through the lens of nostalgia (Gore, 2013). The diasporic writers are, "exiles or emigrants or expatriates, are haunted by some sense of loss, some urge to reclaim, to look back, even at the risk of being mutated into pillars of salt. But if we do look back, we must also do so in the knowledge – which gives rise to profound uncertainties – that our physical alienation from India almost inevitably means that we will not be capable of reclaiming precisely the thing that was lost; that we will, in short, create fictions, not actual cities or villages, but invisible one, imaginary homelands, India's of the mind... my India, a version and no more than one version of all the hundreds of millions of possible versions" (Rushdie, 1991).

Kamala Markandaya, Bharati Mukherjee, Anita Desai, Uma Permeswaran, Sunetra Gupta, Anita Rau Badami, Chitra Banerjee Divakaruni, Bhargavi Mandava, Ameena Meer, Meera Syal, Preethi Nair, Anjana Appachana, Meena Alexander, Bharati Krichner, Sujata Massey, Kavita Daswani, Shauna Singh Baldwin, Kiran Desai, Jhumpa Lahiri and Suniti Namjoshi are the distinguished Indian diasporic women writers. Some of them moved to the USA, UK, England and Canada for further education or migrated across with their families and later on became the novelists. Fictional works of these Indian women novelists explored their own theory, style, privileging multiple visions through creative and critical thinking and own perspective. For example, Suniti Namajoshi in her works mirrored Asian, alien, feminist and lesbian perspective (Vijayasree, 2001). Regarding their work, Archana Kumari aptly explained that it is based on themes such as isolation and displacement due to migration, nostalgia, search for self, controversies and complexities both in personal and social life (2014). The diasporic women writers' work leads to self-discovery. William Safran (1991, 83–84) explained six features of diaspora such as dispersal from homeland to other regions, collective memories of homeland, alienation in 'other' or 'foreign' region, nostalgia for homeland, strong desire to restore home country and self-consciousness with the homeland. The renowned Indian women diasporic writers like Bharati Mukherjee, Chitra Banerjee Divakaruni, Anjana Appachana, Kiran Desai, Jhumpa Lahiri, Sunetra Gupta, and many more explore cultural consciousness, identity crisis in multiculturalism in such a way that one experiences live diaspora feelings. Their work became popular worldwide and created picture in front of the readers about their nation, its culture, tradition and society. Makarand Paranjape (2003, p. 239) in his essay *Writing Across Boundaries* explained diasporic consciousness as the result of "the whole importance of all diaspora and its potential for

creating a new kind of culture arises out of such a crossing of boundaries. The diaspora then must involve a cross-cultural or cross civilizational passage. It is only such a crossing that results in the unique consciousness of the diasporic.”

Gender identity is the milestone among diasporic Indian women writers' work. They explored problems one can encounter in the 'new' land, how to tackle with these issues boldly and confidently, adaptability of new culture, society, lifestyle through different characters. In line with this the term 'identity' is: "To know who I am is a species of knowing where I stand. My identity is defined by the commitments and identifications which provide the frame or horizon within which I can try to determine from case to case what is good, or valuable or what ought to be done or what I endorse or oppose. It is the horizon within which I am capable of taking a stand" (Taylor, 1992).

The Indian diaspora is recognized worldwide and role of Indian women writers is vital in this recognition. These diasporic Indian women writers have broadened areas of their writing by incorporating current technology driven themes also. The following are Indian women writers who created new space for Indian diasporic literature. These are the blooming flowers in the world of Indian women diaspora whose essence reached at every corner of the world.

Attia Hosain (1913–1998) was one of the founder Indian diasporic writer, contemporary of Kamal Markandaya, domiciled in London. Her writing mainly comprises national level struggles related to politics specially after independence of India which resulted in partition of India. *Sunlight on a Broken Column* (1961) is about the change took place both in political and personal life of Laila. The novel has four parts. She explored Indian politics through cultural pluralism in the form of Hindu-Muslim unity of India by portraying the character of Laila.

Kamala Purnaiya Taylor or Kamala Markandaya (1924–2004), published ten novels including *Nectar in Sieve* (1954), *Some Inner Fury* (1956), *A Silence of Desire* (1960), *Possession* (1963), *A Handful of Rice* (1966), *The Coffer Dams* (1969), *The Nowhere Man* (1972), *Two Virgins* (1973), *The Golden Honeycomb* (1977), *Pleasure City* (1982). She is renowned diasporic writer and depicted post-colonial themes such as encounter in between the east and the west culture in her novels. She labelled herself as an expatriate and wrote aggressively on issues of modern Indian issues such as marriage, social discrimination and rural community. Her *Nectar in Sieve* is the bestseller novel in which she represented struggle of Nathan, Rukmini and their children as the representatives of rural India who suffered due to industrialization. Her contribution through this novel is the success story of Indian English literature. Her novel *Some Inner Fury* has an autobiographical touch in which she explored love story of a woman with English man. *A Silence of Desire* highlighted on social classes in the form of middle-class Indian marriage issues. The theme of clash between faith and science is presented through Sarojini and Dandekar, a middle-class couple (Agrawal, 2014). Kamala Markandaya projected social hierarchy as a common theme in majority of her works.

Anita Desai (1937) is the versatile personality in Indian English literary world. She was shortlisted thrice for the prestigious Booker Prize and was honored by Sahitya Akademi Award in 1978 for her famous work *Fire on the Moun-*

tain. She has also received the British Guardian Prize for *The Village by the Sea*. She was the recipient of the Padma Bhushan award in 2014. Anita Desai in her works represented diasporic-feminine sensibility and psychology of women through female characters and their inner strive for an identity. Her *Baumgartner's Bombay*, *Fasting, Feasting*, *The Zigzag Way*, and *Bye, Bye Blackbird* reveal the characteristics of diaspora fiction. In *Bye, Bye Blackbird* (1971) Anita Desai nostalgically depicted alienation, expatriation, identity crisis, and the character's perspective towards their 'homeland' (India) and her 'new' country (England). *Baumgartner's Bombay* (1988) reveals all the characteristics of diaspora fiction. She deals with the character of a migrant Austrian Jew in India. *Fasting, Feasting* (1999) takes up theme of post-colonial fiction: the encounter with the West. It is reflecting cultural diversity representing specifically in between India and America. *The Zigzag Way* (2004) depicts the double perspective of India and its background as well as the expatriates. Her latest creation *The Artist of Disappearance* (2011) is the trilogy depicting challenges of modern Indian culture.

Bharati Mukherjee (1940–2017) is the distinguished author of Indian diaspora who created space for herself in worldwide literary world by representing Indian English literature. She depicted Indian women characters, their struggles, quest for identity, and at the end 'free bird' in new nation. Her work is the mirror of experiences of South Asian immigrants who settled in America, she presented her personal experiences as an immigrant in America through different characters. Bharati Mukherjee's *Jasmine* (1989) is about an illegal immigrant Jasmine, a young Indian village girl. It reveals expatriation and immigration on alien land by Indian girl. Her *Leave it to Me* (1997) is a purely American and about men-women relations. *The Holder of the World* (1997) is about the search of a diamond called the 'Emperor's Tear.' She has represented cultural diversity by portraying Indian woman in her *Desirable Daughters* (2002). It is the manifesto of diaspora which deals with an identity of Asian-American. It also concentrates on the problems of migration, obsession of marriage, and lust for wealth, fame, fashion and life style addictions. She has covered many moods of immigrants like nostalgia, frustration, isolation, alienation etc. Her writing is the depiction of "phenomenon of migration, the status of new immigrants and the feeling of alienation often experienced by expatriates" (Alam, 1996).

One more feather in the cap of Indian diaspora is the contribution of Suniti Namjoshi (1945), living in UK. It has been observed that Indian diasporic writers retells the Indian mythology in their own work and Suniti Namjoshi is one of the names who used Panchtantra stories in her famous collection of fables *Feminist Fables* (1981) in which she depicted victimization, gender discrimination, isolation, quest for identity, commodification of woman by patriarchal society through the lens of feminist. Her *Conversations of Cow* (1985) is a novella portraying lesbian identity in the form of lesbian feminism as the main theme through the characters Suniti and Bhadravati. In *Mothers of Maya Diip* (1989), Suniti tried to present matriarchal society by challenging the patriarchal society. In her *Goja: An Autobiographical Myth* (2000) she explored diasporic consciousness through own childhood experiences. In *Goja*, she revealed her lesbian identity in front of two

women, her grandmother and Goja, her maid. Her works reflected on quest for identity from Indian perspective, feminist perspective, and lesbian perspective through western experiences. Her famous works include *Building Babel* (1986), *The Blue Donkey Fables* (1988), *Because of India: Selected Poems and Fables* (1989), *Saint Suniti and the Dragon* (1993), *Sycorax: New Fables and Poems* (2006). Her Aditi stories are the collections of children literature series dealing with different themes. Suniti Namjoshi is one of the leading Indian diasporic authors who exposed queer theory in her works by declaring her own identity.

Indian-American author Meena Alexander (1951–2018), a leading poetess, a novelist and a prose writer is known for her *Nampally Road* (1991) and *Manhattan Music* (1997). She is a blooming star on the horizon of Indian diaspora. She creatively shared her own diasporic experiences, her journey of migration from India to Sudan, to USA. Like her life journey, her poems also have multiple layers evoking multiple themes. Her poems are intensely self-conscious and with minimum of words, she evokes layers of meaning (Nagabhushanam, 2019). The issues of exile, identity crisis, search for roots, migration, emptiness, frustration, east-west culture and discrimination are discussed from a much broader perspective. Her autobiographical memoir, *Fault Lines* (2003) is the representation of immigrant experiences due to relocations and expatriation and quest for stability. She is “a woman poet, a woman poet of colour, a South Indian woman poet who makes up lines in English, a postcolonial language...” (Alexander, 2003).

Chitra Banerjee Divakaruni’s (1956) *The Mistress of Spices* (1997) deals with trans-culturalism. Her *Sister of My Heart* (1999) depicts the cultural diversity in between the East and the West. Anjana Appachana (1957), settled in the USA, is awarded by prestigious O’Henry Festival Prize and a National Endowment for the Arts Creative Writing Fellowship. She provides a realistic account of the lives of middle-class women and their painful negotiations between personal aspirations and social expectations. Her first novel *Listening Now* (1997) is a woman’s love story with its agonized secrets. The work revolves around the experiences of an ordinary Indian woman in patriarchy.

Anita Rau Badami’s (1961) debut novel *Tamarind Mem* (1996) is a brilliant depiction of two generations of women set in India and Canada. She explores the cultural clash between two cultures. Her *The Hero’s Walk* (2001) is about loss, disappointment and frustration. It is also about the transmutations of a millennia old culture. *Can You Hear the Nightbird Call?* (2006) is set in Canada. She has presented three women characters who became the victim of political turmoil caused due to India-Pakistan partition in 1947 and later on in the year 1985 when the demand for an independent Sikh State called Khalistan came into violent existence.

Sunetra Gupta (1965) is one of the leading authors representing Indian diaspora. *Memories of Rain* (1992), *The Glassblower’s Breath* (1993), *Moonlight into Marzipan* (1995), *A Sin of Colour* (1999) and *So Good in Black* (2008) are the creations of Sunetra Gupta in the form of novels. Her *The Glassblower’s Breath* presents the problems of alienation, dislocation, hybridity and the loss of the sense of belonging. It is about the young intellectual Indian woman who faces these problems in Calcutta, New York and London. *A Sin of Colour* is a family

saga which shuttles in between Britain and India. It is an exploration of family duty, love, race and Bengali culture. Her *So Good in Black* deals with the problems of migration and self-definition exploring quest for identity as main theme.

More recently one of the Indian women writers living abroad is Jhumpa Lahiri (1967). She is the recipient of Pulitzer Prize for fiction in 2000 for *Interpreter of Maladies* (1999), the first collection of short stories. She was also awarded by PEN/Hemingway Award and the New Yorker magazine's debut of the year for *Interpreter of Maladies*. It has nine stories revolving around the South Asian immigrants dealing with Indo-American encounters. The collection portrayed communication and marriage as main themes showcasing cultural differences between Indians and Americans. Lahiri depicts the characteristic experiences of Indians living in an alien land. Lahiri has won The Frank O'Connor International Short Story Award in 2008 for *Unaccustomed Earth* (2003). It is also collection of short stories based on human behavior and emotions in relationships. In *The Namesake* (2003), Lahiri explores the cultural conflict experienced by the immigrants representing homeland and adopted land. She explores the ideas of isolation and identity crisis and throws light on the borrowed existence of immigrants in a foreign land and most poignantly, the tangled ties between generations that open whole worlds of emotion (Gouse, 2017). Her fiction has an autobiographical touch and she showcased own experiences by portraying characters' struggles, quest for identity, anxiety, alienation, immigrant psychology and behavioral patterns. These inner experiences are aptly explained as, "Hence the sense of belonging to a particular place and culture and at the same time being an 'outsider' to it creates an inner tension in her characters" (Kadam, 2008).

Kiran Desai (1971), a diasporic novelist differs from her mother Anita Desai, in her artistic exploration. Desai's debut novel *Hullabaloo in the Guava Orchard* (1998) is set in a small dusty town of Shahkot in North India and revolves around the family of Sampath Chawla. The novel presents the problematic survival in an adopted language through eccentric characters. Her masterpiece and the Booker Prize winner, *The Inheritance of Loss* (2006) depicted the sense of belonging and quest for identity as main themes. In this novel, she elucidated the clash of culture, religion, race and gender, the consequences of colonialism and nationalism.

Conclusion

This comprehensive survey of Indian women novelists in English makes us aware of the fact that they have retained their permanent stamp in the arena of English fiction. Diasporic philosophy itself is an artistic movement among the writers of present generation. Indian Diasporic writings provide the readers variety of themes rooted on different areas such as cultural dimensions, traditions, self, identity. The most reoccurring element in each of these Indian diasporic books is the quest for identity in migrated nation. It evinces that Indian women novelist in English have successfully utilized the language and made it a vehicle of their own cultural experiences and expressions. As a result, many Indian women novelists in English have won prestigious national and international literary awards and proved their identity in whole world.

References

- Agrawal, A. (2014). Faith versus science: A study of Kamla Makandaya's 'A Silence of Desire.' *Research Scholar*.
- Alam, F. (1996). *Bharati Mukherjee*. New York: Twayne Publishers.
- Alexander, M. (2003). *Fault lines: A memoir*. The Feminist Press, City University of New York.
- Arthur, J.A. (2010). *African diaspora identities: Negotiating culture in transnational migration*. Lexington Books.
- Ashcroft, B., Griffiths, G., & Tiffin, H. (2007). *Post-colonial studies the key concepts* (2nd ed., pp. 61–62). London, New York: Routledge.
- Bhabha, H.K. (1994). *The location of culture*. London: Routledge.
- Dasan, A.S. (2006). *The rains and the roots: The Indian English novel then and now*. Mysore: Sahrdayata-Global Fellowship Academy.
- Docker, J. (2001). *The poetics of diaspora*. London: Continuum.
- Gore, P. (2013). Diasporic experiences in Jhumpa Lahiri's the Namesake. *Journal of Higher Education and Research Society*, 1(1), 27.
- Gouse, Md.S. (2017). Diasporic dimension and identity issues in Jhumpa Lahiri's "The Namesake." *Indian Scholar*.
- Kadam, M.G. (2008). The Namesake: A mosaic of marginality, alienation, nostalgia and beyond. In N. Das (Ed.), *Jhumpa Lahiri: Critical Perspectives* (pp. 121–122). New Delhi: Pencraft.
- Kumari, A. (2014). The matrix of diasporic consciousness in Chitra Banerjee "Divakaruni's Arranged Marriage." *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 2(11), 59–64.
- Nagabhushanam, N. (2019). Meena Alexander as a diaspora writer. *International Journal of Research*, VIII(I), 186.
- Naik, M.K. (1985). *Perspectives on Indian fiction in English*. New Delhi: Abhinav Publications.
- Naik, M.K. (2006). *A history of English literature*. Delhi: Sahitya Akademi.
- Paranjape, M. (2003). Writing across Boundaries: South Asian diasporas and homelands. In M. Fludernik (Ed.), *Diaspora and Multiculturalism: Common Traditions and New Developments* (pp. 231–260). Rodopi.
- Parameswaran, U. (1998). Trishanku and other writings. In Gauri Shankar Jha (Ed.), *Current Perspectives in Indian English Literature*. New Delhi: Prestige Books.
- Rushdie, S. (1991). *Imaginary homelands: Essays and criticism, 1981–1991*. London: Granta Books.
- Safran, W. (1991). Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 1(1), 83–99. <http://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>
- Sahoo, A. (2014). Diaspora, transnationalism and development. In S. Erudaya Rajan (Ed.), *India Migration Report 2014*. New Delhi: Routledge Publications.
- Taylor, C. (1992). *Sources of the self: The making of the modern identity*. Cambridge University Press.
- Vijayasree, C (2001). *Suniti Namjoshi: The artful transgressor*. New Delhi: Rawat Publications.

Bio note:

Dipali M. Kadam, Professor of the Sciences and Humanities Department, Rajarambapu Institute of Technology, Rajaramnagar, Republic of India. E-mail: dipali.kadam@ritindia.edu

Сведения об авторе:

Кадам Дипали М., профессор департамента естественных и гуманитарных наук, Технологический институт Раджарамбапу, Раджарамнагар, Республика Индия. E-mail: dipali.kadam@ritindia.edu

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-541-550

УДК 070

Научная статья / Research article

**Вузовские СМИ 30-х годов XX века:
историко-типологический анализ**

Н.В. Кодола

*Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

✉ nv.kodola@mpgu.su

Аннотация. Впервые в теории медиа рассматривается издание Московского государственного педагогического института имени А.С. Бубнова (МГПИ) – газета «Культармеец». Газета «Культармеец» – важный исторический документ, отразивший реалии научно-исследовательских процессов и общественно-политическую обстановку в учебных заведениях России в начале 1930-х гг. Здесь излагали свои научные и педагогические взгляды такие известные деятели образования, как Дмитрий Иванович Азбукин, Михаил Ефимович Дымент, здесь же публиковались студенты МГПИ, которые впоследствии стали известными учеными и литераторами в Армении (Гурген Овнан, Казар Айвазян и др). Исследуется история газеты «Культармеец», ее проблематика, особенности организации, впервые обнародован список редакторов. В качестве эмпирического материала использованы и введены в научный оборот некоторые, ранее не изученные, архивные документы по студенческим СМИ Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального государственного архива Москвы (ЦГА), МГПИ имени А.С. Бубнова (протоколы заседаний парткома вуза). Анализ статей «Культармейца» вносит вклад в изучение истории отечественной педагогики и журналистики.

Ключевые слова: МГПИ имени А.С. Бубнова, МПГУ, вузовская пресса, вузовские СМИ, газета, Культармеец, Гурген Иоаннисян, Гурген Овнан

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 января 2022 г.; откорректирована 10 апреля 2022 г.; принята к публикации 2 июня 2022 г.

Для цитирования: *Кодола Н.В.* Вузовские СМИ 30-х годов XX века: историко-типологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 541–550. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-541-550>

University media of the 30s of the twentieth century: historical and typological analysis

Natalia V. Kodola

*Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ nv.kodola@mpgu.su

Abstract. For the first time in the theory of media, the publication of the Moscow State Pedagogical Institute named after A.S. Bubnov (MGPI) – the newspaper *Kultharmeets* is considered. The newspaper *Kultharmeets* is an important historical document that reflected the realities of research processes and the socio-political situation in Russian educational institutions in the early 1930s. Such famous figures of education as Dmitry I. Azbukin, Mikhail Ye. Dymant presented their scientific and pedagogical views here, students of the Moscow State Pedagogical Institute, who later became famous scientists and writers in Armenia (Gurgen Hovnan, Kazar Ayvazyan and others), were published here. The history of the newspaper *Kultharmeets*, its problems, features of the organization are investigated, the list of editors is published for the first time. As an empirical material, some previously unexplored archival documents on student media of the Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, the Central State Archive of Moscow, the Moscow State Pedagogical Institute named after A.S. Bubnov (minutes of meetings of the university party Committee) were used and introduced into scientific circulation. The analysis of the articles of *Kultharmeets* contributes to the study of the history of Russian pedagogy and journalism.

Keywords: MSPI named after A.S. Bubnov, MPSU, university press, university media, newspaper, *Kultharmeets*, Gurgen Ioannisyanyan, Gurgen Hovnan

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 20, 2022; revised April 10, 2022; accepted June 2, 2022.

For citation: Kodola, N.V. (2022). University media of the 30s of the twentieth century: Historical and typological analysis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 541–550. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-541-550>

Введение

К истории и типологии отечественных средств массовой информации обращались многие исследователи. В том числе были рассмотрены историко-типологические аспекты отечественной прессы для студенческой молодежи (Носова, 2007), система периодических изданий для женщин (Минаева, 2016), общая типологии периодической прессы (Типология периодической прессы, 2009). В последнее время внимание исследователей привлекают пока недостаточно изученные вузовские СМИ. О возникновении и становлении студен-

ческой периодики в России пишет, к примеру, А.Н. Болкунов (2008), вузовская газета «Политехник» исследуется И.А. Брюхановой (2003), ретроспективу развития вузовских изданий Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина рассматривает А.В. Прохоров (2021). Стенные газеты как значимый компонент системы молодежной печати Удмуртии в 30-е гг. XX в. анализирует Г.И. Старкова (2013), классификацию и проблематику вузовских СМИ разбирает Е.Н. Туголукова (2012). Недавно объектом научных работ стали издания Второго МГУ (в разное время – МГПИ, МПГУ) (Кодола, 2021). Данная работа посвящена общественно значимой газете Московского педагогического института «Культармеец», подобного исследования прежде не проводилось.

В 1920–1930-е гг. вузовским изданиям уделялось особое внимание. Газеты учебных заведений, особенно педагогических, в условиях борьбы за грамотность населения играли важную роль в государственном образовательном процессе. Вузовская пресса 1920–1930-х гг. тяготела, насколько это было возможно в тот исторический период, к качественной журналистике с ее характерными чертами (глубокий анализ сути событий, достоверность), стремилась к реализации основных функций студенческого СМИ (коммуникативная, пропагандистская, просветительская). Руководство вуза поддерживало выход газеты, которая взяла на себя также образовательную и воспитательную функции. В «Культармейце» в каждом номере происходила корректировка содержания в соответствии с вызовами времени. Известные ученые, работавшие в МГПИ, публиковали в газете «Культармеец» статьи, посвященные советскому образованию. Эти и другие архивные материалы имеют очевидную ценность для изучения истории нашей страны, осмысления особенностей развития отечественной педагогики и журналистики.

Газета «Культармеец»: история создания

Газета «Культармеец» выходила в МГПИ с 1930 по 1936 г. До этого вузовским органом печати была газета «За Лениным» (Второй МГУ). В 1930 г. Второй МГУ был реорганизован, в результате появились три вуза. Правопреемником стал Московский государственный педагогический институт, который с 1931 по 1937 г. носил имя А.С. Бубнова, народного комиссара просвещения РСФСР. Газета «За Лениным» являлась примером качественной студенческой прессы, у нее были отлажены методы работы с читательской аудиторией, в специальных кружках обучались студкоры. В основном с газетой сотрудничали студенты и преподаватели медицинского факультета, поэтому после реорганизации вуза она перешла ко Второму московскому медицинскому институту, а МГПИ пришлось создавать новую газету.

В № 1 на первой полосе «Культармейца» (19 октября 1930 г.) публикуется программная статья «Газета – боевое оружие в борьбе за кадры», в которой обозначены цели и задачи издания: «С сегодняшнего дня в нашем институте будет выходить вузовская печатная газета „Культармеец“. Задача газеты – борьба за новые кадры пролетарских специалистов, изыскание путей, которые помогли бы разрешению этой поистине животрепещущей проблемы. <...> Газета должна бороться за чистоту студенческих рядов, освещать вопросы быта, учебы, соцсоревнования, ударничества среди учащихся и т. д.».

Большое внимание газета уделяла и преподавательскому составу института, вопросам активизации методов занятий, как в теоретической, так и в практической учебе. В статье рассказывается о работе редколлегии и механизме формирования круга корреспондентов. Тон статьи категоричен, авторитарные методы, о которых идет речь, будут потом использоваться на протяжении всего периода существования газеты: «Успех и значение газеты в огромной мере будет зависеть от того, какое участие примет в ней вся масса студенчества. Каждый студент института обязан быть другом своей газеты, активно распространять ее и писать в ней. При газете будет создана расширенная редколлегия из представителей партийных и профессиональных организаций, студкоров и преподавательских сил института. Каждая организация должна будет выделить своего представителя, каждый студент должен знать, что работа в редколлегии – одна из ответственных общественных работ».

Редколлегия не поясняет, почему выбрано такое название – «Культармеец». Но это сегодня оно кажется странным, а в 1930-е гг., в контексте политических событий, выбор был вполне очевидным¹. 25 июля 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении». В нем, в частности, говорилось: «Развитие социалистического строительства и связанные с этим огромные задачи по подготовке кадров, ликвидации культурно-технической отсталости и по коммунистическому воспитанию широких масс требуют скорейшего проведения всеобщего обязательного начального обучения как важнейшей предпосылки дальнейшего развития культурной революции»². Руководство Московского педагогического института, откликаясь на партийное постановление, организовало постоянную практику в сельской местности. Здесь студенты участвовали в своеобразном культурном всеобуче-походе, массовом обучении. Отсюда и название для вузовской многотиражки. «Культармеец» – это «участник массового культурно-просветительного движения в первые годы культурного строительства в СССР»³.

В материале «Педагогический институт должен быть в первых рядах культэстафеты» автор Н. Хитрово поясняет, какие задачи стоят перед культармейцами: «Выдвинутая по инициативе Хамовнического райкома комсомола новая боевая форма культурной работы – культэстафета дает возможность широкой пролетарской общественности вплотную разрешить основные задачи культурной революции» («Культармеец», 19 октября 1930 г.). Перед институтом поставлена цель – организовать культэстафету районов Москвы (Хамовники и Пролетарский).

Редакция газеты

С 1930 по 1936 г. в газете «Культармеец» сменилось более десяти редакторов, в некоторых номерах вместо фамилии редактора стоит отметка «Редколлегия». Несколько номеров были подготовлены заместителем ответственного редактора А. Астафьевым и временно исполняющим обязанности

¹ «Культармеец Кузбасса» – так, например, назывался в 1930-х гг. нынешний Театр драмы Кузбасса. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/537/> (дата обращения: 02.07.2022).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 21.

³ Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1996. Т. 6. С. 1825.

редактора М. Фриманом. В 1930 г. в выходных данных указывается редактором нескольких номеров некто Раданежский, одного номера – Ранданевский («Культармеец», 17 мая 1931 г.), одного – Конданевский. Нередко фамилии редакторов указываются без инициалов.

Ответственные редакторы газеты «Культармеец»

№	Годы	Ответственные редакторы
1	1930–1931	Балашов, Раданежский, Конданевский, Ранданевский
2	1931	Лихонин
3	1931–1932	Струнников
4	1932	Бакулин
5	1932–1933	М.Д. Наумов
6	1933–1933	Г.Н. Иоаннисян
7	1933–1934	М. Фриман (ВРИО)
8	1934	М. Юмашев
9	1934–1935	Т. Мукменев
10	1935–1936	Н. Шокуров
11	1936	Н.С. Звирбул (ВРИО)

Источник: составлено автором.

Executive editors of the newspaper *Kultarmeets*

No.	Years	Responsible editors
1	1930–1931	Balashov, Radanevsky, Kondanevsky, Randanevsky
2	1931	Lichonin
3	1931–1932	Strunnikov
4	1932	Bakulin
5	1932–1933	M.D. Naumov
6	1933–1933	G.N. Ioannisyann
7	1933–1934	M. Freeman (acting)
8	1934	M. Yumashev
9	1934–1935	T. Mukmenev
10	1935–1936	N. Shokurov
11	1936	N.S. Zvirbul (acting)

Source: compiled by the author.

В настоящее время биографии и имена многих редакторов неизвестны, но архивный поиск продолжается. Выяснено, к примеру, что Т. Мукменев был секретарем парткома МГПИ в 1936 г.⁴ Нина Степановна Звирбул была аспиранткой литературного факультета.

Больше сведений найдено о редакторе Г.Н. Иоаннисяне. Гурген Нерсесович родился 20 октября 1910 г. в Шуше (Азербайджан). В 1933 г. окончил филологический факультет МГПИ. Затем работал научным сотрудником Академии наук Армении. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Принимал участие в боях на Крымском фронте, был редактором дивизионной газеты, затем заместителем редактора газеты 45-й армии, старшим инструктором по печати Политуправления Закавказского фронта, потом 2-й Ударной армии.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 3. Ед. хр. 132. Л. 1.

В 1945 г. награжден орденами Отечественной войны I и II степени⁵. После войны работал в Академии наук Армении, защитил докторскую диссертацию «Русско-армянские литературные связи в XIX–XX вв.». С 1954 по 1964 г. – директор Института литературы имени М. Абеяна АН Армянской ССР. В 1976–1978 гг. был председателем Библиотечного совета при Президиуме Академии наук Армении⁶.

В газете «Культармеец» Гурген Иоаннисян публиковал журналистские материалы, например «Чистка партии и задачи низовой печати» («Культармеец», 10 июня 1933 г.). Там же печатался со своими литературными произведениями, но под псевдонимом Гурген Овнан: очерк «Дзорагес» («Культармеец», 6 ноября 1932 г.), посвященный строительству электростанции в Закавказье; очерки «Песнь о ветре» («Культармеец», 27 января 1933 г.), «Уличная певица» («Культармеец», 10 июня 1933 г.). Александр Делиев опубликовал в газете стихотворение «Песня об Элладе» с посвящением «другу – армянскому писателю Г. Овнану (Иоаннисяну)» («Культармеец», 26 мая 1933 г.).

«Культармеец» – орган парткомитета, вузкомитета ВЛКСМ, профорганизации и дирекции Московского пединститута имени А.С. Бубнова. Имя наркома просвещения Бубнова вуз стал носить с октября 1931 г. («Культармеец», 16 ноября 1931 г.). На заседаниях парткома неоднократно обсуждалась работа редакции. Например, в 1934 г. в справке комиссии по чистке партии указывается на недостатки в работе институтской печати. Речь идет о «Культармейце» и о стенной печати: «газеты не стояли на необходимом политическом уровне и не являлись боевым, действенным орудием самокритики для вскрывания недостатков и борьбы за улучшение всей работы института»⁷. Отмечалось, что редакция слабо руководила печатью отделений вуза. В связи с критикой в 1934 г. сменилось три редактора «Культармейца».

В 1936 г. 7 января на заседании парткома МГПИ ответственный редактор Шокуров сообщил, что вопрос о вузовских изданиях разбирался на Оргбюро ЦК и в восемнадцати институтах газеты (в том числе «Культармеец») были закрыты. После его выступления на заседании решили «добиваться оставления за нами печатной газеты»⁸. Чуть позже, в апреле 1936 г., на заседании парткома слушали доклад нового редактора газеты Н.С. Звирбул о подготовке ко Дню печати. В прениях выступил директор МГПИ Ю.Н. Никич (Криличевский)⁹, который отметил, что газету «Культармеец» закрывали из-за низкого качества материалов, в отделе печати ЦК ВКП(б) предупредили, что «если не поднимем качество, то газету снова закروют»¹⁰. Издание продолжало выходить, Н.С. Звирбул была ответственным редактором «Культармейца» до 1938 г. К этому периоду название газеты изменилось на «Педвузовец».

⁵ ЦАМО. Ф 33. Оп. 686196. Д. 5819.

⁶ Энциклопедия культуры, искусства и медиальностей. URL: <https://avproduction.am/> (дата обращения: 19.01.2022).

⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 3. Ед. хр. 132. Л. 6.

⁸ Там же. Ед. хр. 133. Л. 1.

⁹ Осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР от 15 декабря 1937 г. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован определением ВКВС СССР от 21 апреля 1956 г. См.: ЦА ФСБ. Р-5764.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 3. Ед. хр. 133. Л. 80.

Тема учебы в «Культармейце»

За исследуемый период газета перенасыщена пропагандистскими лозунгами и призывами, например «Да здравствует культреволюция в стране советов!» («Культармеец», 7 ноября 1930 г.). Это узнаваемая примета времени, редколлегия копирует стиль центральной прессы. В издании при этом много опечаток, встречаются фактические ошибки, например в дате выхода номера. Вместо 1931 указан 1930 г. («Культармеец», 17 января 1931 г.). Номера газеты содержательно насыщены, тематика и проблематика статей соответствуют запросам аудитории.

Тема учебы – одна из главных в «Культармейце». Уже в первом номере газеты на первой полосе публикуется обращение вузбюро ВЛКСМ «Будем коллективно пользоваться учебниками!», в котором содержится призыв к студентам старших курсов сдавать свои учебники комсомольским группам для общего пользования. Автор обещает, что «при первом пополнении новым изданием учебных пособий книги будут возвращены» («Культармеец», 19 октября 1930 г.). В качестве основного метода обучения, начиная с 1930–1931 учебного года, в МГПИ использовалась бригадно-лабораторная система, которая предполагала, в том числе, отмену лекций. Цвирик, автор статьи «Лекциям – крышка», пишет: «С текущего учебного года введен по всем отделениям пединститута, как система, лабораторный метод. Лекционному методу – крышка» («Культармеец», 19 октября 1930 г.). Предполагалось, что студенты смогут обучаться сами по учебникам. В процитированной заметке автор обращает внимание читателей на то, что учебных пособий не хватает и призывает к их приобретению. Также в газете публикуются лозунги об учебе: «Направим энтузиазм общественности на улучшение качества учебы!», «Соберем предложения по активизации методов учебы!»

В это время в стране идет социалистическое соревнование на всех уровнях. «Культармеец» цитирует резолюцию 16-й партийной конференции о необходимости участия в соцсоревновании и ударничестве («Культармеец», 22 декабря 1930 г.), здесь же опубликован материал М. Файнгольц «За соцсоревнование», в котором рассказывается об опыте организации соцсоревнования и ударничества на дошкольном отделении института. Тут же, как пример ударной учебы, публикуется «Рапорт педагогов, досрочно оканчивающих пединститут к 1 января»: «Все оканчивающие самозакрепились на педолого-педагогической работе. Досрочники считают, что сокращение срока учебы прошло за счет усиления темпов, а не за счет качества подготовки.»

В газете есть и проблемные статьи, в которых преподаватели обсуждают учебные планы, работу профессорско-преподавательского состава. Например, в материале «К прорывам на учебно-производственном фронте» М. Татаринов поднимает вопросы об определении профиля специалиста, которого выпускает институт, о разработке преподавателями учебных программ и планов («Культармеец», 17 января 1931 г.). И. Павлов в статье «Основные задачи работы с аспирантурой в наступающем учебном году» («Культармеец», 3 сентября 1933 г.) пишет о подготовке кадров высококвалифицированных пролетарских ученых и продолжает эту тему в материале «Пора понять важность диссертации!» («Культармеец», 1 января 1934 г.).

На страницах газеты регулярно размещались материалы о педагогике. В частности, под рубрикой «Страница педагогического опыта» («Культармеец», 29 января 1934 г.) рассказывается о методах работы преподавателей, даются рекомендации по заполнению студенческих тетрадей. Под рубрикой «Обмен опытом» печатались заметки преподавателей и студентов разных вузов. Например, учащиеся МГУ и МГПИ делятся предложениями по улучшению педагогического процесса и самостоятельной работы в информационных статьях под общим заголовком «Как работают лучшие студенты» («Культармеец», 18 марта 1934 г.).

Следует подчеркнуть, что вуз, в котором выпускалась газета «Культармеец», был педагогическим, поэтому проблемы преподавания и воспитания присутствовали на страницах газеты постоянно, что является отличительной особенностью данного СМИ.

Заключение

Вузовская печатная пресса как массовое явление зародилась в 20-е гг. XX в. До этого в высших учебных заведениях в основном выпускались стенгазеты. В 1930-е гг. периодическая печать многотиражек во многих вузах была уже налажена. Газета МГПИ имени А.С. Бубнова «Культармеец» выполняла информационную, просветительскую, воспитательную, образовательную функции. Аудиторией были преподаватели, студенты института, а также учащиеся других вузов. В редакции газеты «Культармеец» работали преимущественно студенты старших курсов. При этом их контролировали представители вузбюро ВКП(б), вузбюро ВЛКСМ, а также профорганизация и дирекция института. В газете освещались важные для того времени события жизни вуза, много внимания уделялось быту и воспитанию студентов, публиковались проблемные материалы, посвященные преподаванию. Издание было политизированным: жизнь страны была в центре внимания. Особенное место в газете уделялось литературным публикациям, в том числе стихотворениям и прозаическим сочинениям студентов МГПИ. Коллектив редакции создавал информационные поводы. Например, по инициативе редакции был объявлен сбор денег на строительство самолета. В заметке «Строим самолет „Культармеец“» указывалось, что биологическое отделение уже собрало 100 рублей. А студенты и преподаватели рабфака имени Бухарина, «заслушав доклад о Маньчжурских событиях, постановили провести сбор» («Культармеец», 21 декабря 1931 г.).

Газета «Культармеец» оставила заметный след в биографии МГПИ имени А.С. Бубнова, отразила специфику определенного этапа в истории нашей страны. Под названием «Культармеец» газета выходила с 1930 по 1936 г. А затем ее название сменилось на «Педвузовец». Но об этом – в следующей статье.

Список литературы

Болкунов А.Н. Возникновение и становление студенческой периодики в России // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 74–82.

- Брюханова И.А. К истории вузовской печати: новая жизнь «Политехника». СПб., 2003. URL: <http://elib.spbstu.ru/dl/557.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).
- Кодола Н.В. Газета «За Лениным» 2-го МГУ: приемы формирования читательской аудитории // Медиаальманах. 2021. № 1. С. 82–86. <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2021.8286>
- Минаева О.Д. Формирование и развитие системы периодических изданий для советских женщин в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 54 с.
- Носова Ю.А. Отечественная пресса для студенческой молодежи: историко-типологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 180 с.
- Прохоров А.В. Ретроспектива развития вузовских изданий Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина // Медиареальность XXI века: эпоха глобальных реформ: материалы I Международной научно-практической конференции (Москва, МПГУ, 5 марта 2021 г.) / ред. Т.Н. Владимирова, В.А. Славина, Н.В. Кодола. М.: МПГУ, 2021. С. 52–56.
- Старкова Г.И. Стенные газеты как значимый компонент системы молодежной печати Удмуртии в 30-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 6. С. 135–152.
- Типология периодической прессы / ред. М.В. Шкондин, Л.Л. Реснянская. М.: Аспект Пресс, 2009. 234 с.
- Туголукова Е.Н. Классификация и проблематика вузовских СМИ // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2012. № 2 (37). С. 70–75.

References

- Bolkunov, A.N. (2008). The emergence and formation of student periodicals in Russia. *Izvestiya Saratov University. Series: Philology. Journalism*, 8(2), 74–82. (In Russ.)
- Bryukhanova, I.A. (2003). *On the history of university press: A new life of "Polytechnic."* St. Petersburg. (In Russ.) Retrieved January 19, 2022, from <http://elib.spbstu.ru/dl/557.pdf>
- Kodola, N.V. (2021). *Za Leninym* newspaper published by the 2nd Moscow State University: Methods of forming the reading audience. *MediaAlmanah*, (1), 82–86. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2021.8286>
- Minaeva, O.D. (2016). *Formation and development of the system of periodicals for Soviet women in 1917–1941*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Diss. Moscow. (In Russ.)
- Nosova, Yu.A. (2007). *Domestic press for students: Historical and typological aspect*. Dis. of PhD. Philol. Sci. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Prokhorov, A.V. (2021). A retrospective of the development of university publications of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. In T.N. Vladimirova, V.A. Slavina & N.V. Kodola (Eds.), *Media Reality of the XXI Century: the Era of Global Reforms: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, March 5, 2021* (pp. 52–56). Moscow: MPSU Publ.
- Shkondin, M.V., & Resnyanskaya, L.L. (Eds.). (2009). *Typology of the periodical press*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Starkova, G.I. (2013). Wall newspapers as an important component of the youth press system of Udmurtia in the 30s of the twentieth century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 155(6), 135–152. (In Russ.)
- Tugolukova, E.N. (2012). Classification and problems of university media. *Scientific Notes of the St. Petersburg University of Management and Economics*, 37(2), 70–75. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кодола Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет; ответственный секретарь газеты «Педагогический университет». ORCID: 0000-0001-9089-5917. E-mail: nv.kodola@mpgu.su

Bio note:

Natalia V. Kodola, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Institute of Journalism, Communications and Media Education, Moscow Pedagogical State University; Executive Secretary of the Pedagogical University newspaper. ORCID: 0000-0001-9089-5917. E-mail: nv.kodola@mpgu.su

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-551-556
UDC 0.70

Research article / Научная статья

Korean media under the American military administration (1945–1948)

Seulki Kim

*St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, St Petersburg, 199034, Russian Federation*
✉ kkoma425@mail.ru

Abstract. Probably, the beginning of the pro-American trend in the development of Korean media was the editorial policy of the Korean media in the middle of the 20th century. This assumption is tested with the help of historical and typological analysis of the Korean mass media during the period of the American military administration in 1945–1948. In the context of the media, a characteristic of the political situation of that period is given. A comparative descriptive method and a classification method were applied. Previously unpublished information about the structure, language, and style, circulation, audience, thematic focus of two newspapers, the most popular at that time in Korea, is presented. In addition, the most significant personalities in the field of journalism of the designated period are identified. This study not only provides an insight into the political situation and journalism of 1945–1948 but also draws attention to the origins of the long-term influence that the United States of America had on the ideological transformation of the Korean media. It was discovered that at first the American military administration in Korea guaranteed and supported freedom of the press, then an anti-communist policy was inspired and mainly pro-American publications remained in Korea. Thus, it is from the time when Korea was ruled by the American military administration that the Korean media has been favorable to the United States and negative to its opponents.

Keywords: Korea, media, Korean print media, Korean media history, American military administration, Korean media, Korean journalism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted April 18, 2022; revised May 28, 2022; accepted June 20, 2022.

For citation: Kim, S. (2022). Korean media under the American military administration (1945–1948). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 551–556. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-551-556>

© Kim S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Корейские СМИ при американской военной администрации (1945–1948)

С. Ким

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9*
✉ kkoma425@mail.ru

Аннотация. Вероятно, началом проамериканской тенденции развития корейских медиа стала редакционная политика СМИ Кореи середины XX в. Это предположение проверяется с помощью историко-типологического анализа корейских средств массовой информации периода американской военной администрации 1945–1948 гг. В контексте медиа дана характеристика политической ситуации того периода. Применены сравнительно-описательный метод и метод классификации. Представлены ранее не опубликованные сведения о структуре, языке и стиле, тираже, аудитории, тематической направленности двух газет, наиболее популярных в то время в Корее. Кроме того, выявлены наиболее значимые персоналии в сфере журналистики обозначенного периода. Исследование дает представление не только о политической ситуации и журналистике 1945–1948 гг., но и обращает внимание на истоки долгосрочного влияния, которое оказали Соединенные Штаты Америки на идеологическую трансформацию корейских СМИ. Обнаружено, что сначала американская военная администрация в Корее гарантировала и поддерживала свободу прессы, но затем была инспирирована антикоммунистическая политика и в Корее остались в основном проамериканские издания. Таким образом, именно со времен управления Кореей американской военной администрацией корейские медиа благосклонны к США и негативны к их оппонентам.

Ключевые слова: Корея, СМИ, корейские печатные медиа, история СМИ Кореи, американская военная администрация, корейские СМИ, корейская журналистика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 апреля 2022 г.; откорректирована 28 мая 2022 г.; принята к публикации 20 июня 2022 г.

Для цитирования: *Kim S. Korean media under the American military administration (1945–1948) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 551–556. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-551-556>*

Introduction

The Ambassador of the Russian Federation to the Republic of Korea Andrey Kulik, during a press conference on February 28, 2022, criticized the pro-Western position of the Korean media. Despite the fact that modern Korean journalism has undergone changes under the influence of leftist governments, and in recent years progressive media that share non-conservative views have gained popularity, the Russian ambassador's point of view is justified. Obviously, the coverage of events

related to Russia through the prism of European and American values finds a special response from the citizens of the Republic of Korea. The reasons for this phenomenon are in the history of the state and, accordingly, in the history of journalism.

Political contexts

On August 15, 1945, Japan signed the act of surrender in World War II, thus gaining Korea's independence. Against Korea's wishes, the Allied High Command proclaimed on September 2, 1945, that the USSR and the United States would exercise control over the north and south of the country. In the same year, on December 27, at the Moscow conference, the USSR, the USA, and England distributed custody of the Korean Peninsula between the USSR and the USA. The period after the liberation from Japan until the formation of the government was chaotic due to pronounced contradictions between left and right (Park, 1983, p. 150–151). The period of functioning of the American military administration in Korea lasted about 3 years: from September 8, 1945 to August 15, 1948. We are talking about South Korea (Roh, 1996, p. 278).

“After the liberation from Japan and until the end of 1945, more than 40 types of newspapers appeared. We distinguish three trends: firstly, the emergence of new newspapers as a result of liberation from oppression, and secondly, a number of publications were used as a tool in the political struggle. Finally, newspapers such as *조선일보 Chosunilbo* and *동아일보 Dong-A Ilbo*, which were closed during the Japanese occupation, began to be published again” (Kim, 1988, p. 176). This period has gone down in history as the golden era of political newspapers, the era of media revitalization, and the era of left-wing newspapers (Han, 2007, p. 36).

Initially, the US military administration in Korea guaranteed complete media freedom by changing the newspaper publishing system through the introduction of a registration permit. As a result, on May 28, 1946, there were 57 daily newspapers throughout the country and 49 weekly newspapers. Monthly newspapers, as well as bi-monthly newspapers, there were 154 publications.¹

If we take into account the initial stage of the functioning of the American military administration in Korea, we can divide the media into three groups according to political affiliation:

- 1) communist;
- 2) conservative, right;
- 3) progressive.

Media scholar Kim Min-Hwan identified the third group as being progressive democracy and actively supporting the united front movement (Kim, 1995, p. 7).

After liberation, the media industry was dominated by a large number of newspapers on the left (Song, 1990, p. 69). However, from the middle of this period, the American military administration in Korea, within the framework of anti-

---

¹ Yeojusisa. *Contemporary social culture: Newspapers after liberation to the 1960s*. (In Kor.) Retrieved March 12, 2022, from <http://www.yeouju.go.kr/>

communist policy, began to oppress the left and their press, supporting the right and their publications. As a result, only pro-American right-wing newspapers remained (Kim, 2001, p. 21).

Characteristics of main newspapers

서울신문 “**Seoul Shinmun.**” This newspaper inherited the technical and human potential of the 매일신보 “*Maeil Shinbo,*” which was the property of the Governor General of Japan. For several months after Korea gained independence, Maeil Shinbo was the only newspaper in Korean, which aroused the interest of various political forces. As a result, after the reorganization of the newspaper and the coordination of policy with the American administration, it received a new name “*Seoul Shinmun*” (Kim, 2010, p. 157–159), and on November 22, 1945, the first issue was published (Kim, 2010, p. 181).

There were two versions of the newspaper: two-page and four-page. There were editorials, and domestic and foreign political news were the main topics of journalistic publications.²

As for the language, the newspaper was published combinatorially: the Korean alphabet and Chinese characters were used. This points to its potential audience: those who know Chinese characters (income above the middle class). A work permit from the American military administration in Korea meant a circulation limit of 100,000 copies (Kim, 1996, p. 340). Consequently, after the liberation from the Japanese occupation, it was the largest newspaper (Kim, 2010, p. 197).

The largest shareholder of Seoul Shinmun was the American military administration in Korea (Kim, 2010, p. 192) (after the liberation of Korea, the newspaper passed from the patronage of the governor general of the American military administration) (Kim, 1994, p. 369) Despite the similarities in its management structure with the official organ of the American military administration, Seoul Shinmun, due to its content, the latter was classified as a left-wing or neutral newspaper (Kim, 2014, p. 140).

경향신문 “**The Kyeonghyang Shinmun.**” The Catholic Foundation established the newspaper on October 6, 1946 (Kim, 1996, p. 345). In the background of the policy of repression of the left-wing media and with the support of the American military administration in Korea, the publication quickly gained popularity (Kang, 2007, p. 260).

During this period, the newspaper was published in two and four-page versions. The exception is the issue of January 1, 1947: then the newspaper was published on eight pages. The newspaper covered various topics: politics, economics, culture, life, advertisements were published.

The newspaper was published in a mixture of the Korean alphabet and Chinese characters.³ On September 26, 1947, the circulation was 61,300 copies (Kim, 1988, p. 187). This is the largest circulation among major daily newspapers in

² Electronic archives. Retrieved March 13, 2022, from <http://archive.history.go.kr/>

³ Naver News library. Retrieved March 13, 2022, from <https://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?publishDate=1946-10-06&officeId=00032&pageNo=1>

Seoul as of November 1947. The newspaper was published in a mixture of the Korean alphabet and Chinese characters.⁴

According to Kim Bok Su's research, the United States defined it as neutral in 1947, and right the following year (Kim, 2005, p. 28). And the newspaper itself positioned itself as neutral.

Leading journalists

하경덕 **Ha Kyeongdeok** graduated from Harvard University, becoming the first Korean to receive a Ph.D. On September 5, 1945, he founded the English newspaper “The Korea Times.” He lead Seoul Shinmun, the newspaper with the largest circulation of all after the liberation, thanks to his acquaintance with the L. Bertsch political adviser of J.R. Hodge, the commander of the American military administration in Korea, with whom Ha Kyeongdeok studied at the university.⁵ He acted as a consultant to the US military administration and served on various committees of the US military administration in Korea (Kim, 2016, p. 222).

이종모 **Lee Jung Mo**. As the editor-in-chief of 조선통신 “Joseon Tong-sin”⁶ during the Japanese occupation, he strictly adhered to a journalistic code of ethics, so people respected him (Song, 1990, p. 28) and unanimously decided to trust him to manage 조선기자회 “Reporters of Joseon.” He made repeated attempts to defend the freedom of the press from the US military administration in Korea (Korean Journalists Association, 2001, p. 146).

Conclusion

After the liberation from Japan, the USSR and the USA began to control the Korean peninsula. In this background, newspapers have become an instrument of political activity. At the beginning of this period, the American military administration in Korea provided freedom for the Korean media. Therefore, many newspapers were founded at that time, with more left-wing newspapers published than any other. In addition to the left and right, there were also neutral publications. However, from the middle of the study period, the American military administration in Korea began to pursue an anti-communist policy towards the media, so that in the end only pro-American right-wing newspapers remained.

Thus, under the American military administration in Korea, the main principles of the Korean media were formed: the complete exclusion of the left press, the consolidation of the right conservative press, the propaganda of anti-communism, and open pro-Americanism.

⁴ The Kyunghyang newspaper's 70 years of footsteps, 1946–2016. Retrieved March 13, 2022, from <http://www.khan.co.kr/aboutkh/history.html>

⁵ Jeong, J.S. *Journalists in liberation space*. (In Kor.) Retrieved October 10, 2018, from <http://kpfbooks.tistory.com/418>

⁶ Heo, Y. *Senior journalist Lee Jong-mo dies*. (In Kor.) Retrieved March 13, 2022, from <http://news.donga.com/List/Ec/3/all/19980505/7342516/1>

References

- Han, W.S. (2007). *A century of Korean newspapers*. Paju: Pureun sasang. (In Kor.)
- Kang, J.M. (2007). *Korean mass media history*. Seoul: Inmulgwa sasangsa. (In Kor.)
- Kim, B.S. (1988). A study on the media under the US military government. *Korean Studies (Former Spiritual and Cultural Studies)* (pp. 173–192). (In Kor.)
- Kim, B.S. (1994). A study on the formation process and characteristics of the media under U.S. military government. *Criticism of Korean Social Development Theory: Korean Society and Culture*, 22, 351–392. (In Kor.)
- Kim, B.S. (2005). Media control of U.S. military government. *Proceedings of the Korean Journalism Association Conference* (pp. 1–31). (In Kor.)
- Kim, D.S. (2010). Changes in characters of “Maeil Shinbo” immediately after liberation and the launch of “Seoul Shinmun.” *Korean National Movement History Study*, 63, 155–200. (In Kor.)
- Kim, D.S. (2014). Management and political orientation of “Seoul Shimbun” under the U.S. military government. *Korean National Movement History Study*, 79, 139–182. (In Kor.)
- Kim, D.S. (2016). Ha Gyeong-deok's activities before and after liberation and perception of the founding of the nation. *Soongsil History*, 36, 221–265. (In Kor.)
- Kim, M.H. (1995). Media policy of U.S. military government. *Media and Society*, 8, 6–38. (In Kor.)
- Kim, M.H. (1996). *Korean media history*. Paju: Nanam. (In Kor.)
- Kim, M.H.. (2001). *Social thoughts of newspaper under the U.S. military government*. Paju: Nanam. (In Kor.)
- Korean Journalists Association. (2001). *The history of Korean journalists* (vol. 6). Seoul: Minumsa. (In Kor.)
- Park, Y.S. (1983). Korean media law. *Kwanhun Club*, 36, 150–177. (In Kor.)
- Roh, C.B. (1996). *Korean society and democracy*. Seoul: Daewangsa. (In Kor.)
- Song, G.H. (1990). *Korean contemporary media history*. Uijeongbu: Samminsa. (In Kor.)

Bio note:

Seulki Kim, PhD scholar, High School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-6616-3599. E-mail: kcoma425@mail.ru

Сведения об авторе:

Ким Сеулки, аспирант, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0001-6616-3599. E-mail: kcoma425@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-557-566
УДК 0.70

Научная статья / Research article

Прагматическая энантиосемия социально-политических терминов и ее отражение в современных медиа

Э.Г. Куликова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Ростовский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69*
✉ kulikova_ella21@mail.ru

Аннотация. Энантиосемия по степени регулярности уступает таким проявлениям системности, как полисемия или синонимия, однако она также занимает важное место в организации языковых ресурсов и проявляется на всех уровнях языка, в том числе в современном языке медиа. В исследовании речь идет об особом типе энантиосемии – прагматической энантиосемии общественно-политической терминологии, которая широко представлена в средствах массовой информации. С целью выявления социальных, психолингвистических и лингвокультурных причин возникновения прагматической энантиосемии изучены медийные контексты термина «оптимизация», при этом использовался метод дискурсивно-контекстуального и лингвопрагматического анализа, а также прием внутренней интроспекции, апеллирующий к языковой интуиции и знанию социальной и лингвокультурной ситуации. Показано, как кардинальное изменение прагматики термина формирует энантиосемию. Важным критерием изменений оказывается рефлексия авторов медийных сообщений по поводу не только понятия, но и самого термина. Семантика термина «оптимизация» поляризовалась относительно исходной: слово стало обозначать не улучшение, а ухудшение, уничтожение, слом, даже катастрофу, что позволяет говорить о формировании энантиосемии. Важно подчеркнуть, что изменение прагматики (а вместе с тем и семантического содержания) слова «оптимизация», которое произошло исключительно под влиянием экстралингвистических социальных факторов, привело к формированию именно энантиосемии, поскольку позитивный контекст остался, в принципе, возможен.

Ключевые слова: медиадискурс, язык СМИ, лингвистическая прагматика, энантиосемия, социально-политическая терминология

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Куликова Э.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 19 мая 2022 г.; откорректирована 10 июня 2022 г.; принята к публикации 23 июня 2022 г.

Для цитирования: Куликова Э.Г. Прагматическая энантиосемия социально-политических терминов и ее отражение в современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 557–566. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-557-566>

Pragmatic enantiosemey of socio-political terms and its reflection in modern media

Ella G. Kulikova

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Rostov State University of Economics,
69 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation*
✉ kulikova_ella21@mail.ru

Abstract. In terms of regularity enantiosemey is inferior to such systematic manifestations as polysemey or synonymy, but it also takes an important place in the language system and manifests itself at all the language levels. The research deals with such a special type of enantiosemey as pragmatic enantiosemey of socio-political terminology. On the example of the term “optimization” the author presents how a radical change in the pragmatics of the term, at first meliorative one, forms enantiosemey. For the identification of the social, psycholinguistic and linguocultural causes of pragmatic enantiosemey, the media contexts of the term “optimization” were studied, the method of discursive-contextual and linguopragmatic analysis, as well as the technique of internal introspection, appealing to linguistic intuition and knowledge of the social and linguocultural situation were used. An important criterion for changes is the reflection of the authors of media texts about not only the concept, but also the term itself. The semantics of the term “optimization” was polarized relating to the original one: the word began to mean not ‘improvement,’ but ‘deterioration,’ ‘destruction,’ ‘scrapping,’ ‘collapse,’ even ‘catastrophe,’ which makes it possible to talk about the enantiosemey formation. It is important to emphasize that the change in the pragmatics (and at the same time the semantic essence) of the word “optimization,” occurred solely under the influence of extralinguistic social factors, led to the formation of enantiosemey, since a positive context remained possible in principle.

Keywords: media discourse, media language, linguistic pragmatics, enantiosemey, socio-political terminology

Acknowledgements and Funding. The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project No. 21-512-07001 “Linguoecological Parameters of Intercultural Communication in Post-Soviet Space.”

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 19, 2022; revised June 10, 2022; accepted June 23, 2022.

For citation: Kulikova, E.G. (2022). Pragmatic enantiosemey of socio-political terms and its reflection in modern media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 557–566. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-557-566>

Введение

Возможность выражения противоположных значений одной лексемой отмечена лингвистами еще в XIX в., однако лингвистический статус энантиосемии трудно определить однозначно, поскольку она сочетает в себе черты полисемии, омонимии, антонимии и конверсии. Именно поэтому сущность энантиосемии нередко определяли через сопоставление с этими категориями: ее называли «внутрисловной или внутренней антонимией», в ней видели проявление контрарных (конверсивных) отношений, ее считали разновидностью омонимии и полисемии, но чаще говорилось именно о том, что энантиосемия соединяет в себе признаки перечисленных проявлений системности языка. «Энантиосемия представляет собой явление, смежное с полисемией и антонимией, так как энантиосемичные языковые единицы характеризуются наличием единого плана выражения, двух планов содержания и антонимического характера отношений между ними. Феномен энантиосемии обусловлен асимметрией языкового знака, языковой экономией, системностью» (Кравцова, 2006, с. 3). Обзор точек зрения на проблему соотносительности энантиосемии с другими проявлениями системности, а также репрезентативная библиография представлены в диссертациях (Бродский, 1998; Кравцова, 2006; Махмутова, 2009, Острикова, 2014) и исследовательских работах (Романчук, 2019; Огнева, 2016; Авдеева, 2019).

Дискуссия

Вопреки традиционному представлению о том, что энантиосемия – это редкое, уникальное, даже экзотическое явление, некий казус, она весьма разнообразна в своих проявлениях (Литвинова, 2012) и, как установлено, распространяется на все языковые уровни. В современных трудах подчеркивается универсальность энантиосемии, обнаруженная во множестве разноструктурных языков. Энантиосемию формирует «неустойчивое, динамичное и условное по своей сути равновесие между означающим и означаемым языкового знака» (Острикова, 2014, с. 7), то есть дуализм и асимметрию языкового знака.

Итак, энантиосемия – достаточно регулярное явление, охватывающее различные языковые уровни. Возможна и межъязыковая энантиосемия – при образовании полярных значений у генетически общего слова в близкородственных языках. В рамках одного языка различается синхронная и диахроническая энантиосемия. Примером последней может служить слово *прелесть*, изначально означавшее «коварство», «обман», «соблазн» и развившее значение «привлекательность», «обаяние» только к XVIII в. Если иметь в виду, что практически любое наименование с позитивной оценкой может быть использовано с ироническим звучанием, энантиосемия превращается в безбрежное явление. «В практике речевого употребления лексического и фразеологического материала возможность появления энантиосемичных значений потенциально безгранична» (Махмутова, 2009, с. 5). Именно поэтому исследователи стремились разграничить при изучении энантиосемии языковой и речевой аспекты (Кравцова, 2006); ср. ставший языковым, лексикографически закрепленным фактом иронизм Цицерон о плохом ораторе. По той же причине вряд ли правомерно применять понятие энантиосемии к междометиям,

категориальным свойством которых является семантическая и прагматическая амбивалентность: междометия с исключительно позитивной (*Класс!*) или однозначно пейоративной прагматикой (*Тьфу!*) редки. Ср. работу Л.Р. Махмутовой (2009), где междометия рассматриваются как проявление эмоционально-оценочной энантиосемии – при таком подходе целый лексико-грамматический класс (часть речи) оказывается проявлением энантиосемии.

Наиболее исследована энантиосемия в области лексики и фразеологии, однако правомерно говорить о словообразовательной (морфемной) и грамматической энантиосемии. В настоящей статье речь пойдет об особом типе энантиосемии, которую точнее всего следует назвать прагматической. Как будет показано, этот вид энантиосемии возникает вследствие экстралингвистических причин, когда исходное позитивное значение социально-политического термина под воздействием причин социального порядка превращается в свою прагматическую противоположность – пейоратив.

Многие авторы отмечают особую значимость иронии в качестве источника энантиосемии. Однако рассматриваемый нами случай изменения прагматики социально-политических терминов имеет другой источник. Главная причина прагматических сдвигов слов *перестройка*, *реформы* (применительно к реалиям России) коренится в экстралингвистических обстоятельствах, что, впрочем, не отменяет (в качестве следствия) возможность использования таких лексем в ироническом ключе. Ср. помету «ирон.», которой еще в 2001 г. были помечены слова *радетель*, *народный избранник* в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г.Н. Складневской¹ (такую же помету имело в этом словаре и слово *алконавт*). То есть и два десятилетия назад названные слова из сферы социально-политического дискурса ощущались как единицы «фондового комизма», «системные иронизмы» (и произошло это исключительно в силу социальных причин: как шутили кавээнщики 1990-х гг., «слуги народные лучше хозяев живут», *радетели* больше всего радеют о собственных благах и т. д.).

Что касается слова *перестройка*, то оно даже изначально не было мелиоративом (недаром у Даля зафиксирована поговорка: *Переделки да перестройки до добра не доведут*). В конце 1990-х гг. многие публицисты обыгрывали это обстоятельство и писали о том, что напрасно «прорабы перестройки» не справились о семантике и прагматике этого слова у Даля.

Слово *реформа* (в контекстах типа *реформы образования*, *пенсионная реформа* и т. п.) приобрело негативное значение позже – в 2000-х гг. В 2010–2020-х гг. стали возможны такие контексты:

«Слово „реформа“ уже в подкорке, заставляет шерсть становиться дыбом... На этой неделе гос-СМИ стали реже употреблять словосочетание „пенсионная реформа“ – якобы из московского Кремля попросили использовать слова „изменения“, „преобразования“, ибо „реформы“ вызывают негативную реакцию»; «Я несколько раз сталкивался с тем, когда журналисты категорически просили меня ни при каких обстоятельствах не употреблять термин „пенсионная реформа“ <...> слово „реформа“ в совре-

¹ См.: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Астрель; АСТ, 2001.

менном русском языке означает „уничтожение“. И пенсионная реформа – адекватный термин, который каждый человек в стране понимает как пенсионное уничтожение или отмену пенсионного обеспечения, что для очень многих людей и будет»². «Слово „реформа“ стало в России почти нецензурным, и к новой пенсионной реформе это – увы – относится»³.

Конечно, слово «реформа» не стало нецензурным или обценным, однако яркую пейоративность, приобретенную словом в XXI в., авторы этих медийных текстов уловили очень точно.

Результаты

Рассмотрим подробнее судьбу латинизма *оптимизация* (оптимизировать, как известно, значит «придать оптимальные свойства, выбрать лучший вариант из возможных»; от лат. *optimus* – наилучший), который в исходном значении был ярким мелиоративом (оптимизация = улучшение). Но, например, известно, что оптимизация медицины (2010–2019 гг.) обернулась массовым закрытием больниц, что привело к колоссальным очередям и сильной нагрузке на врачей. С 2012 г. началось массовое увольнение врачей. Ср. заголовок статьи и фрагмент текста из «Комсомольской правды»:

«Российская медицина: „оптимизация“ или шаг в будущее?»

КП выяснила, зачем нужна была оптимизация здравоохранения и что пришло ей на смену».

«Положение дел в российском здравоохранении часто связывается со словом „оптимизация“ в его негативном значении. Многие сразу вспоминают про закрытие сельских поликлиник, больниц и ФАПов (фельдшерско-акушерских пунктов), прошедшее в „нулевых“ годах.

В результате в ходе „оптимизации“, прошедшей в нулевые годы и опиравшейся по сути на советские нормативы, в сельских населенных пунктах было закрыто около 15 тысяч амбулаторий и ФАПов. <...> После закрытия ФАПа оставшимся в селе жителям до ближайшего лечебного учреждения нужно было добираться по полдня. Какая уж тут экстренная помощь или тем более профилактика.

Бездумно сократили (вопреки прямым требованиям Путина) ФАПы и, самое главное, клиники в малых городах и поселках, единственные доступные центры медицинской помощи (а иногда – градообразующие предприятия) для местных жителей»⁴.

Негативное отношение к изменениям в медицине породило контексты типа: «„Оптимизация“ не всегда значит „улучшение“»; «оптимизация в негативном значении»; «оптимизация как ужасная ошибка; „дооптимизировались“: есть ли кому нас спасти после сокращения врачей?»; «а разве

² Слово «реформа» уже в подкорке, заставляет шерсть становиться дыбом... // БИЗНЕС Online. 2018, 21 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/389416> (дата обращения: 16.05.2022).

³ Смолин О. Слово «реформа» стало нецензурным... // Смотрим. 2016, 16 мая. URL: <https://smotrim.ru/audio/1366579> (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Николаева А. Российская медицина: «оптимизация» или шаг в будущее? // Комсомольская правда. 2019, 13 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/26952/4005124/?show.direction=future> (дата обращения: 12.05.2022).

осталось у нас в медицине хоть что-то дееспособное после оптимизации?»; «Оптимизация как самоликвидация»; «„Оптимизировали“ редкие медицинские профессии»; «В результате оптимизации осуществилось здравоохранение»⁵; «У руководства „оптимизированной“ медицины практически не обнаружили стратегического мышления»⁶; «оптимизацией здравоохранения прикрывают самый настоящий геноцид»⁷; «убийственная оптимизация»; «россияне привыкли к тому, что у нас каждый день что-то „оптимизируют“ <...> выгоден самим „оптимизаторам“, получающим многомиллионные премии»⁸ и т. п.

Люди начали делиться опытом, «как лечиться в условиях „оптимизированной медицины“», потому что «„обнуление“ советской системы здравоохранения привело к обескураживающему результату: в лечении-то вам не откажут, но и лечить едва ли станут»⁹.

В газете «Крестьянин» опубликован материал под заголовком «Оптимизация инвалидов» (лид: «В Ростовской области людей с ограниченными возможностями лишили бесплатного проезда в общественном транспорте. По-тихому»). В статье прямо сказано об отношении людей к слову «оптимизация»: «Российский гражданин обычно вздрагивает при слове оптимизация. Потому что вспоминает, как, например, оптимизировали систему здравоохранения: и было-то не очень, а что стало... Недавно Минтруда Ростовской области применило это замечательное слово к самым беззащитным: инвалидам, в том числе детям». Как видим, автор иронизирует по поводу слова «оптимизация», ибо считает такое его применение – по отношению к правам инвалидов – кощунственным. Далее указывается на отношение людей к слову «оптимизация» в распоряжении Ростовской администрации об отмене транспортных льгот инвалидам: «Слово „оптимизация“ особенно разозлило народ: „Кто, кого и куда оптимизировал – родителям детей-инвалидов, инвалидам и инвалидам детства, в общем-то, понятно! За счет кого вы меры приняли, уважаемые законодатели? Примите меры за счет своих заработных плат!“ <...> На странице правительства Ростовской области вконтакте разразилась буря: „Зарплату себе оптимизируйте!“»¹⁰.

⁵ Юрьев Д. Дооптимизировались: есть ли кому нас спасать после сокращения врачей // Первый русский царьград. 2020, 1 апреля. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/dooptimizirovalis-esli-komu-nas-spasat-posle-sokrashhenija-vrachej_245492 (дата обращения: 16.05.2022).

⁶ Зимний А. У руководства «оптимизированной» медицины практически не обнаружили стратегического мышления // Накануне.RU. 2022, 6 мая. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/118787/> (дата обращения: 12.05.2022).

⁷ Набока М. Одно слово об оптимизации // Проза.ру. 2019, 10 января. URL: <https://proza.ru/2019/01/10/32> (дата обращения: 16.05.2022).

⁸ Премия за разруху. Кому выгодно «оптимизировать» школы и больницы // Врачи РФ. Профессиональное интернет-сообщество. 2019, 25 января. URL: <https://vrachirf.ru/concilium/55207.html> (дата обращения: 16.05.2022).

⁹ Павлов О. Как лечиться в условиях «оптимизированной медицины» – личный опыт. Суть событий // Рамблер/доктор. 2020, 20 апреля. URL: <https://doctor.rambler.ru/news/44050203-kak-lechitsya-v-usloviyah-optimizirovannoy-meditsiny-lichnyy-opyt/> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁰ Колобова А. Оптимизация инвалидов // Крестьянин. 2022, 21 марта. URL: <https://www.krestianin.ru/articles/60363-optimizaciya-invalidov> (дата обращения: 12.05.2022).

Следующая область, где оптимизация обернулась катастрофой, – это образование. Ср. заголовок статьи в «Независимой газете»: «*К чему ведет нескончаемая оптимизация образования?*»¹¹. Ср. также:

«Отныне если в школе остается не более 30 детей, ее можно „оптимизировать“: либо сделать филиалом более крупного учреждения, либо вообще закрыть. Оба варианта одинаково губельны.

История с оптимизацией накалялась два последних года.

А в прошлом году оптимизацию решили вывести на новый уровень. <...> *В одном помещении сидят ученики 5-х, 6-х и 9-х классов и обучаются английскому языку. Возможно, следующим шагом станет преподавание им одновременно химии, истории и физкультуры одним учителем-универсалом.*

*Почти за каждой „оптимизацией“ кипят такие же страсти, как в Батурино... <...> Сокращение налоговых поступлений, рост безработицы и криминала? Не дешевле ли было сохранить школу...»*¹².

То есть оптимизация образовательных учреждений – это не что иное, как сокращение их числа, закрытие школ, неправомерные объединения, от которых один вред. Слово «оптимизация» в представлении огромного числа людей стало восприниматься как «губель», «катастрофа», «уничтожение», в лучшем случае – «сокращение чего-либо жизненно важного». Стал популярен яркий пейоратив – «оптимизаторы»: *Кто оптимизирует оптимизаторов?*

Не менее пагубной, чем для медицины и образования», оказалась «оптимизация» и в сфере науки. Ср. статью с названием «*Реформа науки: не пора ли остановиться?*», где автор пишет:

«Похоже, слово „оптимизация“ становится в нашей стране таким же бранным, как и „перестройка“.

*Российскую науку последние полтора года тоже нешуточно оптимизируют. <...> Но что-то же нужно делать, если есть горячее желание „пооптимизировать“. <...> И вдруг в одночасье была проведена скороспелая оптимизация, лишенная плана и стратегического видения, бессмысленная и беспощадная»*¹³.

Наконец, «оптимизация» коснулась и культурных учреждений, ср.:

*«Актер и депутат Дмитрий Певцов в письме мэру Сергею Собянину написал: „...одним из печальных подтверждений стал процесс оптимизации театров, запущенный в Москве именно сейчас! Это просто беда... В Москве объединяют совершенно разные театры каким-то квадратно-гнездовым способом...“ <...> Чиновники пока отмалчиваются. Что только подогревает разговорчики о том, что весь этот процесс похож на рейдерский захват дорогой недвижимостью и введение цензуры – меньшее количество театров легче контролировать»*¹⁴.

¹¹ Тоценко Ж. К чему ведет нескончаемая оптимизация образования? // Независимая газета. 2020, 27 января. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2020-01-27/9_7778_education.html (дата обращения: 16.05.2022).

¹² Антонов Ю. Школь на выдумки хитра // Аргументы недели. 2022. № 14. С. 6.

¹³ Иванов А. Реформа науки: не пора ли остановиться? // Аргументы недели. 2022. № 16. С. 16.

¹⁴ Балуева А., Перанов О. Московские кулисы режут по живому // Собеседник. 2022. № 14. С. 18.

Важно подчеркнуть, что изменение прагматики (а вместе с тем и семантического содержания) слова «оптимизация», которое произошло исключительно под влиянием экстралингвистических социальных факторов, привело к формированию именно энантиосемии, поскольку позитивный контекст остался в принципе возможен. Ср. заголовок «*Оптимизируем домашнюю аптечку*»¹⁵. В статье речь идет о том, что лучше отказаться от популярных препаратов, эффективность которых не доказана (иммуномодуляторы, гепатопротекторы и проч.), и не держать их в домашних аптечках.

Дискредитированное в медийном дискурсе (где обсуждается тема реформ в медицине, образовании, науке и культуре), оно остается востребованным в иных стилях и жанрах, ср.: оптимизация – ‘процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений’ (например, оптимизация производственных процессов и производства); SEO-оптимизация – ‘поисковое продвижение сайта’ и т. п. То есть пейоративность, по нашим наблюдениям, присуща термину «оптимизация» только применительно к указанным сферам.

Заключение

Представление об энантиосемии как о редком, окказиональном явлении уступило место пониманию его масштабности и значимости для развития семантики всех значимых единиц языка. Это, прежде всего, распространенный как в синхронии, так и в диахронии когнитивный механизм формирования новых значений и новой прагматики слова. На примере социально-политических терминов обобщенного значения типа «реформа» и «оптимизация» хорошо понятно, под влиянием каких обстоятельств может измениться прагматика этимологического мелиоратива. Важным критерием изменений оказывается рефлексия авторов медийных сообщений по поводу не только понятия, но и самого термина (в этом смысле показательны оценки, пусть и неточные с лингвистической точки зрения, типа *бранное, нецензурное, ругательное*). Семантика же термина «оптимизация» в отмеченных сферах поляризовалась относительно исходной: слово стало обозначать не ‘улучшение’, а ‘ухудшение’, ‘уничтожение’, ‘слом’, ‘развал’, даже ‘катастрофу’, что позволяет говорить о формировании энантиосемии. С одной стороны, это именно прагматическая энантисемия, поскольку она сформирована изменением аксиологии, а, с другой стороны, прагматика, как известно, неотделима от семантики, переплетены теснейшим образом когнитивные и прагматические аспекты языкового знака. Значение слова связано с экстралингвистическими факторами, с внеязыковой действительностью и обращено к обсуждающим эту действительность людям. На примере термина «оптимизация» становится понятно, как оценка, свободно творимая говорящими в процессе речи, превращается в оценку лексикализованную и грамматикализованную, то есть непосредственно встроенную в содержание слова.

¹⁵ Оптимизируем домашнюю аптечку // Комсомольская правда. 2022, 13 апреля. С. 11.

Список литературы

- Авдеева М.Д., Ярославцева Е.Ф., Гараева М.В. Лексическая энантиосемия как языковой аспект категории контрарности (на материале германских и славянских языковых групп) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 226–232. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.44>
- Бродский М.Ю. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте: на материале современного английского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 22 с.
- Кравцова В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
- Литвинова Е.А. К вопросу о продуктивности энантиосемии (на материале русского и английского языков) // *Lingua mobilis*. 2012. Т. 35. № 2. С. 148–158.
- Махмутова Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 24 с.
- Огнева С.В. Об источниках энантиосемии (на материале английского языка) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Международной научной конференции (Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 85–89.
- Острикова Г.Н. Энантиосемия равноуровневых единиц немецкого языка: структурно-семантический, функциональный и типологический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д., 2014. 32 с.
- Романчук Ю.В. Энантиосемия и смежные явления языка // *Universum: филология и искусствоведение*. 2019. № 11 (68). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/8220> (дата обращения: 07.05.2022).

References

- Avdeeva, M.D., Yaroslavtseva, E.F., & Garaeva, M.V. (2019). Lexical enantiosemy as a linguistic aspect of the category of contrarity (based on the material of Germanic and Slavic language groups). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12(8), 226–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.44>
- Brodsky, M.Y. (1998). *Lexical enantiosemy in a comparative aspect: On the material of modern English and French languages*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Yekaterinburg. (In Russ.)
- Kravtsova, V.Yu. (2006). *Enantiosemy of lexical and phraseological units: Language and speech*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Volgograd. (In Russ.)
- Litvinova, E.A. (2012). On the question of the productivity of enantiosemy (based on the material of the Russian and English languages). *Lingua Mobilis*, 35(2), 148–158. (In Russ.)
- Makhmutova, L.R. (2009). *The main types of enantiosemy in modern Russian*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Kazan. (In Russ.)
- Ogneva, S.V. (2016). About the sources of enantiosemy (based on the material of the English language). *Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of IV International Scientific Conference (Moscow, June 2016)* (pp. 85–89). Moscow: Buki-Vedi Publ. (In Russ.)
- Ostrikova, G.N. (2014). *Enantiosemy of multilevel units of the German language: Structural-semantic, functional and typological aspects*. Abstract of Dr. Philol. Sci. Dis. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Romanchuk, Yu.V. (2019). Enantiosemy and related phenomena of language. *Universum: Philology and Art Criticism*, 68(11). (In Russ.) Retrieved May 7, 2022, from <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/8220>

Сведения об авторе:

Куликова Элла Германовна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов; заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0002-5305-8789. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Bio note:

Ella G. Kulikova, Professor, Doctor of Philology, Professor of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Head of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0002-5305-8789. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-567-572
УДК 316.776.33

Научная статья / Research article

Позиционирование как дискурсивная стратегия

А.А. Осокин¹, Х. Цзинь²

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

²Сианьский международный университет,
Китайская Народная Республика, 710077, Сиань, ул. Юйдоу, д. 18

 osokincontact@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка с точки зрения медиакоммуникационного подхода (основанного на теории филологии и теории коммуникации) определить связь между позиционированием и дискурсом. Предметом исследования выступает позиционирование как дискурсивная стратегия. Используется комплекс методов: синтез, сопоставительный анализ, интерпретативный анализ. С одной стороны, изучение позиционирования как дискурсивной практики предполагает анализ дискурса; с другой стороны, обозначение позиционирования как дискурсивной стратегии фокусируется на инструментах достижения цели (коммуникативных ходах, используемых во время позиционирования). Предлагается теоретическое обоснование позиционирования как дискурсивной стратегии, в основе которой заложен дискурс – речь, «погруженная в жизнь» (термин Н.Д. Арутюновой), выступающая, согласно авторской интерпретации, в роли средства коммуникации. Делается вывод, что позиционирование одновременно представляет собой коммуникативное воздействие, направленное на сознание принимающей стороны, и манипулятивное явление, реализация которого происходит посредством влияния на связи, имеющиеся в сознании индивида. В свою очередь актер, оперирующий позиционированием, способен достичь множества поставленных целей в ходе реализации коммуникативного акта.

Ключевые слова: позиционирование, дискурс, дискурсивная стратегия, коммуникация, воздействие, продвижение

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 мая 2022 г.; откорректирована 20 июня 2022 г.; принята к публикации 30 июня 2022 г.

Для цитирования: Осокин А.А., Цзинь Х. Позиционирование как дискурсивная стратегия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 567–572. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-567-572>

Positioning as a discursive strategy

Artem A. Osokin¹ , Han Jin²

¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

²*Xi'an International University,
18 Yudou St, 710077, Xi'an, People's Republic of China*

 osokincontact@gmail.com

Abstract. This authors attempt to determine the relationship between positioning and discourse from the standpoint of the media communication approach (based on the theory of philology and the theory of communication). The subject of the research is positioning as a discursive strategy. The work uses a set of methods: synthesis, comparative analysis, interpretive analysis. On the one hand, the study of positioning as a discursive practice involves an analysis of discourse; on the other hand, the designation of positioning as a discursive strategy focuses on the tools of achievement (the communicative moves used during positioning). A theoretical substantiation of positioning as a discursive strategy is proposed, which is based on discourse – speech, “immersed in life” (term by N.D. Arutyunova), which, according to the author's interpretation, acts as a means of communication. It is concluded that positioning is both a communicative influence directed at the consciousness of the receiving party and a manipulative phenomenon, the realization of which occurs through the influence on the connections existing in the consciousness of the individual. In turn, the actor operating with positioning is able to achieve many goals in the course of the implementation of the communicative act.

Keywords: positioning, discourse, discursive strategy, communication, impact, promotion

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 25, 2022; revised June 20, 2022; accepted June 30, 2022.

For citation: Osokin, A.A., & Jin, H. (2022). Positioning as a discursive strategy. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 567–572. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-567-572>

Введение

Использование позиционирования как междисциплинарного термина в разных областях человеческого знания (в маркетинге, массовых коммуникациях, в том числе связях с общественностью, а также политических коммуникациях) для описания особого процесса влияния на сознание индивида позволяет ученым разобраться в его природе и особенностях, которые способствуют адаптации этого изначально маркетингового инструмента в новых для него сферах применения (Волкова, Ашур, 2021; Muzykant et al., 2021). В связи с тем, что большое количество общепринятых практик, свойственных вышеописанным областям, носят дискурсивный характер, анализировать факты использования технологий позиционирования практически во всех доминирующих дискурсах современности можно также с точки зрения медиакоммуникационного подхода (основанного на теории филологии и теории коммуникации). Иными словами, позиционирование, описанное Дж. Траутом и Э. Райсом как коммуникативное воздействие на сознание принимающей

стороны для достижения цели (Траут, Райс, 2001), позволяет рассматривать этот процесс с позиций языка или дискурса – «речи, погруженной в жизнь» (Арутюнова, 1998, с. 136). Подобный подход к анализу данного процесса вызывает определенные вопросы, продиктованные особенностями, которые включают в себя как дискурс, так и позиционирование. Таким образом, учитывая дискурсивную природу позиционирования, вытекающую из приведенного определения данного понятия, и сам дискурс как событие в коммуникации (Алгави и др., 2019; Kozhemyakin, 2021), мы предполагаем, что позиционирование можно рассматривать в качестве дискурсивной стратегии – некоего плана, который приводится в действие в процессе позиционирования и реализуется посредством дискурса.

Методология исследования

Предметом исследования является позиционирование как дискурсивная стратегия. Применяется медиакоммуникационный подход с использованием комплекса методов: синтеза, сопоставительного и интерпретативного анализа. Подобная исследовательская рамка позволяет определить общие и особенные характеристики дискурса и позиционирования, а также дифференцировать категории дискурсивной практики и дискурсивной стратегии.

Теоретическое обоснование

В середине XX в. французский лингвист Э. Бенвенист изменил значение слова *discourse*, сделав его термином, который позволил разграничить речь в целом (определение дискурса в лингвистике до данного исследования) и субъектную речь – того, кто говорит (Бенвенист, 1974). Изучение дискурса как явления впоследствии сделало возможным уточнить определение автора и ввести в научную область филологического знания общепринятую дефиницию, описывающую дискурс как речь, «погруженную в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Именно эта особенность речи, которая в настоящее время именуется в научном сообществе термином «дискурс», позволила дифференцировать его с термином «текст». Подобную необходимость Н.Д. Арутюнова объясняет тем, что «термин „дискурс“, в отличие от термина „текст“, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» (Арутюнова, 1998, с. 136–137). Исходя из того, что дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», мы хотим рассмотреть позиционирование как процесс, который, согласно нашей исследовательской позиции, тоже «погружен в жизнь».

Считается, что позиционирование представляет собой маркетинговый процесс, необходимый для того, чтобы создать в сознании принимающей стороны положительный образ того или иного продукта продвижения. Однако, согласно исследованиям Дж. Траута и Э. Райса, позиционирование – это не просто процесс продвижения, а настоящее коммуникативное воздействие, направленное на сознание принимающей стороны, и манипулятивное явление, реализация которого происходит при помощи влияния на связи, имеющиеся в сознании индивида. Рассматривая позиционирование с данной точки зрения,

мы предполагаем, что позиционирование, как и дискурс, «погружено в жизнь». Подобный тезис находит свое подтверждение в интерпретации Дж. Траута и Э. Райса, по мнению которых «основной принцип позиционирования состоит не в том, чтобы создавать нечто новое и отличное от других, а в манипулировании тем, что уже живет в умах потребителей, использовать уже имеющиеся связи» (Траут, Райс, 2001, с. 9). Таким образом, мы понимаем, что «погруженность в жизнь» важна не только для дискурса, но и для позиционирования.

Когнитивная основа позиционирования, изложенная Дж. Траутом и Э. Райсом, позволяет нам рассмотреть данный процесс с точки зрения медиакоммуникационного подхода. В данном контексте позиционирование представляет собой базовую дискурсивную стратегию. Объяснение этому заложено в теории критического дискурс-анализа Л.Дж. Филлипса и М.В. Йоргенсена, в рамках которой авторы заявляют, что «позиционирование можно исследовать на уровне дискурсивной практики в терминах взаимоотношений между различными дискурсами, конструирующими особые объяснения мира и идентичностей» (Филлипс, Йоргенсен, 2002, с. 247). Дискурсивная практика – это речевая деятельность, реализующаяся согласно требованиям конкретного типа дискурса, а стратегия – это план, который осуществляется при помощи дискурса. Таким образом, рассматривая позиционирование как дискурсивную практику, мы должны изучать этот процесс, исходя из типа дискурса. В случае с анализом позиционирования как дискурсивной стратегии необходимо обращать внимание на то, каким образом была достигнута цель – коммуникативные ходы, используемые во время позиционирования (Ефанов, 2021; Yefanov, Tomin, 2022), что является приоритетным в рамках настоящего исследования.

Однако для обоснования позиционирования как дискурсивной стратегии стоит определить, можно ли считать речевое событие, которым является коммуникативный акт, дискурсом. Для этого следует обратиться к модели речевой коммуникации, предложенной Р.О. Якобсоном, согласно которой «язык следует изучать во всем разнообразии его функций. <...> Чтобы описать эти функции; следует указать, из каких основных компонентов состоит любое речевое событие, любой акт речевого общения. Адресант (*addresser*) посылает сообщение адресату (*addressee*). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст (*context*) <...>; контекст должен восприниматься адресатом и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (*code*), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата, <...> и, наконец, контакт (*contact*) – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» (Якобсон, 1975, с. 197–198). Исходя из того, что дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», для него характерны наличие адресанта и адресата, текст плюс контекст, а также код, позволяющий его декодировать принимающей стороне, и канал передачи. В этой связи считаем важным резюмировать, что речевое событие, описанное Р.О. Якобсоном, представляет собой дискурс, выступающий в роли средства коммуникации.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что позиционирование одновременно представляет собой коммуникативное воздействие, направленное на сознание принимающей стороны, и манипулятивное явление, реализация которого происходит при помощи влияния на связи, имеющиеся в сознании индивида. Таким образом, позиционирование правомочно рассматривать в качестве дискурсивной стратегии, в основе которой заложен дискурс – речь, выступающая в роли средства коммуникации. Как следствие, актер, обращаясь к позиционированию как инструменту для достижения цели, способен добиться ее в результате реализации коммуникативного акта. Предпринятая попытка охарактеризовать позиционирование как дискурсивную стратегию позволяет рассматривать этот первоначально маркетинговый инструмент с новых медиакоммуникационных позиций (с использованием соответствующего подхода), а также обратить внимание на его практическое применение в медиаиндустрии.

Список литературы

- Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Особенности нарратива «Дело Скрипалей» в телепрограмме «Вести недели»: анализ сюжетной схемы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 3. С. 62–83. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.6283>
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Волкова И.И., Аишур Х.Ю.Д. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 39–50. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)
- Ефанов А.А. Общество во власти медиапроцессов. М.: ИНФРА-М, 2021. 189 с.
- Траут Дж., Райс Э. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб.: Питер, 2001. 256 с.
- Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 5–11.
- Kozhemyakin E. Mediatized home: Using semiotic repertoires in online workplace communications // Communication Today. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 58–66.
- Muzykant V.L., Muqsith V.A., Burdovskaya E.Y., Palagina I.V., Barabash V.V., Volkova I.I. Contemporary transportation applications as new forms of social construction technology // WorldS4 2021: Proceedings of the 2021 5th World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability. London: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2021. Pp. 6–11. <http://doi.org/10.1109/WorldS451998.2021.9514063>
- Yefanov A., Tomin V. The significance of protest mood in forming a developed civil society in Russia // Russian Politics. 2022. Vol. 7. No. 1. Pp. 147–165. <http://doi.org/10.30965/24518921-00604015>

References

- Algavi, L.O., Volkova, I.I., Kadyrova, Sh.N., & Rastorgueva, N.E. (2019). Features of the narrative “The Case of the Skripals” in the TV program “Vesti Nedeli.” Analysis of the

- plot scheme. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 62–83. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.6283>
- Arutyunova, N.D. (1998). Discourse. *Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary* (pp. 136–137). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ. (In Russ.)
- Benvenist, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Kozhemyakin, E. (2021). Mediatized home: Using semiotic repertoires in online workplace communications. *Communication Today*, 12(2), 58–66.
- Muzykant, V.L., Muqsith, V.A., Burdovskaya, E.Y., Palagina, I.V., Barabash, V.V., & Volkova, I.I. (2021). Contemporary transportation applications as new forms of social construction technology. *WorldS4: 2021 Proceedings of the 2021 5th World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability* (pp. 6–11). London: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. <http://doi.org/10.1109/WorldS451998.2021.9514063>
- Phillips, L.J., & Jorgensen, M.V. (2008). *Discourse analysis. Theory and Method*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentri Publ. (In Russ.)
- Trout, J., & Rice, E. (2001). *Positioning: The battle for recognition*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Ashur, H.Yu.D. (2021). The media image of Jordan in the Runet Internet media: Peculiarities of “non-personification.” *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1), 39–50. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)
- Yakobson, R.O. (1975). Linguistics and poetics. *Structuralism: “For” and “Against”* (pp. 5–11). Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Yefanov, A., & Tomin, V. (2022). The significance of protest mood in forming a developed civil society in Russia. *Russian Politics*, 7(1), 147–165. <http://doi.org/10.30965/24518921-00604015>
- Yefanov, A.A. (2021). *Society at the mercy of media processes*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Осокин Артем Алексеевич, соискатель кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-1625-2355. E-mail: osokincontact@gmail.com

Цзинь Хань, преподаватель, факультет журналистики и коммуникации, Сианьский международный университет. ORCID: 0000-0001-8001-7029. E-mail: jin.han2017@yandex.ru

Bio notes:

Artem A. Osokin, applicant of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-1625-2355. E-mail: osokincontact@gmail.com

Han Jin, Assistant Professor of the Faculty of Journalism and Communication, Xi'an International University. ORCID: 0000-0001-8001-7029. E-mail: jin.han2017@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-573-589

УДК 654.197.001.33

Научная статья / Research article

Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения

Ю.И. Долгова¹, Н.О. Ершов¹, Т.Т.З. Чан²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

 YIDolgova@gmail.com

Аннотация. Высококонкурентная цифровая среда обуславливает необходимость изучения контент-стратегий телеканалов, которые продолжают привлекать к экранам массовую аудиторию. На основе программной сетки телеканалов СТС, ТНТ и «Пятница» выявлена жанрово-форматная специфика современного ТВ. Проанализированы востребованные для программирования форматы, показана сезонная (с августа по декабрь 2021 г.) и недельная динамика контент-стратегий (вторник, пятница, воскресенье). Составлен список развлекательных телеформатов, создана матрица исследования на базе изучения теоретических источников и пилотного исследования. Анализ показал, что выбранные телеканалы имеют разные контент-стратегии. Телеканалы, дольше существующие на рынке и на сегодняшний день более успешные, выстраивают контент-стратегию, обращаясь преимущественно к форматам нежурналистского контента, в первую очередь телевизионным фильмам и сериалам. Среди журналистских развлекательных программ востребованными оказались юмористические шоу, тревел- и реалити-шоу. Отмечено, что контент-стратегии всех изученных телевизионных каналов в будние дни, пятницу и воскресенье отличались.

Ключевые слова: исследование телевидения, российское телевидение, развлекательное телевидение, жанры телевидения, форматы телевидения, контент-стратегия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 мая 2022 г.; откорректирована 2 июня 2022 г.; принята к публикации 30 июня 2022 г.

Для цитирования: Долгова Ю.И., Ершов Н.О., Чан Т.Т.З. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 573–589. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-573-589>

Genre-format features of modern entertainment television

Yulia I. Dolgova¹, Nikita O. Ershov¹, Tran Thi Thuy Dung²

¹*Lomonosov Moscow State University,*

9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),*

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

 YIDolgova@gmail.com

Abstract. The highly competitive digital environment makes it necessary to study the content strategies of TV channels that continue to attract a mass audience to the screens. In the example of the program grid of the STS, TNT, and Pyatnitsa TV channels, the genre and format features of entertainment TV were analyzed. The formats in demand for programming are identified, and the seasonal (from August to December 2021) and weekly dynamics of content strategies (Tuesday, Friday, and Sunday) are shown. The list of entertainment television formats was compiled, and the research matrix was created based on the study of theoretical sources and a pilot study. The analysis showed that the selected TV channels have different content strategies. However, more successful TV channels that have been on the market for longer are building their content strategy, turning mainly to non-journalistic content formats, primarily television films and series. Among journalistic entertainment programs, humorous shows, travel shows, and reality shows were in demand. The content strategies of all TV channels on weekdays, Fridays, and Sundays were different.

Keywords: television research, Russian television, entertainment television, genres of television, TV formats, content strategy

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 30, 2022; revised June 2, 2022; accepted June 30, 2022.

For citation: Dolgova, Yu.I., Ershov, N.O., & Dung, T.T.T. (2022). Genre-format features of modern entertainment television. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 573–589. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-573-589>

Введение

В конце XX – начале XXI в. в эфире российских телеканалов увеличилось количество развлекательных телепрограмм. Развитию и становлению нового медиаландшафта способствовали факторы, в основе которых экономические принципы (Фукс, 2021). Среди процессов, обусловивших усиление рекреативной функции современных СМИ, были не только экономические, но и социальные. «В начале 2000-х гг. России – как ранее и другим странам мира – пришлось признать очевидное, а именно: современные СМИ все меньше ориентируются на общественный и все больше на частный интерес» (Вартанова, Смирнов, 2009, с. 13).

Советскому телевидению развлекательный контент был присущ в меньшей степени. При этом редкие социологические исследования того периода показывали, что зрители с большим интересом смотрели развлекательные программы, а самыми популярными из них были художественные фильмы и

КВН (Фирсов, 1971, с. 126). Начиная с 1980-х гг. российское развлекательное телевидение развивалось динамично: существенно увеличилось количество программ, выполняющих рекреативную функцию в программной сетке, расширился спектр форматов, к которым обращались продюсеры. В 1993 г. был запущен первый частный федеральный телевизионный канал, позиционирующий себя как развлекательный, – «ТВ-6 Москва» (Телевизионная журналистика, 2021). Позже ему на смену пришли лидеры современного развлекательного телевизионного вещания – телеканалы СТС и ТНТ. Просмотр развлекательных программ по телевизору стал одним из наиболее доступных способов проведения досуга и получения удовольствия (Российское телевидение..., 2010, с. 10). Сложно спорить с тем, что развлекательные программы не только привлекают широкую аудиторию, но и сами оказывают значительное влияние на поведение (особенно среди молодежной аудитории). Один из самых популярных телевизионных форматов – телевизионные сериалы – распространяют важную информацию о человеческих отношениях и ценностях (Челик, Дерен, 2021).

Конкуренция между развлекательными телеканалами достаточно острая, этот сегмент телевещания развивается, ежегодно появляются новые программы и каналы, быстро занимающие стабильное место в современной российской телесистеме. Например, в январе 2018 г. был запущен телеканал «Супер» (в настоящий момент «Суббота»), сегодня он на 30–31 месте по среднесуточным показателям¹.

Актуальность исследования связана с изменяющейся под воздействием цифровизации медиасредой (Волкова, 2019; Экосистема медиа..., 2021; Lotz, 2014). Легкий и зрелищный контент в большом объеме транслируют неинституционализированные медиа (Макеенко, Вырковский, 2021). Развитие интернет-СМИ провоцирует рост конкурентности телепространства, актуализирует роль успешных контент-стратегий. Выбор контента для программной сетки является важным этапом телевизионного программирования (Eastman, Ferguson, 2013), а эффективная программная стратегия обеспечивает рост аудитории в долгосрочной перспективе. Таким образом, изучение жанрово-форматных особенностей успешных развлекательных телеканалов является актуальной задачей и для научного анализа, и для практической разработки методов программирования и продюсирования.

Развлекательное ТВ: популярное, но недостаточно изученное

Контент-стратегии ведущих российских телеканалов на сегодняшний день являются важным и хорошо изученным исследовательским полем (Долгова и др., 2019, 2021), однако специфика контента и его расстановка в сетке вещания, жанрово-форматные особенности развлекательных каналов – вопросы, которые в последнее время практически не затрагивались исследователями. Большинство приводимых далее работ написаны в конце нулевых,

---

¹ См.: Mediascope. URL: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 20.04.2022).

начале 2010-х гг. Кроме того, даже в тот период не удалось выработать системного подхода, в рамках которого рассматривался бы спектр жанров и форматов развлекательного телевидения.

Следует выделить исследование А.А. Новиковой, направленное на анализ различных типов развлекательных телевизионных программ в исторической ретроспективе (Новикова, 2008). Рассмотрены генетические истоки современных зрелищ, специфика некоторых популярных форматов, тенденция к развлекательности в контексте журналистских произведений. Анализировала и систематизировала современное телевидение с точки зрения феномена игры И.И. Волкова, затрагивая разные форматы развлекательного ТВ, относящиеся к данной теме (2014, 2015). Предпринял попытку систематизировать жанровую структуру российского развлекательного ТВ С.Н. Акинфиев, он пытался изучить специфику данного вида вещания, обращаясь к исследованию развлекательного контента 1990–2000-х гг. (2008). С точки зрения сложившихся жанровых классификаций изучал развлекательные программы С.Н. Ильченко. Он обращал внимание на трансформацию жанрово-форматной структуры развлекательного контента, обусловленную процессами глобализации и цифровизации (2012). Выделены новые типологические группы развлекательного контента современного ТВ, среди которых музыкальные, игровые и юмористические программы (2012, с. 84). В процессе исследования развлекательных форматов Р.В. Удовиченко предложил рассматривать развлекательное телевидение с точки зрения функций и семантики (Удовиченко, 2011, с. 47). Указанные авторы предлагали собственные классификации развлекательного контента, выделяя особенности каждого типа программ, однако ни один из них не обращался к анализу практики программирования развлекательных передач популярными российскими специализированными телеканалами, исследованию форматов, наиболее часто используемых в эфире. Ближе всех к изучению этого вопроса подошла В.С. Могилевская. В работе «Трансформация программной стратегии нишевого развлекательного телеканала в условиях конкурентной медиасреды (на примере СТС и ТНТ)» она выявила основные изменения в программных стратегиях телеканалов СТС и ТНТ (2021). Однако исследователь акцентировала внимание именно на приемах расстановки передач в сетке вещания, а также изучении видов программ в соответствии с классификатором Г.В. Кузнецова (2004), не пытаясь выделить приоритетные форматы, используемые при программировании.

В западной литературе много внимания уделяется нежурналистским развлекательным жанрам на телеэкране, в США, например, исследование телевидения было в значительной степени направлено на анализ и систематизацию продукции Голливуда (Casey et al., 2002; Kaminski, Mahan, 1985; Mittel, 2004). Полная классификация журналистских жанров развлекательного телевизионного вещания в западной литературе отсутствует. Например, G. Greeber среди развлекательных жанров выделяет популистские дебаты, ток-шоу с участием знаменитостей, шоу-викторины, исповедальные ток-шоу (2015), отдельно уделяет внимание реалити-шоу. Исследование развлекательных телевизионных форматов на западном телевидении нельзя в полной мере использовать для изучения российской телевизионной практики вследствие

разного исторического и институционального контекста, однако существующие работы по жанрам и форматам развлекательного ТВ использовались для составления кодификатора исследования.

Классификация контента

Важной частью работы стала теоретизация развлекательного контента, выделение наиболее востребованных жанров и форматов. Можно обозначить две основные проблемы данного этапа исследования. Первая связана с тем, что указанные выше авторы предлагали собственные классификации развлекательного контента, исходя из тех целей и задач, которые они ставили. Например, Ильченко описывал разветвленную классификацию развлекательного контента, в основе которой лежали три типологические группы программ: музыкальные, игровые, юмористические. Причем к игровым передачам относились и реалити-шоу. И.И. Волкова акцентировала внимание только на игровых программах, но в фокус ее исследования также попадали и юмористические передачи (2015). Р.В. Удовиченко классифицировал развлекательный контент согласно ключевой функции: автор выделял развлекательные передачи образа жизни, развлекательные передачи (юмор), юмористические передачи, игры-викторины, а также развлекательные передачи, в которые были интегрированы другие виды аудиовизуального продукта. С.Н. Акинфиев среди развлекательных передач предлагал выделять шоу, реалити-шоу, телеигры и развлекательные ток-шоу.

Вторая проблема заключалась в том, что авторы не только предлагали разные классификации, но и относили одни и те же передачи к различным категориям. Например, С.Н. Акинфеев определял проект Comedy Club как шоу, а С.Н. Ильченко как формат юмористического ток-шоу. Существует необходимость фиксации и анализа актуальной практики программирования популярных развлекательных телевизионных каналов, концептуализации жанрово-форматного своеобразия развлекательного контента.

На основе систематизации теоретических работ, а также пилотного исследования составлен список форматов, которые используются при программировании на изучаемых телевизионных каналах.

Реалити-шоу – сценарно организованное взаимодействие людей, которые в течение определенного промежутка времени находятся под видеонаблюдением: «Пацанки», «Адская кухня» (телеканал «Пятница»), «Мама Life», «Звезды в Африке» (ТНТ), «Колледж» (СТС).

Юмористический журнал – совокупность миниатюр или короткометражных фильмов, в которых принимают участие профессиональные актеры (Ильченко, 2012, с. 86): «Ералаш» (СТС).

Шоу в значении «яркое представление», «развлекательная программа» (Телевизионная журналистика, 2021: 143) – определенный набор сценических представлений и эстрадных номеров.

Сериал – совокупность телефильмов, непосредственно связанных главными героями, где на протяжении всего проекта развивается единая сюжетная линия (Акопов, 2015, с. 3).

Художественный фильм – телевизионный продукт, в основе вымышленный сюжет, представленный в сценарии и интерпретируемый режиссером, создается при помощи актеров или средств мультипликации.

Мультипликационный фильм – телепродукт, который производится мультипликаторами, использующими различные технологии и материалы.

Мультипликационный сериал – телепродукт, производимый мультипликаторами, совокупность фильмов, непосредственно связанных между собой группой главных героев и единой сюжетной линией.

Телевизионная игра – взаимодействие людей, которое основывается на соревновании, сражении и подчиняется заранее установленным правилам, цель – получить главный приз или признание: «Форт Боярд» (СТС), «Вундеркинды» (телеканал «Пятница»).

Конкурс – форма взаимодействия, которая направлена на выявление лучшего участника: «Новые танцы» (ТНТ).

Скетч-шоу – телепрограмма с определенным количеством коротких сценических номеров, как правило, юмористического характера, не связанных между собой сюжетной линией и главными героями: «6 кадров» (СТС).

Научно-популярное шоу – программы, цель которых популяризация и демонстрация достижений науки и техники. Как правило, главные функции подобных проектов – образовательная и развлекательная: «Умный дом» (телеканал «Пятница»).

Новости (на телеканале «Пятница») – программа, в которой рассказывается о главных неполитических событиях, интересных публике, например из мира шоу-бизнеса.

Документальный фильм – телепродукт, в основе которого рассказ о реальных людях, событиях, явлениях природы и животного мира.

Жанр «шоу» занимает знаковое место в эфире изучаемых телеканалов, при этом шоу-проекты в значительной степени отличаются друг от друга. В связи с этим авторами особо выделены следующие виды:

Музыкальное шоу – программы, суть которых в выступлении артистов и исполнении ими своих песен или композиций других авторов.

Юмористическое шоу – программы, основанные на выступлении юмористов, исполняющих миниатюры (Акинфиев, 2008: 122): «Уральские пельмени» (СТС), «Однажды в России», «Игра» (ТНТ).

Кулинарное шоу – программы, в которых демонстрируется процесс приготовления еды: «ПроСТО кухня» (СТС), «Бузова на кухне» (ТНТ).

Мэйквер-шоу – программы, где цель – преобразование, изменение стиля участницы проекта: «Перезагрузка» (ТНТ), «Рогов в деле» (СТС).

Тревел-шоу – программы с рассказами о разных странах и городах, авторы и ведущие сами являются путешественниками.

Методология исследования

Изучены российские круглосуточные телеканалы первого и второго мультиплекса, определено, какие из них преимущественно транслировали контент развлекательного сегмента. Для исследования были выбраны три наиболее динамично развивающихся развлекательных телеканала: СТС, ТНТ и «Пят-

ница». Согласно отраслевому докладу «Телевидение в России в 2020 году. Состояние тенденции и перспективы развития» (Вартанова, Коломиец, 2021, с. 37), доля аудитории развлекательных телеканалов в категории «4+» была следующей: СТС – среднесуточный показатель 5,3 % (6 место среди всех российских телевизионных каналов), канал ТНТ – 4 % (9 место среди всех телеканалов), канал «Пятница» – 2,2 % (13 место). В аудитории 18–54 лет в некоторые недели 2022 г. телеканалы занимали последовательно 6, 7 и 9 места, пропуская вперед только универсальных вещателей². При выборе телеканалов существовали сомнения о возможном включении в выборку телеканала «Домашний», который на некоторых неделях по среднесуточной доле опережал даже СТС. Тем не менее окончательный выбор был сделан в пользу двух старейших развлекательных телеканалов России: СТС и ТНТ, а также телеканала «Пятница» (канал имеет значительное количество развлекательных журналистских проектов). В эмпирическую базу включены телеканалы, ориентирующиеся на более молодую аудиторию, а именно в этом аудиторном сегменте наиболее остра конкуренция с аудиовизуальным пространством интернета.

СТС начал вещание в 1996 г., с декабря 2012 г. телеканал входит во второй мультиплекс цифрового ТВ, с 1 января 2013 г. СТС выбрал своей целевой аудиторией зрителей 10–45 лет. ТНТ создан в 1998 г., с 2012 г. входит во второй мультиплекс, целевая аудитория – зрители 14–44 лет. Канал «Пятница» создан в 2013 г., входит во второй мультиплекс, целевая аудитория – зрители 14–44 лет.

Проведен мониторинг эфира в осеннем сезоне 2021 г. в период с августа по декабрь. Цель – определить, сколько часов в сутки каждый из телеканалов транслировал выделенные виды программ. Для этого был классифицирован весь контент в соответствии с жанрово-форматным кодификатором. Не учитывалась реклама как самостоятельная единица телеэфира. Время внутрипрограммных и межпрограммных рекламных блоков было включено в хронометраж программ телеканалов.

В процессе разработки методологии сформулированы следующие гипотезы:

1. *Телевизионные сериалы – ведущий формат на всех развлекательных телеканалах.*

2. *На самом молодом телевизионном канале «Пятница» спектр развлекательных форматов значительно шире, чем на имеющих более длинную историю телеканалах СТС и ТНТ.*

Телеканал СТС: телеканал художественного кино

В изучаемый период на телеканале СТС было обнаружено десять из выделенных форматов. Телеканал СТС можно определить как телеканал художественных фильмов, данный вид контента преобладал практически во все выделенные дни недели (табл. 1). Чуть меньше с понедельника по четверг

² Mediascope. URL: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 20.04.2022).

показывали телевизионные сериалы. По пятницам вторым по популярности форматом с сентября по декабрь оказалось юмористическое шоу. По воскресеньям, помимо фильмов, востребованными для программирования были мультфильмы, мультсериалы, а также скетч-шоу и телевизионные игры.

Учитывая достаточно длинный временной промежуток, выбранный для анализа, была возможность проследить изменение программной сетки в течение сезона. В августе во все дни недели на телеканале СТС оказались максимально востребованы художественно-игровые форматы: фильмы, сериалы, мультфильмы и мультсериалы. Причем, если в воскресенье безусловными лидерами эфира были художественные фильмы, то во вторник телесериальный продукт лишь в незначительной степени уступил место кинофильмам.

В сентябре на телеканале увеличилось количество скетч-шоу, удельный показатель данного вида продукта был выше всего в сентябре, в течение оставшегося сезона он сохранялся около 7–9 %, что примерно в два раза выше, чем в августе. Юмористический журнал, мейквер-шоу и научно-популярное шоу присутствовали в программной сетке, но не являлись популярными форматами на СТС.

В изучаемый период на телеканале показывалось много контента, рассчитанного на подростковую аудиторию, в эфире присутствовали мультфильмы и мультсериалы, причем продюсеры телеканала отдавали предпочтение именно многосерийным мультипликационным произведениям. В течение всего сезона (кроме августа) примерно 30–40 % эфирного времени в пятницу занимали юмористические шоу (например, шоу «Уральские пельмени» программировалось и в дневном тайм-слоте, и в прайм-тайм).

Таблица 1

Жанрово-форматные особенности телеканала СТС, август – декабрь 2021 г., %

Дата	Юмористический журнал	Юмористическое шоу	Мультсериалы	Телесериалы	Фильмы	Мультфильмы	Скетч-шоу	Телеигра	Мейквер-шоу	Научно-популярное шоу
10 августа (вт)	1,10		11,50	35,70	45,80		5,90			
13 августа (пт)	1,10	5,90	11,50	4,20	74,20		3,10			
15 августа (вс)	0,30	3,80	7,60	1,40	62,50	16,00	4,20		4,20	
14 сентября (вт)	1,10		7,30	27,00	53,20		11,40			
17 сентября (пт)	1,10	37,80	7,30	8,40	33,30		12,10			
19 сентября (вс)	0,70	4,50	7,30	4,20	65,00		18,30			
12 октября (вт)	1,10	0,70	9,30	41,30	37,50		10,10			
15 октября (пт)	1,10	38,90	9,30	12,50	28,50		9,70			
17 октября (вс)	0,30	6,60	9,70		62,80		8,00	8,40	4,20	
16 ноября (вт)	1,10	0,70	10,10	34,60	36,80		7,00	9,70		
19 ноября (пт)	1,10	34,70	10,10	4,20	46,80		3,10			
21 ноября (вс)	0,30	10,80	11,80		33,70	17,70	8,70	12,80	4,20	
14 декабря (вт)	0,30	4,50	13,50	22,30	48,60		8,00			2,80
17 декабря (пт)	0,30	33,00	9,30	4,20	41,70		7,60			3,90
19 декабря (вс)	0,30	8,70	9,30		29,20	41,70	6,60		4,20	

Table 1

Genre and format features of the STS channel, August – December 2021, %

Date	Humor magazines	Comedy TV shows	Animated series	TV shows	Movies	Cartoons	Sketch comedy shows	TV game shows	Makeover shows	Science TV shows
Tue Aug 10	1.10		11.50	35.70	45.80		5.90			
Fri Aug 13	1.10	5.90	11.50	4.20	74.20		3.10			
Sun Aug 15	0.30	3.80	7.60	1.40	62.50	16.00	4.20		4.20	
Tue Sept 14	1.10		7.30	27.00	53.20		11.40			
Fri Sept 17	1.10	37.80	7.30	8.40	33.30		12.10			
Sun Sept 19	0.70	4.50	7.30	4.20	65.00		18.30			
Tue Oct 12	1.10	0.70	9.30	41.30	37.50		10.10			
Fri Oct 15	1.10	38.90	9.30	12.50	28.50		9.70			
Sun Oct 17	0.30	6.60	9.70		62.80		8.00	8.40	4.20	
Tue Nov 16	1.10	0.70	10.10	34.60	36.80		7.00	9.70		
Fri Nov 19	1.10	34.70	10.10	4.20	46.80		3.10			
Sun Nov 21	0.30	10.80	11.80		33.70	17.70	8.70	12.80	4.20	
Tue Dec 14	0.30	4.50	13.50	22.30	48.60		8.00			2.80
Fri Dec 17	0.30	33.00	9.30	4.20	41.70		7.60			3.90
Sun Dec 19	0.30	8.70	9.30		29.20	41.70	6.60		4.20	

Некоторые новые проекты были запущены телеканалом в октябре и ноябре: «Полный Блэкаут» и «Суперлига» (конкурент юмористического шоу «Игра», выходявшего на ТНТ), новый сезон телеигры «Форт Боярд».

На СТС меньше всего часов отдано развлекательным журналистским проектам. Среди форматов, основанных на документально-художественных жанрах (Телевизионная журналистика, 2021), выделяется юмористическое шоу «Уральские пельмени», скетч-шоу «б кадров» и юмористический журнал «Ералаш». Во все дни, кроме пятницы, данные программы демонстрировались либо в утренние часы, либо в пост-прайм и поздней ночью. В ноябре появились новые проекты: «Суперлига» и «Полный блэкаут». Это не повлияло на общую картину: в программной верстке телеканала преобладали сериалы и полнометражные фильмы (нежурналистские форматы).

Юмористические шоу и телевизионные сериалы как основной вид контента на телеканале ТНТ

В изучаемый период на телеканале ТНТ найдено девять из выделенных форматов, однако большинство видов продукции имело незначительную удельную долю эфира (табл. 2). Это кулинарные шоу, новости, мейквер-шоу, музыкальные шоу (2–3 % эфирного времени). Программы в жанре «конкурс» занимали чуть больше времени (8,4 %), однако появлялись в эфире нерегулярно. Самые востребованные форматы – телесериалы и юмористические шоу. В течение пяти месяцев, особенно в будние дни, телесериалы были в эфире в утренние и дневные часы, а премьерные серии традиционно показы-

вали в 20 часов. В поздний прайм-тайм, в 21 и в 22 часа, телеканал ставил новые серии юмористических проектов («Импровизация», «Женский StandUp», Comedy Club). Пик востребованности формата юмористического шоу отмечен 19 ноября и 17 декабря 2021 г. (72,9 % эфирного времени). Реже всего юмористические шоу показывались в августе.

Таблица 2

Жанрово-форматные особенности телеканала TNT, август – декабрь 2021 г., %

Дата	Юмористическое шоу	Реалити-шоу	Теле-сериалы	Фильмы	Кулинарное шоу	Новости	Мэйквер-шоу	Конкурс	Музыкальное шоу
10 августа (вт)	29,1	8,4	62,5						
13 августа (пт)	64,2	5,9	27,5			2,4			
15 августа (вс)	37,5	2,1	50,3	8,0		2,1			
14 сентября (вт)	47,5	2,4	41,7					8,4	
17 сентября (пт)	68,1		29,5			2,4			
19 сентября (вс)	29,8	8,4	46,1	5,2			2,1	8,4	
12 октября (вт)	43,4	4,2	50,0		2,4				
15 октября (пт)	68,4		29,5			2,1			
17 октября (вс)	37,1	6,3	22,5	32,0			2,1		
16 ноября (вт)	40,3	4,2	45,8	7,3	2,4				
19 ноября (пт)	72,9		25,0			2,1			
21 ноября (вс)	34,0	6,3	31,3	24,2			2,1		2,1
14 декабря (вт)	40,2		41,7	7,3	2,4			8,4	
17 декабря (пт)	72,9		25,0			2,1			
19 декабря (вс)	36,8	12,5	9,4	39,2			2,1		

Table 2

Genre and format features of the TNT channel, August – December 2021, %

Date	Comedy TV shows	Reality TV shows	TV shows	Movies	Cooking shows	News TV shows	Makeover shows	Reality competition shows	Music TV shows
Tue Aug 10	29.1	8.4	62.5						
Fri Aug 13	64.2	5.9	27.5			2.4			
Sun Aug 15	37.5	2.1	50.3	8.0		2.1			
Tue Sept 14	47.5	2.4	41.7					8.4	
Fri Sept 17	68.1		29.5			2.4			
Sun Sept 19	29.8	8.4	46.1	5.2			2.1	8.4	
Tue Oct 12	43.4	4.2	50.0		2.4				
Fri Oct 15	68.4		29.5			2.1			
Sun Oct 17	37.1	6.3	22.5	32.0			2.1		
Tue Nov 16	40.3	4.2	45.8	7.3	2.4				
Fri Nov 19	72.9		25.0			2.1			
Sun Nov 21	34.0	6.3	31.3	24.2			2.1		2.1
Tue Dec 14	40.2		41.7	7.3	2.4			8.4	
Fri Dec 17	72.9		25.0			2.1			
Sun Dec 19	36.8	12.5	9.4	39.2			2.1		

Во вторник с сентября по декабрь юмористические шоу и телевизионные сериалы занимали примерно одинаковое место в программной сетке. В пятницу продюсеры отдавали предпочтения юмористическим шоу, в воскресенье наиболее востребованными оказались телесериалы, фильмы и юмористические шоу.

В течение сезона также можно наблюдать некоторые изменения в контент-стратегии телеканала. Например, доля сериалов в программной сетке будних дней августа выше. В октябре телеканал запустил юмористическое шоу «Игра», которое существовало недолго (перестало выходить с третьей недели ноября). Кроме того, в первой половине изучаемого периода в пост-прайм будних дней ТНТ транслировал юмористические проекты, а с ноября, с понедельника по четверг с 23:00, стали показываться полнометражные фильмы.

На телеканале малое разнообразие форматов телепродукта, преимущественно доминируют юмористические шоу (производство Comedy Club Production).

Развлекательный журналистский контент телеканала «Пятница»

Как и предполагалось, на телеканале «Пятница» можно увидеть самый широкий спектр развлекательных форматов (двенадцать видов), большая часть относится к журналистскому контенту. В отличие от СТС и ТНТ, художественно-игровые форматы не являются основными для данного телеканала (табл. 3): самой популярной формой экранных произведений оказались тревел- и реалити-шоу. Как и на ТНТ, на «Пятнице» большое количество передач, удельная доля которых в общей структуре эфира либо незначительна, либо проекты выходили нерегулярно. К ним можно отнести игры, кулинарные шоу, научно-популярные шоу, документальные фильмы, юмористические шоу, ток-шоу, шоу. Если новости транслировались на телеканале постоянно и занимали 2–3 % эфирного времени, то формат телеигры был отмечен два раза, кулинарное шоу – один раз.

Можно говорить о незначительной разнице между августом и осенью с точки зрения форматов, к которым обращалась программная дирекция. Тем не менее единожды, именно в воскресенье августа, в эмпирическую базу исследования попали документальные фильмы и юмористические шоу, что свидетельствует о случайных факторах, влияющих на летнюю программную политику.

Основным форматом будних дней оказались реалити-шоу, востребованы были тревел-шоу и телевизионные сериалы. Флагманскими проектами для канала стали реалити-шоу «Кондитер», «Пацанки» и «Адская кухня». В будние дни именно эти проекты были показаны в прайм-тайм. Также в течение пяти месяцев аудитории представили новые проекты, например реалити-шоу «Черный список». Ключевыми для канала остались тревел-шоу «Мир наизнанку» и «Орел и решка».

Таблица 3

Жанрово-форматные особенности телеканала «Пятница», август – декабрь 2021 г., %

Дата	Тревел-шоу	Реалити-шоу	Шоу	Теле-сериалы	Фильмы	Новости	Ток-шоу	Юмористическое шоу	Документальный фильм	Научно-популярное шоу	Кулинарное шоу	Телеигра
10 августа (вт)	31,20	50,00		16,00		2,80						
13 августа (пт)	70,10				27,10	2,80						
15 августа (вс)	20,80	37,50		8,40	7,60			4,80	16,70	4,20		
14 сентября (вт)	18,70	57,00		22,20		2,10						
17 сентября (пт)	39,60	9,00		22,20	27,10	2,10						
19 сентября (вс)	47,90	34,70	2,10		6,90		4,20				4,20	
12 октября (вт)	20,80	52,80		22,20		4,20						
15 октября (пт)	21,50	16,70		31,20	27,10	3,50						
17 октября (вс)	32,60	58,30	2,10		7,00							
16 ноября (вт)	17,40	43,70		21,50		7,00						10,40
19 ноября (пт)	18,75	32,65		21,50	22,20	4,90						
21 ноября (вс)	25,70	50,70	2,10	8,40	6,15	2,75				4,20		
14 декабря (вт)	19,40	37,40		27,60		4,20						11,80
17 декабря (пт)	15,30	27,70		22,90	30,60	3,50						
19 декабря (вс)	26,40	57,60			8,40	3,40				4,20		

Table 3

Genre and format features of the Pyatnitsa TV channel, August – December 2021, %

Date	Travel shows	Reality TV shows	Shows	TV shows	Movies	News TV shows	Talk shows	Comedy TV shows	Docu-mental films	Science TV shows	Cooking shows	TV game shows
Tue Aug 10	31.20	50.00		16.00		2.80						
Fri Aug 13	70.10				27.10	2.80						
Sun Aug 15	20.80	37.50		8.40	7.60			4.80	16.70	4.20		
Tue Sept 14	18.70	57.00		22.20		2.10						
Fri Sept 17	39.60	9.00		22.20	27.10	2.10						
Sun Sept 19	47.90	34.70	2.10		6.90		4.20				4.20	
Tue Oct 12	20.80	52.80		22.20		4.20						
Fri Oct 15	21.50	16.70		31.20	27.10	3.50						
Sun Oct 17	32.60	58.30	2.10		7.00							
Tue Nov 16	17.40	43.70		21.50		7.00						10.40
Fri Nov 19	18.75	32.65		21.50	22.20	4.90						
Sun Nov 21	25.70	50.70	2.10	8.40	6.15	2.75				4.20		
Tue Dec 14	19.40	37.40		27.60		4.20						11.80
Fri Dec 17	15.30	27.70		22.90	30.60	3.50						
Sun Dec 19	26.40	57.60			8.40	3.40				4.20		

Художественные фильм и телевизионные сериалы, тревел-шоу и реалити-шоу были популярными, причем фильмы показали высокую востребованность для пятничного эфира. В отличие от двух других телеканалов, для воскресения «Пятницы» характерно использование журналистского контента – тревел-шоу и реалити-шоу.

Заключение

Исследование частично подтвердило выдвинутые гипотезы. Телевизионные сериалы оказались тем форматом, который был востребованным на всех трех телеканалах. Как и предполагалось, в изучаемый период ТНТ, СТС и «Пятница» обращались к различным развлекательным форматам, однако приоритеты телеканалов СТС и ТНТ, лидеров эфира и старейших развлекательных вещателей в России, были схожи, но при этом отличались от ключевых форматов телеканала «Пятница». Если для СТС характерны фильмы, сериалы, юмористические шоу, то эфир ТНТ программируется преимущественно при помощи сериалов и юмористических шоу (фильмы использовались в значительном количестве только в воскресенье). Как приоритетные форматы телеканала «Пятница» зафиксированы тревел-шоу, реалити-шоу и телесериалы, а художественные фильмы оказались востребованы в пятницу.

Анализ эмпирического материала по выработанной методике показал, что телеканалы используют разные контент-стратегии для будних дней, пятницы и воскресенья. Например, на ТНТ в будние дни в эфире превалировали сериалы и юмористические шоу, в выходные дни чаще всего – художественные фильмы и юмористические проекты, телевизионные сериалы; в качестве ключевого формата пятницы использовалось юмористическое шоу.

Наиболее выгодная контент-стратегия была разработана на телеканале СТС: преобладание сериалов и полнометражных фильмов; успешность подтверждается рейтингами телеканала. Как было отмечено выше, в 2021 г. среднесуточная доля телеканала СТС среди аудитории «4+» составила 5,3 % (Вартанова, Коломиец, 2021, с. 37), это шестой показатель на российском ТВ. Если говорить о показателях в целевой группе (для СТС аудитория от 10 до 45 лет), то в 2021 г. она составила 10,3 % (Вартанова, Коломиец, 2021, с. 39).

Таким образом, на российском развлекательном телевидении наиболее популярными являются программы нежурналистских форматов (сериалы, мультсериалы и полнометражные фильмы), подобные программы чаще остальных транслируются на телеканале СТС.

На ТНТ и «Пятнице» в анализируемый период в эфире были представлены и сериалы, и художественные фильмы, однако в значительном количестве присутствовали и другие развлекательные проекты. Можно было бы предположить, что руководство этих телеканалов при определении контент-стратегии фокусировалось на нежурналистских форматах. Но, вероятно, ТНТ и «Пятница» выбирают другую контент-стратегию, поскольку были созданы позднее, чем СТС.

В процессе исследования стало очевидным, что ориентация на журналистский контент не обеспечивает высокие показатели доли и рейтинга, однако данный феномен требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- Акинфиев С.Н.* Жанровая структура российского развлекательного телевидения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 168 с.
- Акопов А.З.* Особенности драматургии отечественного многосерийного телефильма 1960–1980-х гг. М.: Академия медиаиндустрии, 2015. 24 с.
- Вартанова Е.Л., Коломиец В.П.* Телевидение в России в 2020 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, 2021. 107 с.
- Вартанова Е.Л., Смирнов С.С.* СМИ России как индустрия развлечений // *Медиаскоп*. 2009. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 23.05.2022).
- Волкова И.И.* Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. 39 с.
- Волкова И.И.* Игра на телеэкране как форма эффективной коммуникации // *Вестник ВГИК*. 2014. № 1. С. 116–123.
- Волкова И.И.* Телеканалы на YouTube: причины неэффективности // *Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия: материалы международной научно-практической конференции*. М.: МГУ, 2019. С. 468–469.
- Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В.* Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 237–255. <http://doi.org/10.17223/19986645/61/14>
- Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В.* Программирование тайм-слотов телеканалов «большой тройки»: эфир будних дней // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 69. С. 321–339. <http://doi.org/10.17223/19986645/69/16>
- Ильченко С.Н.* Система жанров отечественного телевидения и ее трансформация в условиях глобализации информационного пространства. М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2012. 149 с.
- Кузнецов Г.В.* Так работают журналисты ТВ. М.: МГУ, 2004.
- Макеенко М.И., Вырковский А.В.* Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2021. № 5. С. 74–99. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499>
- Могилевская В.С.* Трансформация программной стратегии нишевого развлекательного телеканала в условиях конкурентной медиасреды (на примере СТС и ТНТ) // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10. № 4. С. 775–791. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).775-791](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).775-791)
- Новикова А.А.* Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.
- Российское телевидение: индустрия и бизнес* / ред. В.П. Коломиец. М.: Восход-А, 2010. 303 с.
- Телевизионная журналистика* / под ред. Ю.И. Долговой, Г.В. Перипечиной. М: Аспект Пресс, 2021. 208 с.
- Удовиченко Р.В.* Развлекательное телевидение: типологии программ и потребности аудитории: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 131 с.
- Фирсов Б.М.* Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1971. 191 с.

- Фукс Д.А. Речевая культура развлекательного российского телевидения: актуальное состояние и тенденции развития: дис. ... канд. культур. М., 2021. 162 с.
- Челик Х.Ч., Дерен ван хет Х.С. Воспитательная роль телевидения в осмыслении насилия, жизни в целом, личностных черт и восприятия старости // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1 С. 148–167. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.150174>
- Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 246 с.
- Casey B., Calvert B., Casey N., French L., Lewis J. Television studies: The key concepts. London: Routledge, 2002.
- Eastman S.T., Ferguson D.A. Media programming: Strategies and practices. 9th ed. Australia: Thomson/Wadsworth, 2013.
- Greeber G. The television genre book. London – New York: Bloomsbury Publishing, 2015.
- Kaminski S.M., Mahan J.H. American television genres. Chicago: Nelson-Hall, 1985.
- Lotz A.D. The television will be revolutionized. New York: New York University Press, 2014.
- Mittel J. Genre and television: From Cop Shows to Cartoons in American Culture. London; New York: Routledge, 2004.

References

- Akinfiyev, S.N. (2008). *Genre structure of Russian entertainment television*. PhD. Philol. Sci. Dis. Moscow. (In Russ.)
- Akopov, A.Z. (2015). *Features of the dramaturgy of the domestic soap operase of the 1960–1980*. Moscow: Akademiya Mediaindustrii Publ. (In Russ.)
- Casey, B., Calvert, B., Casey, N., French, L., & Lewis, J. (2002). *Television studies: The key concepts*. London: Routledge.
- Çelik, H.C., & van het Hof, S.D. (2021). The cultivation role of television in terms of violence, life in general, personality traits and the perception of old age. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (1), 148–167. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.150174>
- Dolgova, Yu.I., & Peripechina, G.V. (Eds.). (2021). *Television journalism*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Dolgova, Yu.I., Peripechina, G.V., & Tikhonova, O.V. (2019). Content strategies of the Big Three TV channels: Topics, genres, formats. *Tomsk State University Journal of Philology*, (61), 237–255. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/19986645/61/14>
- Dolgova, Yu.I., Peripechina, G.V., & Tikhonova, O.V. (2021). Programming of time slots of the Big Three TV channels: Weekday broadcast. *Tomsk State University Journal of Philology*, (69), 321–339. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/19986645/69/16>
- Eastman, S.T., & Ferguson, D.A. (2013). *Media programming: Strategies and practices* (9th ed.). Australia: Thomson/Wadsworth.
- Urazova, S.L. (Ed.). (2021). *Ecosystem of media: Digital modifications*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Firsov, B. (1971). *Television through the eyes of a sociologist*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

- Fuks, D.A. (2021). *Speech culture of Russian entertainment television: Current state and development trends*. PhD. Cultural Sci. Dis. Moscow. (In Russ.)
- Greeber, G. (2015). *The television genre book*. London, New York: Bloomsbury Publishing.
- Ilchenko, S.N. (2012). *The system of genres of domestic television and its transformation under conditions of globalization of the information space*. Moscow: Institut Povysheniya Kvalifikacii Rabotnikov TV i Radioveshchaniya Publ. (In Russ.)
- Kaminski, S.M., & Mahan, J.H. (1985). *American television genres*. Chicago: Nelson-Hall.
- Kolomiets, V.P. (2010). *Russian television: Industry and business*. Moscow: Voskhod-A Publ. (In Russ.)
- Lotz, A.D. (2014). *The television will be revolutionized*. New York University Press.
- Makeenko, M.I., & Vyrkovskij, A.V. (2021). Potential for non-institutionalized creators of entertainment and educational content to influence the audience. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (5), 74–99. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.7499>
- Mittel, J. (2004). *Genre and television: From cop shows to cartoons in American culture*. London, New York: Routledge.
- Mogilevskaya, V.S. (2021). Transformation of the program strategy of a niche entertainment TV channel under conditions of a competitive media environment (on the example of STS and TNT). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 775–791. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).775-791](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).775-791)
- Novikova, A.A. (2008). *Modern television spectacles: Origins, forms and methods of influence*. St. Petersburg: Aletejya Publ. (In Russ.)
- Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation (2021). *Television in Russia in 2020. State, trends and prospects of development. Industry report*. Moscow. (In Russ.)
- Udovichenko, R.V. (2011). *Entertainment television: Typology of programs and audience needs*. PhD. Philological. Sci. Dis. Moscow. (In Russ.)
- Vartanova, E.L., & Kolomiets, V.P. (Eds.). (2021). *Television in Russia in 2018: State, trends and development prospects: Sector report*. Moscow: Federal Agency for Press and Mass Communications. (In Russ.)
- Vartanova, E.L., & Smirnov, S.S. (2009). Russian mass media as an entertainment industry. *Mediascope*, (4). (In Russ.) Retrieved May 23, 2022, from <http://www.mediascope.ru/>
- Volkova, I.I. (2019). TV channels on YouTube: Reasons for inefficiency. *Journalism in 2018: Creativity, profession, industry: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 468–469). Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I. (2014). Playing on the TV screen as a form of effective communication. *Vestnik VGIK*, (1), 116–123. (In Russ.)
- Volkova, I.I. (2015). *Game as a system-forming phenomenon of screen communications*. Abstract of Dr. Philol. Sci. Dis. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Долгова Юлия Игоревна, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

Ершов Никита Олегович, магистрант, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-2213-5999. E-mail: nik_ershov@yahoo.com

Чан Тхи Тхуи Зунг, аспирант, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-6763-7503. E-mail: ladylun93@gmail.com

Bio notes:

Yulia I. Dolgova, Associate Professor of Television and Radio Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

Nikita O. Ershov, master's student, Television and Radio Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-2213-5999. E-mail: nik_ershov@yahoo.com

Tran Thi Thuy Dung, postgraduate student, Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-6763-7503. E-mail: ladylun93@gmail.com

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF JOURNALISM

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599

УДК 0.70

Научная статья / Research article

Сравнение как средство убеждения и инструмент манипуляции: особенности применения в медиапространстве

Л.А. Брусенская , И.В. Беляева

*Ростовский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69*

 brusenskaya_1@mail.ru

Аннотация. Манипулятивные приемы вербальной коммуникации сравнительно недавно переместились в фокус исследовательского внимания (классическая риторика была сосредоточена на честной аргументации и затрагивала проблему манипулирования только в части критики «негодных приемов убеждения», которыми пользовались софисты). В многочисленных современных исследованиях к манипулятивным приемам причисляется фактически вся тропика, и остается неясным, что переводит способ усиления изобразительности и выразительности в деструктивный прием скрытого воздействия. Конечно, эта неясность порождается природой объекта: для объяснения манипулятивности необходимо погружаться в сферы интенционального, с трудом поддающегося верификации. Однако разграничивать тропику в ее исконной роли, с одной стороны, и в манипулятивных целях, с другой, – чрезвычайно важно. С помощью дискурсивного анализа, позволяющего идентифицировать манипуляцию, с использованием индуктивно-дедуктивного метода и метода лингвопрагматического анализа анализируются условия, при которых применение языковых средств вообще и тропа «сравнение» в частности становится манипулятивным. Делается попытка на примере тропа «сравнение» прояснить условия его некорректного, то есть манипулятивного, использования. Манипуляция деструктивна, даже если опирается на тропику, потому для окультуривания публичного пространства ее нужно хорошо опознавать.

Ключевые слова: вербальная манипуляция, убеждение, тропы, фигуры речи, сравнение

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002 «Разноуровневые речевые конститuentы конфликтной коммуникации».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Брусенская Л.А., Беляева И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 29 мая 2022 г.; откорректирована 12 июня 2022 г.; принята к публикации 28 июня 2022 г.

Для цитирования: Брусенская Л.А., Беляева И.В. Сравнение как средство убеждения и инструмент манипуляции: особенности применения в медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 590–599. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599>

Comparison as a means of persuasion and a technique of manipulation: features of application in media space

Ludmila A. Brusenskaya , Irina V. Belyaeva

*Rostov State University of Economics,
69 Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation*

 brusenskaya_1@mail.ru

Abstract. Manipulative techniques of verbal communication have rather recently moved into the focus of research attention (classical rhetoric was focused on honest argumentation and touched upon the problem of manipulation only in terms of criticism of “unsuitable persuasion techniques” used by sophists). In numerous modern studies, virtually the entire tropic is considered to be manipulative techniques, and it remains unclear what transforms the method of enhancing figurativeness and expressiveness into a destructive method of latent influence. Of course, this ambiguity is generated by the essence of the object: to explain manipulativeness, it is necessary to dive into the spheres of the intentional, which is difficult to verify. However, it is extremely important to distinguish between the tropics in its original role, on the one hand, and tropics used for manipulative purposes, on the other. Based on discursive analysis, which makes it possible to identify manipulation, using the inductive-deductive method and the method of linguopragmatic analysis, the authors study the conditions under which the use of linguistic means in general and the comparison trope in particular becomes manipulative. On the example of the trope comparison the authors attempt to clarify the conditions of its incorrect, it means manipulative, use. Manipulation is destructive, even if it bases on the tropics, and therefore for the cultivation of public space it is necessary to detect this technique.

Keywords: verbal manipulation, persuasion, tropes, figures of speech, comparison

Acknowledgements and Funding. The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project No. 21-512-07002 “Various-Level Speech Constituents of Conflict Communication.”

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 29, 2022; revised June 12, 2022; accepted June 28, 2022.

For citation: Brusenskaya, L.A., & Belyaeva, I.V. (2022). Comparison as a means of persuasion and a technique of manipulation: Features of application in media space. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 590–599. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599>

Введение

Вербальная манипуляция – сложный и неоднозначный феномен, который в последние десятилетия привлекает пристальное внимание междисциплинарной науки (Запругаева, Шишлянникова, 2021; Моротов, 2016; Шагбанова, 2020; Barnhill, 2014; Baron, 2014; Klejberg, 2013; Manne, 2014; Mills, 2014; Rashkin et al., 2017; Wood, 2014 и мн. др.), хотя нельзя сказать, что многочисленные изыскания привели к построению единой и непротиворечивой теории манипулятивного воздействия. До сих пор сильна традиция нетерминологического использования сочетаний «вербальная или речевая манипуляция» в значении «речевое воздействие» или даже «коммуникация» (поскольку предполагается вездесущность манипулирования вследствие особенностей знаковой природы языка). Однако более отвечающим природе вещей представляется понимание манипуляции только как одного из видов речевого воздействия, который имеет специфические признаки и существенным образом отличается от других видов – честного убеждения, приказа, обмана. Главным признаком манипулятивности считается скрытый характер воздействия (Хазагеров, 2006; Беляева, 2009; Куликова, 2017; Лобас, 2011; Навасартян, 2017; Петрова, 2020 и др.). Г.Г. Хазагеров особо подчеркивает, что при манипуляции адресат речи «оказывается отсеченным от независимых источников информации, вследствие чего воспринимает информацию некритически».¹ Это в принципе некорректный, даже нечестный прием, что имплицитно передано в определении В.И. Карасика, который считает, что манипуляция – это «двуплановый коммуникативный поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду», который «противопоставляется в структурном плане одноплановым, в функциональном отношении – полиинтерпретируемым и моноинтерпретируемым целостно-маркированным действиям» (Карасик, 2015, с. 232). Понятия «манипуляция» и «обман» разводятся на основании противопоставленности различным типам истины – гносеологической и онтологической. Установление гносеологической истины требует анализа того влияния, которое оказывается высказыванием (текстом) на адресата (Беляева, 2009).

Итак, манипуляция – особый тип воздействия, обладающий специфическими признаками (перечисленными в цитируемых трудах), а не всеобщая черта коммуникации в целом (тотальное манипулирование приписывается прежде всего политическому дискурсу и рекламе; см., например: Карамова, 2016, с. 84). Подразумевая, прежде всего, понимание манипуляции как деструктивного явления, имеющего перечисленные признаки, проследим векторы современных исследований манипулятивного воздействия.

Основные векторы в изучении вербальной манипуляции

Ярким образцом расширительного толкования термина «манипуляция» может служить известная работа С.Г. Кара-Мурзы (2002), где доказывается, например, манипулятивность фильма С. Говорухина «Ворошиловский стре-

¹ Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 19.

лок» (любимого, как минимум, двумя поколениями в нашей стране). Режиссер, по мысли С.Г. Кара-Мурзы, сознательно «канализирует» недовольство людей, направляет его по заданному руслу: объектом социальной неприязни избран владелец ларька, ставший насильником, а не реальные виновники российской катастрофы. Однако, во-первых, социальная неприязнь в фильме «канализируется» (если пользоваться образом С.Г. Кара-Мурзы) в том числе и на представителей власти (ср. знаменитые фразы типа *«А где она, власть? Одни кабинеты, и в каждом хмырь»*), на прием к которым ходили главные персонажи фильма; а во-вторых, неясно, по каким критериям определено, что имеет место эта «сознательная канализация» народной ненависти.

В чисто лингвистических работах расширительное представление о манипуляции проявляется в том, что к манипулятивным средствам относят фактически все тропы, все топоры, все языковые средства, формирующие системность (синонимию, многозначность и т.д.), единицы всех уровней языка (см., например: Шагбанова, 2020, с. 72). Иногда в качестве манипулятивных средств называются отдельные категории и единицы, однако без уточнения условий, при которых они обретают манипулятивные функции, ср.: «Значительный манипулятивный потенциал рунет-текста сосредоточен в средствах выражения темпоральности и модальности» (Моровов, 2016, с. 8). В статье М.Я. Запрягаевой и А.М. Шишлянниковой (2021) дан такой ряд манипуляционных приемов – метафора, ирония, повтор. Даже в диссертационных положениях на защиту, где нужна предельная конкретика, встречаем неправомерные обобщения, когда манипулятивным объявляется «использование коммуникативной категории „свой – чужой“, выразительных средств языка (повторов, риторических вопросов, сравнений, метафор, языковой игры)» (Навасартян, 2017, с. 3). Дело в том, что общий перечень языковых категорий и риторических приемов как источников манипуляции неинформативен, он оставляет нерешенным самый главный вопрос: когда, почему, при каких условиях они становятся средством манипулирования, а при каких, напротив, являются источником персуазивности (убедительности), а также образительности и выразительности?

В работах последних лет наметилась позитивная тенденция – внимание все больше обращается на возможности противодействия манипуляциям (мы имеем в виду именно научные труды, а не популярные книжки типа «Скажи „нет“ манипулятору» с обиходными советами, как избежать авторитарного давления в межличностном общении). Так, «демонтажу» манипуляций посвящена диссертационная работа М.В. Петровой «Речевая контрманипуляция в русскоязычных видеоблогах» (2020) (см. также: Копнина, 2018). Не думаем, однако, что сам термин «контрманипуляция» удачен (ибо в корне остается пейоратив «манипуляция», а речь идет об активном противодействии, которое само по себе не обладает перечисленными признаками манипулятивного воздействия).

И самое важное состоит в том, что в последнее время стали появляться работы, где авторы обращают внимание как раз на те факторы, которыми обусловлена манипулятивность языковых и риторических средств. Пионерской в этом отношении стала диссертационная работа П.П. Лобаса (2011). Различие между убеждением и манипулированием с помощью тропов определяется автором так: убеждение связано с «актуализацией денотативной информации,

а манипулирование со сдвигом в сигнификате знака и/или в создании нужной коннотации». «Головные метафоры» (которые в аристотелевской традиции можно характеризовать как скрытые сравнения) используются для убеждения, в то время как концептуализирующая метафора служит главным средством манипулирования. Символ выдвигается в первый ряд манипулятивных средств, поскольку он «наибольшим образом защищен от критической рефлексии» (Лобас, 2011, с. 5). Если гипонимы чаще всего связаны с изобразительностью, то гиперонимы – с политической демагогией и манипуляциями (Лобас, 2011, с. 6). Важные положения содержатся в цитируемой работе и относительно манипулятивности разных типов метонимии, иронии, гиперболы и мейозиса, а также манипулятивности риторических топосов. К сожалению, далеко не во всех случаях осуществлена конкретизация выдвинутых положений на языковом материале (как это сделано относительно топоса «определение»), но в любом случае ценно разграничение убеждающей и манипулятивной функций одного и того же языкового или риторического приема.

В докладе на пленарном заседании VI Международной научно-практической конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (РУДН, 21–22 апреля 2022 г.) Т.Б. Радбиль остановился на манипулятивности рефлексивов и объяснил, в каких случаях выражения типа *в полном смысле слова, в буквальном смысле* становятся манипулятивными. «В рамках реализации говорящим специфической манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* адресату навязываются некоторые мнения, позиции, трактовки, которые не предполагают дальнейшего обсуждения как раз в силу того, что говорящий, в рамках стратегии *de re*, использует универсальную оправдательную и усиливающую значимость сказанного формулу, которая вызывает к неким исходным, базовым, первоначальным понятиям, к общеизвестным истинам. На этом фоне провоцируются и различные отклонения от логики, от истинного смысла, к которому, казалось бы, и апеллирует сам говорящий» (Радбиль, 2022, с. 10). Разбирая текст, где о Сирии сказано, что *это в буквальном смысле наш сосед*, Т.Б. Радбиль отмечает, что логическая неувязка (Сирия нам не сосед) не рефлектируется адресатом именно вследствие «магии» выражения *в буквальном смысле*. Такого рода рефлексивы ни к какому буквальному смыслу как раз и не апеллируют. Возможная манипулятивность выражения *в полном смысле слова* связана с его «прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке» (Радбиль, 2022, с. 11).

Таким образом, утверждение об участии тех или иных языковых единиц в формировании манипулятивности текста должно быть обосновано, ибо нет ни тропов, ни топосов, ни грамматических форм или лексических единиц, которые изначально заведомо были бы предназначены для манипулирования.

Эвристические и прагматические возможности сравнения: персуазивность vs манипулятивность

Проанализируем, возможно ли манипулятивное использование «категории категорий» – сравнения (при этом будем иметь в виду, что избирается такая трактовка базового тропа, при которой сравнение рассматривается ко-

гнитивно и, собственно, лингвистически в качестве элемента системы языка в целом, а также риторической подсистемы). Сравнение – объект междисциплинарных исследований, и прежде всего в них подчеркивается эвристическая функция сравнений, то есть их способность обеспечить более широкое видение объекта. Объекты, сближаемые в сравнении, различаются многими чертами, особенно в случае принадлежности сравниваемых объектов к далеким друг от друга сферам. В номенклатуре тропов выделяется компарация – вид сравнения, в котором сходство обнаруживается между далекими объектами². Эвристическая функция, а также то, что, в отличие от метафоры, в сравнении названы оба компонента сопоставления, по-видимому, исключают манипулятивность: эксплицитное рациональное сравнение позволяет критически вдуматься в его суть. Однако сравнение обладает и мощным прагматическим, оценочным потенциалом, и это может стать основой манипуляций.

В исследованиях по рекламе давно отмечено, что даже ущербное с логической точки зрения сравнение позволяет создавать эффект преимущества и даже уникальности, и потому процветают «ложные сравнения» типа: *это больше, чем просто компьютер; нет более сухих подгузников, чем Huggies* и др. В случае, когда нет возможности указать реальные преимущества товара, рекламисты прибегают к сравнению с обычным изделием (это обычный стиральный порошок, обычное моющее средство и т. п., а это «Ариэль», Tide или Fairy). Подобные сравнения могут дезинформировать потребителя, внушить ему представление о товаре, расходящееся с реальностью, и это побуждает ставить вопрос об их соответствии «Закону о рекламе», переводит проблему в область этико-лингвистической нормативности и права. Ср. яркий пример, когда объекты для сравнения что называется «притянуты за уши», и это производит даже комическое впечатление. Общее название рекламного текста «Открытие, которое изменит вашу жизнь», а подзаголовок, где помещен цитируемый фрагмент, назван «Только лучшие удостоены наград».

«Помните фильм «Москва слезам не верит»? Это же легенда отечественного кинематографа! И ведь спустя годы фильм взял-таки Оскар. И так не только в кинематографии. В медицине аналогично. Медицинским изделием становятся только достойные аппараты, прошедшие массу проверок и клинических испытаний. И АВРОРА именно такой аппарат!»³.

Как видим, в рекламе медицинского аппарата «Аврора» (который, если верить тексту рекламы, с помощью инфракрасного излучения лечит артрит) легендарный фильм и медицинское изделие сопоставляются по параметру «лучший, признанный, удостоенный наград». Авторы рекламного текста не удосужились проверить, когда фильм «взял-таки» Оскар: это случилось в 1981 г. (фильм снят в 1979), то есть не «спустя годы» – это просто неверная информация. В этом тексте много и других манипулятивных фрагментов: *«В этом аппарате есть все, что вам нужно! Клинические испытания АВРОРЫ проходили в ведущих клиниках России (не указано, где конкретно). И результат превзошел все ожидания! Невероятно эффективный прибор. Наша АВРОРА – это настоящая революция в борьбе с изнуряющими болезнями»*

² Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 204.

³ Открытие, которое изменит вашу жизнь // Аргументы недели. 2022. № 19. С. 5.

и т. п. Однако манипуляция с использованием сравнения оказывается самой впечатляющей.

Некорректные сравнения используются не только в рекламе, ср.: «*Конкретно в наш колледж троичник уже давно попасть не может.., – объясняет директор подмосковного колледжа „Энергия“ (г. Реутов) Нерсес Нерсесян. <...> – Детям у нас учиться в разы интереснее*»⁴.

Выполняя прагматические функции, сравнения могут формировать экспрессивный подтекст, создавать эмоциональный оценочный фон, а это уже предпосылки для возможных манипуляций.

В газете «Собеседник» есть саркастическая рубрика «Тоска почета», персонажем которой («За советы») стала телеведущая Ольга Скабеева, ср.: «*Ведущая „60 минут“, которые в последнее время растянулись на много часов, „посоветовала“ актрисе Татьяне Лазаревой „пойти мыть унитаза“.* По мнению Скабеевой, это лучше, чем участвовать в украинской юмористической передаче „Байрактар News“, где Татьяна играет специального корреспондента, зачитывающего сводки как бы смешных новостей. А мы знаем еще одну, тоже довольно смешную программу, лучшие участия в которой тоже мытье сортиров»⁵. Думаем, что это чисто манипулятивное сравнение как со стороны О. Скабеевой, так и со стороны неназванного автора текста, который имеет в виду передачу «60 минут» и не слишком вуалирует свою мысль: лучше мыть сортиры, чем участвовать в передаче «60 минут».

Ср. также заголовок статьи «*Мать „вундеркинда“ замучена родами и живет, как под гипнозом*»⁶, где речь идет о семье Алисы Тепляковой, которая в 9 лет стала студенткой МГУ. У автора Р. Лялина явно негативное отношение к необычной семье, но сравнение, вынесенное в заголовок (*живет, как под гипнозом*), в статье не аргументируется с достаточной убедительностью и оставляет много вопросов: как может жить будто под гипнозом многодетная мать с множеством семейных обязанностей, которые она исправно выполняет?

Не надо думать, что исключительно яркая интенциональность или пейоративность переводит сравнение в область манипулятивных техник. Ср.: «*А вот Галкину на родине еще очень долго будут припоминать, что в трудный для страны час он повел себя как Иуда*»⁷. При том что сравнение в высшей степени оскорбительное, его вряд ли можно считать манипулятивным, потому что на протяжении всей статьи автор стремится аргументировать свой вывод (а приведенной фразой статья заканчивается). М. Филимонов предполагает, что антироссийские выступления Галкина хорошо оплачены. Отдельный вопрос – достоверность этих сведений, однако они приведены как аргумент *ad rem*.

⁴ Шигарева Ю., Борта Ю., Дуэль А., Голубь Ю., Сизова М., Смирнов А. Поступательное движение. Обойдут ли колледжи вузы по числу учащихся? // Аргументы и факты. 2022. № 21. С. 10.

⁵ За советы // Собеседник. 2022. № 15. С. 2.

⁶ Лялин Р. Мать «вундеркинда» замучена родами и живет как под гипнозом // Комсомольская правда. 2022, 18 мая. С. 8.

⁷ Филимонов М. Брат Галкина заработал миллионы на торговле оружием // Экспресс газета. 2022. № 20. С. 9.

Заключение

Итак, сравнение, как и все остальные тропы, может служить первоначальному и основному предназначению – выступать как персуазивное средство, то есть средство убеждения, а может быть использовано неправомерно, с манипулятивными целями. Манипулирует рекламист, если стремится использовать в маркетинговых целях позитивные ассоциации, которые сформированы у сравниваемого объекта, и тем самым вводит в заблуждение потребителя. Манипулирует и медийный автор, если сравнение подменяет аргументацию, если оно используется вне доказательного контекста. Манипуляция деструктивна, даже если опирается на тропику, и потому для окультуривания публичного пространства ее нужно хорошо опознавать.

Список литературы

- Беляева И.В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: монография. Ростов н/Д.: СКАГС, 2009. 244 с.
- Запругаева М.Я., Шишлянникова А.М.* Приемы вербального и невербального манипулятивного воздействия в телевизионной коммуникации (на материале ток-шоу «60 минут») // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: материалы V Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 262–266.
- Карамова А.А.* Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 3. С. 84–90.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-пресс. 2002. 490 с.
- Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
- Копнина Г.А.* Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 7–19.
- Куликова Э.Г.* Вербальное манипулирование как нарушение этико-речевых норм // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 66–75.
- Лобас П.П.* Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011. 19 с.
- Моровов Д.В.* Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 2016. 24 с.
- Навасартян Л.Г.* Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 172 с.
- Петрова М.В.* Речевая контрманипуляция в русскоязычных видеоблогах: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 153 с.
- Радбиль Т.Б.* Манипулятивный потенциал метаязыковых комментариев в языке современных русских интернет-СМИ // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (РУДН, 21–22 апреля 2022 года): 2 т. Т. 1. М.: РУДН, 2022. С. 8–15.
- Хаззагеров Г.Г.* Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. 48 с.
- Шагбанова Х.С.* Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 72–80.

- Barnhill A. What is manipulation? // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 51–73. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Baron M. The men's rea and moral status of manipulation. *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 98–121. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0005>
- Cave E.M. Unsavory seduction and manipulation // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 176–201. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Klejberg Yu. Epatage and manipulation: concept and deviantological nature // Вестник МГОУ. Психологические науки. 2013. № 4. С. 41–46.
- Manne K. Non-Machiavellian manipulation and the opacity of motive // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 221–247. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0011>
- Mills C. Manipulation as an aesthetic flaw // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 135–151. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0007>
- Rashkin H., Choi E., Yea Jang J., Volkova S., Choi Y. Truth of varying shades: analyzing language in fake news and political fact-checking // *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Copenhagen: Association for Computational Linguistics, 2017. Pp. 2931–2937. <http://doi.org/10.18653/v1/D17-1317>
- Wood A.W. Coercion, manipulation, exploitation // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 17–51. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>

References

- Barnhill, A. (2014). What is manipulation? In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 51–73). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Baron, M. (2014). The men's rea and moral status of manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 98–121). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0005>
- Belyaeva, I.V. (2009). *The phenomenon of speech manipulation: Linguistic and legal aspects*. Rostov-on-Don: Publishing House of North Caucasus Academy of Public Service. (In Russ.)
- Cave, E.M. (2014). Unsavory seduction and manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 176–201). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Karamova, A.A. (2016). Manipulative potential of grammatical means in modern political discourse. *Proceedings of Volga State University named after V.N. Tatishchev*, 1(3), 84–90. (In Russ.)
- Kara-Murza, S.G. (2002). *Manipulation of consciousness*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)
- Karasik, V.I. (2015). *Language spiral: Values, signs, motives*. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Khazagerov, G.G. (2006). *Party, power and rhetoric*. Moscow: Evropa Publ. (In Russ.)
- Klejberg, Yu. (2013). Epatage and manipulation: Concept and deviantological nature. *Proceedings of the Moscow State University. Psychological Sciences*, (4), 41–46.
- Kopnina, G.A. (2018). Countermanipulation in speech communication: Some perspectives of study. *Communicative Research*, (2), 7–19. (In Russ.)
- Kulikova, E.G. (2017). Verbal manipulation as a violation of ethical and speech norms. *Humanities and Social Sciences*, (3), 66–75. (In Russ.)
- Lobas, P.P. (2011). *Tropics, synonymy, topic as a means of persuasion and manipulation (based on the material of socio-political texts)*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Rostov-on-Don. (In Russ.)

- Manne, K. (2014). Non-Machiavellian manipulation and the opacity of motive. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 221–247). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0011>
- Mills, C. (2014). Manipulation as an aesthetic flaw. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 135–151). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0007>
- Morovov, D.V. (2016). *Verbal means of manipulation in the Russian-language extremist text (based on the Runet material)*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Nizhniy Novgorod. (In Russ.)
- Navasartyan, L.G. (2017). *Linguistic means and speech techniques of manipulation by information in media (based on the material of Russian newspapers)*. PhD. Philol. Sci. Dis. Saratov. (In Russ.)
- Petrova, M.V. (2020). *Speech counter manipulation in Russian-language video blogs*. PhD. Philol. Sci. Dis. Krasnoyarsk. (In Russ.)
- Radbil, T.B. (2022). Manipulative potential of metalanguage comments in the language of modern Russian Internet media. *Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture: Proceedings of 6th International Scientific and Practical Conference* (vol. 1, pp. 8–15). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Rashkin, H., Choi, E., Yea Jang, J., Volkova, S., & Choi, Y. (2017). Truth of varying shades: Analyzing language in fake news and political fact-checking. *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing* (pp. 2931–2937). Copenhagen: Association for Computational Linguistics. <http://doi.org/10.18653/v1/D17-1317>
- Shagbanova, H.S. (2020). Linguistic means of speech manipulation. *Theories and Problems of Political Research*, 9(5A), 72–80. (In Russ.)
- Wood, A.W. (2014). Coercion, manipulation, exploitation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 17–51). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>
- Zapryagaeva, M.Ya., & Shishlyannikova, A.M. (2018). Techniques of verbal and nonverbal manipulative influence in TV communication (based on the material of the talk show “60 minutes”). *Media Linguistics. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of 5th International Scientific Conference* (issue 8, pp. 262–266). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Брусенская Людмила Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0003-3044-7033. E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Беляева Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0001-6350-8600. E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

Bio notes:

Ludmila A. Brusenskaya, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0003-3044-7033. E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Irina V. Belyaeva, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0001-6350-8600. E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

НОВЫЕ МЕДИА NEW MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614

УДК 930.85:316.421

Научная статья / Research article

Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ

Л.К. Лободенко , О.В. Перезовова ,
А.Б. Черднякова , О.Ю. Харитонова

*Южно-Уральский государственный университет,
Российская Федерация, 454080 Челябинск, пр-кт Ленина, д. 76*

 o-v-perevozova@mail.ru

Аннотация. Выполнен количественный анализ экологического контента в профильных группах социальных сетей региональных интернет-СМИ, а именно в популярной среди молодежи соцсети «ВКонтакте». Представлена попытка измерить степень вовлеченности медиааудитории в экологическую проблематику региона, дана оценка социальной рефлексии по поводу экологических текстов. Выявлена динамика (через лайки, репосты и комментарии) социального самочувствия, характерного для аудитории региональных интернет-СМИ. В качестве эмпирического материала использовались наиболее популярные ресурсы – сетевые издания 74.ru и 1obl.ru. Представлен теоретический обзор источников по изучаемому вопросу, в том числе работы отечественных и зарубежных ученых разных специальностей. Достигнуты качественные результаты: выявлены языковые особенности конструирования текстов, отражающие реакцию аудитории на экологические события. Новизна исследования заключается в выбранном подходе и ракурсе рассмотрения проблемы, в комбинации используемых методов для сбора данных, в частности проведен сравнительный анализ подачи экологической информации в официальных источниках СМИ и их представленность в социальных сетях. Основной вывод, полученный в ходе исследования, заключается в том, что экотексты проблемного в экологическом отношении региона не обеспечивают высокую вовлеченность пользователей, при этом они косвенно выражают поведенческие намерения, реакции аудитории, в том числе социальное самочувствие.

Ключевые слова: социальные сети, экологическая проблематика, интернет-СМИ, молодежная аудитория, экологический контент, социальное самочувствие, коэффициент вовлеченности

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Лободенко Л.К., Перезовова О.В., Черднякова А.Б., Харитонова О.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 19 мая 2022 г.; откорректирована 26 мая 2022 г.; принята к публикации 2 июня 2022 г.

Для цитирования: Лободенко Л.К., Перевозова О.В., Чередыякова А.Б., Харитоновна О.Ю. Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 600–614. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614>

Analysis of the representation of environmental issues in the social networks of regional Internet media

Lidia K. Lobodenko^{ID}, Olga V. Perevozova^{ID}✉,
Anna B. Cherednyakova^{ID}, Olga Yu. Kharitonova^{ID}

South Ural State University,
76 Prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

✉ o-v-perevozova@mail.ru

Abstract. A quantitative analysis of environmental content was carried out in the profile groups of social networks of regional Internet media, specifically in the social network VKontakte, popular among young people. An attempt to measure the degree of involvement of the media audience in the environmental issues of the region is presented, an assessment of social reflection on environmental texts is given. The dynamics (through likes, reposts and comments) of social well-being, typical for the audience of regional online media, has been revealed. The most popular resources were used as empirical material – the online publications “74.ru” and “1obl.ru.” A theoretical review of sources on the issue under study, including the work of domestic and foreign scientists of various specialties, is presented. Qualitative results have been achieved: linguistic features of text construction, reflecting the audience's reaction to environmental events, have been identified. The novelty of the study lies in the chosen approach and perspective of the problem, in the combination of methods used to collect data, in particular, a comparative analysis of the presentation of environmental information in official media sources and their representation in social networks was carried out. The main conclusion obtained in the course of the study is that the ecotexts of an environmentally problematic region do not provide high user involvement, while they indirectly express behavioral intentions, audience reactions, including social well-being.

Keywords: social networks, environmental issues, online media, youth audience, environmental content, social well-being, engagement rate

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 19, 2022; revised May 26, 2022; accepted June 2, 2022.

For citation: Lobodenko, L.K., Perevozova, O.V., Cherednyakova, A.B., & Kharitonova, O.Yu. (2022). Analysis of the representation of environmental issues in the social networks of regional Internet media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 600–614. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614>

Введение

Экологические проблемы, существующие в регионах, способствуют интересу аудитории к тематике данной направленности. Так как в медиапространстве наиболее активна молодежная аудитория, то социальные сети становятся действенным коммуникативным каналом для изучения обратной связи и вовлеченности аудитории в региональные проблемы. В настоящее время большой популярностью пользуются профильные и тематические группы в соцсетях. При этом пользователи социальных сетей объединяются для обсуждения и решения экологических вопросов. По сути, это новый медиаресурс, активизирующий молодежь в контексте «зеленой» повестки¹.

Для региональных интернет-СМИ очень важны контакты с аудиторией через соцсети: концепция информационного взаимодействия отвечает специфике современной информационной среды. Эта концепция лежит в основе трансформации традиционных массмедиа и переходе коммуникаций в интернет. СМИ в данном случае выступают медиатором, дают импульс к активности пользователей. Для интернет-СМИ переход в социальные сети – это расширение и удержание аудитории, актуализация экологической проблематики региона.

Цель исследования – оценить представленность экологической проблематики региональных изданий в социальной сети «ВКонтакте», выявить активность вовлечения молодежной аудитории (через лайки, репосты и комментарии) как показателя поведенческих намерений и социального самочувствия в контексте экологического активизма.

В качестве ведущего метода выбрана статистическая обработка данных экотекстов. Эмпирическим материалом для анализа выступили два сетевых издания – 74.ru и 101.ru. Выбор обусловлен их высокими позициями в рейтинге региональных интернет-СМИ². Изучена информационная деятельность данных изданий в социальных сетях.

Теоретическое обоснование

Следует признать, что у отечественных и зарубежных ученых нет единого подхода к трактовке влияния социальных сетей на поведенческие намерения аудитории, их социальное самочувствие в контексте экологического сознания и активизма. Однако есть различные мнения, касающиеся более общих вопросов. Так, А.С. Анисимова считает, что в современном обществе социальные отношения выстраиваются под воздействием интернета, а общество является индикатором того, насколько упорядочены данные отношения (2016). С приходом интернета социум получил реальную возможность выразить себя и свое отношение к любому вопросу, в том числе и к проблемам экологии. Социальные сети сделали возможным развитие глобального коммуникативного активизма (Bennett, 2003). Произошло социологическое осмысление интернета. Он стал особым типом социального пространства,

¹ См.: Социальные экосети – новый тренд? URL: <http://brandingreen.ru/articles/28.html> (дата обращения: 13.02.2022).

² См.: Индекс цитируемости, первый квартал 2022 года // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru> (дата обращения 30.04.2022).

и именно социальные сети позволили изучить рефлексии как живую и оперативную реакцию на любой тип информации, появляющийся в медиaprостранстве. По мнению Д.Е. Добринской, интернет не просто влияет на социальное поведение, а формирует некоторую степень адекватности аудитории и ее связи с новой реальностью (2016). Т.М. Дридзе в своих трудах (1996) большое внимание в социальных коммуникациях уделяет текстовой деятельности, рассматривая тексты сообщений и тексты комментариев как один из критериев социопсихологии, отражающей настроение общества.

Текст, который размещен в медиасреде, имеет существенные особенности и отличия от традиционных текстов в СМИ. В социальных сетях тексты приобретают поликодовый характер, формируя не только прямые семантические коды, но и скрытые психологические, которые несут в себе не менее ценную информацию о реакции аудитории на прочитанную новость (Дридзе, 1996). Экологическая проблематика в социальных сетях становится отдельным направлением среди всех социальных проблем, волнующих разные слои общественности. Особенно остро на эту проблему реагирует население, проживающее в экологически неблагоприятных зонах и территориях. О.Д. Жбанникова выделяет формы и методы освещения экологических проблем в российских интернет-ресурсах, уделяет внимание особенностям размещения такой информации в социальных сетях (2016).

Темы экологии, региональных интернет-СМИ и социальных сетей активно продвигаются в ряде работ (Karpus, 2018; Лободенко, Баштанар, 2016; Malathi, Radha, 2016; Snook et al., 2015), В. Совакулла (2020), Р. Хань и Ж. Сюй (2020) приводят сравнительное исследование роли межличностного общения, традиционных СМИ и социальных медиа в проэкологическом поведении.

Детальное внимание этим связям уделяют зарубежные ученые (Hynes, Wilson, 2016). Именно интернет влияет на личные ценности и социальные нормы, а социальные медиа играют особую роль в формировании проэкологического поведения. Этот ракурс в современных исследованиях интернет-СМИ и социальных сетей становится лидирующим, так как задача СМИ заключается не только в информировании общества, но и в формировании гражданской позиции, отношения к важным социальным сферам жизни общества. В рамках экологической проблематики медиа важно стать участником не только информационных отношений, но и инструментом активизации общества и молодежи, поскольку проэкологическое поведение, безусловно, формируется под воздействием СМИ (Liu, Li, 2021; Slaughter, 2008). W. Nan и соавт. (2018) утверждают, что оценка пользовательского контента в социальных медиа дает более глубокое понимание проэкологического поведения. Развивает и поддерживает эту мысль Д. Ма, ссылаясь на то, что в социальных медиа информация усиливается через визуализацию и эффективность поликодового содержания текста (2012). Идеи о том, что массовые коммуникации становятся проводником экологической культуры подтверждаются³. Важность социальных сетей в интерпретации новостей при чрезвычайных

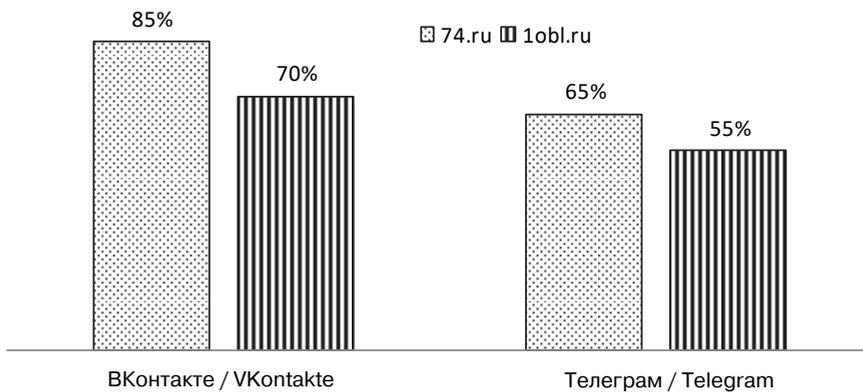
³ См.: Лисовский С. Массовые коммуникации как проводник экологической культуры // Общество и экология. URL: <http://www.ecogazeta.ru/archives/11748> (дата обращения: 29.08.2021).

ситуациях отмечают К. Muniz-Rodriguez и соавт. (2020), о соцсетях как части кроссмедийных новостных привычек пишут R.K. Nielsen и К.С. Schröder (2014).

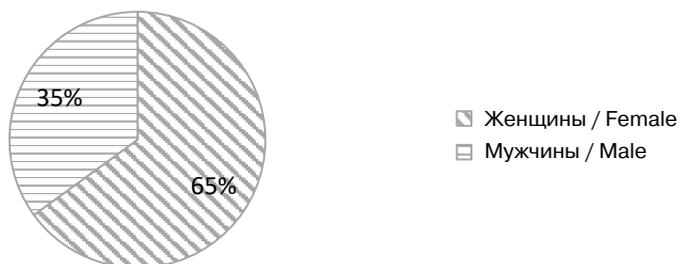
Следовательно, сетевые коммуникации представляют сегодня самостоятельную модель взаимодействия общества и СМИ, а социальные сети вовлекают молодежную аудиторию в решение актуальных экологических проблем.

Анализ вовлеченности аудитории

Для обработки информации использовался сервис аналитики соцсетей и русскоязычный сервис для аналитики профилей Livedune. По данным статистики, сетевые издания 74.ru и 1obl.ru рассматриваются как ресурсы активных социальных коммуникаций молодежной аудитории. Выявлено, что аудитория возраста 18–35 лет в социальной сети «ВКонтакте» составляет 85 % для ресурса 74.ru и 70 % для ресурса 1obl.ru. В Telegram соотношение представлено 65 и 55 %, что подтверждает релевантность предположений о предпочтениях молодежи (рис. 1).

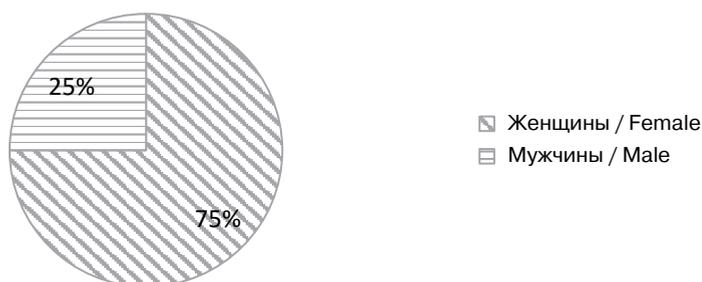
Рис. 1. Процент присутствия молодежной аудитории в социальных сетях изданий 74.ru и 1obl.ru
Figure 1. Youth audience hits of 74.ru and 1obl.ru online publications in social networks

Рис. 2. Процент присутствия мужской и женской аудитории в социальных сетях издания 74.ru
Figure 2. Male and female hits of 74.ru online publication in the social networks

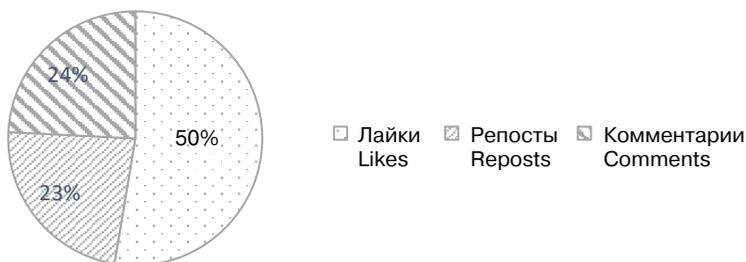
После изучения гендерных характеристик молодежной аудитории отмечено: 65 % подписчиков сетевого издания 74.ru женщины и 35 % – мужчины (рис. 2).

Аудитория 1obl.ru представлена соотношением 75 % – женщины и 25 % – мужчины (рис. 3).

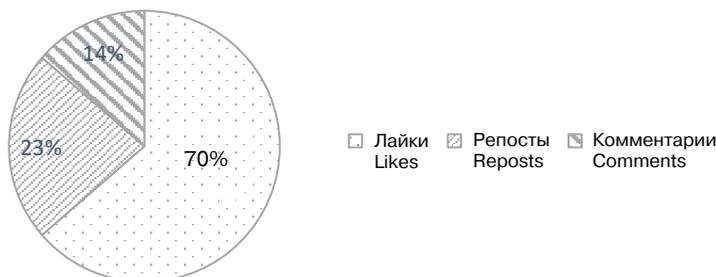

Рис. 3. Процент присутствия мужской и женской аудитории в социальных сетях издания 1obl.ru
Figure 3. Male and female hits of 1obl.ru online publication in social networks

Мониторинг откликов аудитории 74.ru на экологические посты выявил, что 50 % откликов – лайки, 22 % – репосты и 28 % – комментарии. Можно сделать вывод об активных реакциях аудитории, о проявлении интереса к поднимаемым проблемам (рис. 4).

Рис. 4. Процентное соотношение лайков, репостов и комментариев в социальных сетях издания 74.ru
Figure 4. Percentage of likes, reposts, and comments in 74.ru online publication in social networks

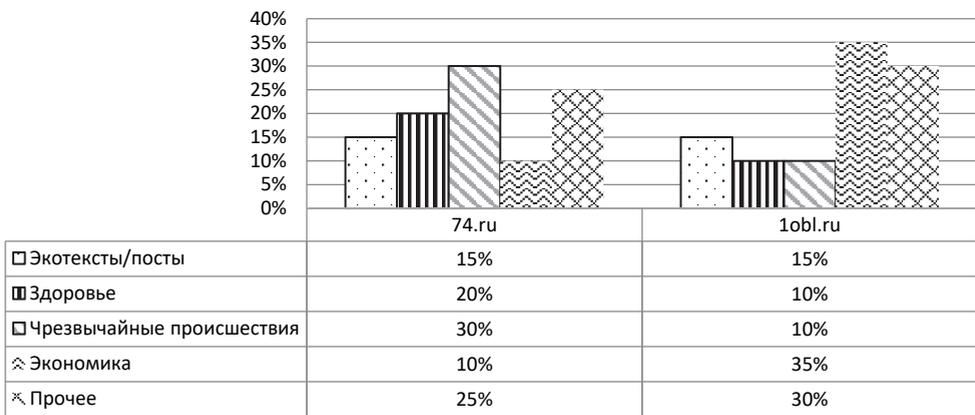

Рис. 5. Процентное соотношение лайков, репостов и комментариев в социальных сетях издания 1obl.ru
Figure 5. Percentage of likes, reposts, and comments in 1obl.ru online publication in social networks

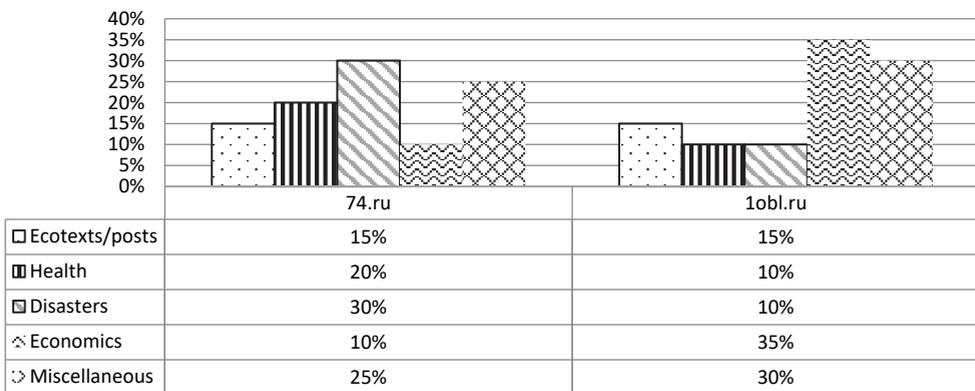
Результаты анализа сетевого издания 1obl.ru показали, что активные реакции аудитории представлены в виде лайков (70 %) – это подавляющее

большинство среди других форм рефлексии. Репостов 23 % и только 14 % комментариев, при этом, вероятно, есть фильтрация комментариев: в последующем анализе контента 1obl.ru в «ВКонтакте» обнаружены позитивные комментарии при отсутствии отрицательных откликов (рис. 5).

Далее проведен содержательный анализ тем и направлений в постах 74.ru и 1obl.ru в «ВКонтакте», чтобы определить место темы «Экология» в проблематике, которую подписчики находят в информационной повестке.

Рис. 6. Охват подписчиков по категориям в социальной сети «ВКонтакте» издания 74.ru

Figure 6. Percentage of 74.ru subscribers in VKontakte social network in different categories

Так, в 74.ru в социальной сети «ВКонтакте» посты экологической проблематики составляют 15 % от всей совокупности тем в информационной повестке (рис. 6). Лидером повестки является информация по чрезвычайным ситуациям (30 % от общего объема повестки), посты о «здоровье» (20 %) и темы, которые можно отнести к категории «Прочее» (25 %). Следовательно, тема «Экология» в постах сетевого издания 74.ru является не самой популярной среди прочего числа информационных материалов.

Анализ 1obl.ru в соцсети «ВКонтакте» показал, что экологические посты занимают не более 15 % от всего объема информационной повестки (рис. 7). Абсолютный лидер – посты по теме «Экономика» (35 %), а также материалы,

которые можно отнести к категории «Прочее» (30 %). То есть в общей совокупности рассматриваемых тем в изданиях 74.ru и 1obl.ru в социальной сети «ВКонтакте» посты экологической проблематики не лидируют, хотя для региона проблемы экологии являются чрезвычайно актуальными.

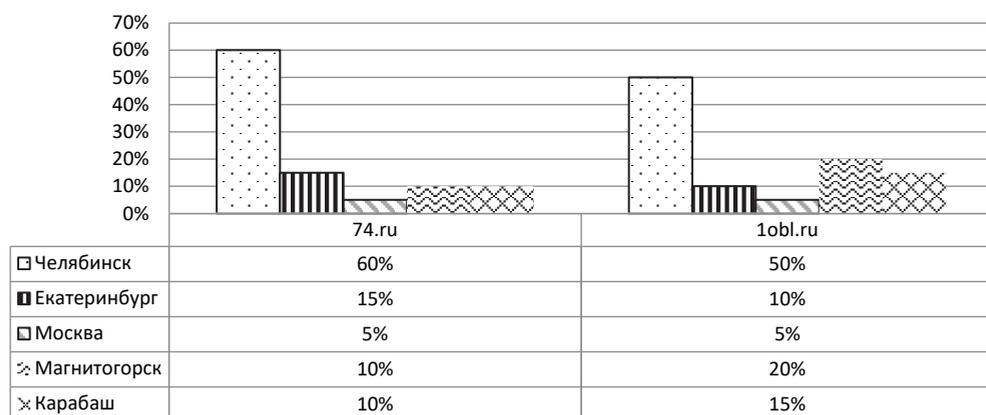

Рис. 7. Охват подписчиков по городам в социальной сети «ВКонтакте» издания 1obl.ru

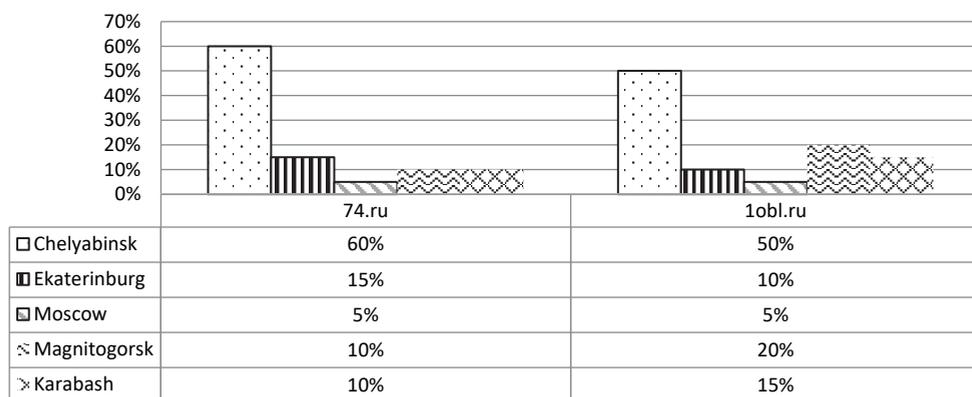

Figure 7. Percentage of 1obl.ru subscribers in VKontakte social network in different cities

Далее был изучен охват подписчиков 74.ru и 1obl.ru по городам. Интерес выявлен у городов с неустойчивой экологической ситуацией (Магнитогорск – 10 % и Карабаш – 10 %), в числе подписчиков на группы 74.ru и 1obl.ru в «ВКонтакте» выявлены представители городов, не входящих в регион, но проявляющие интерес к Челябинской области (например, Москва – 5 %). Также отмечен интерес столицы УрФО (Екатеринбург – 15 и 10 %). Безусловным лидером является Челябинск (60 и 50 %).

Проведена статистическая обработка данных для определения степени вовлеченности аудитории в группу в «ВКонтакте» в целом и вовлеченность в конкретные материалы экологических постов. Анализ сделан по методике расчета коэффициента вовлеченности ER (Engagement Rate) – показатель, отражающий, насколько активно аудитория взаимодействует с контентом, помогающий оценить эффективность контентной политики и коммуникации на конкретной информационной площадке.

В расчетную формулу интегрируются все реакции аудитории (лайки, комментарии, репосты), разделенные на количество подписчиков и умноженные на 100 %. Данный коэффициент показывает степень (рейтинг) вовлеченности аудитории в проблематику материала:

$$ER = \frac{\text{Реакции}}{\text{Подписчики}} 100 \%.$$

Остановимся на конкретном примере расчета ER по отдельному информационному материалу (от 19 января 2022 г., ресурс 74.ru). Публикация посвящена загрязнению озера Шершни в Челябинске канализационными стоками.

В сообществе 328 278 подписчиков, за день пост по экологической проблематике просмотрело 10 000 человек, следовательно, ER за сутки равен 3,04 %, это невысокий уровень вовлеченности аудитории: только 3 % от всего числа подписчиков проявили интерес к экологической проблеме. После сложения лайков, репостов, комментариев получаем $63 + 27 + 26 = 116$, делим на количество просмотров ($116/10\ 000 \cdot 100 \% = 1,16 \%$), получаем коэффициент 1,16 %, который также отражает невысокую степень активности и вовлеченности аудитории. Можно предположить, что аудитория группы 74.ru в соцсети просто «считывает» материал как новость, не включается в обсуждение.

Отдельно следует обратить внимание на лайки, отнесенные к комментариям (отражение косвенной обратной связи). Характер комментариев обладает высокой эмоциональной окрашенностью: реплики и высказывания дополнены смайликами. При этом сами высказывания и реплики имеют высокий уровень поддержки – комментарии сопровождаются большим количеством лайков.

В качестве сравнения возьмем пример расчета ER с ресурса 1obl.ru в группе в соцсети (пост от 21 марта 2022 г.). Материал посвящен загрязнению воды в результате сбросов отходов. В сообществе 85 107 подписчиков, за день пост по экологической проблематике просмотрели 1900 человек, следовательно, ER за сутки будет равен 2,2 %, это невысокий уровень вовлеченности аудитории: только 2 % от всего числа подписчиков проявили интерес к экологической проблеме. При анализе показателей по отдельному посту (число просмотров возьмем за 100 %), уровень ER будет выглядеть иначе.

После сложения лайков, репостов, комментариев получаем 8, делим на количество просмотров ($8/1900 \cdot 100 \% = 0,42 \%$), получаем коэффициент меньше единицы, значит, аудитория группы не включается в коммуникацию. Наблюдается характерная особенность: практически все посты не имеют комментариев. Различные проблемы (мусор, загрязнение воды, воздуха и иные экологические проблемы) не отражают поведенческую и коммуникативную реакцию подписчиков группы. Крайне низкий коэффициент ER за сутки говорит о том, что публика пассивно воспринимает информацию.

Количественный мониторинг показал, что, согласно данным сервиса аналитики социальных сетей Livedune (за период с января по март 2022 г.), на сайте 74.ru лайки и комментарии присутствуют в примерно равном доле

вом соотношении ко всем материалам экологической проблематике. В то же время на сайте сетевого издания 1obl.ru комментарии слабо выражены, преобладают лайки.

В отношении экологических постов максимальную активность выражают пользователи 18–24 лет (35 %) и 25–34 года (28 %). В сравнениях реакций на пост мы установили, что динамика реакций зависит от характера поста (острота проблемы, броский заголовок, нестандартное изображение), при этом лидером реакции остается лайк и репост.

Анализ контента экологической проблематики в социальных сетях

Методика качественного мониторинга материалов с элементами использования поликодового анализа текста показала, что характер и структура постов неоднородны. Отмечено, что по характеру контента в социальных сетях сетевого издания 74.ru преобладают тексты и изображения, в то время как на сайте сетевого издания 1obl.ru материалы контента представлены в виде текстов, изображений и видеоматериалов.

Общий обзор экологической проблематики, представленной на официальных страницах сети интернет-СМИ 74.ru и 1obl.ru, показал, что сохраняется тенденция поддержания интереса к экологическим проблемам, характерным для региона. В частности, более детально изучены новостные ленты по каждой из выбранных групп.

На ресурсе 74.ru характер комментариев имеет ярко выраженную стилистическую окраску: комментарии даны в виде восклицательных и вопросительных предложений. Вопросительное предложение – обращение к читателям поста – это, по сути, риторический вопрос: ответ не подразумевается, но вопрос инициирует дискуссию.

Отличительной чертой рефлексии подписчиков является их взаимодействие в форме диалога, при этом часто наблюдается уход от темы и концентрация внимания на дискуссии уже между участниками комментариев. Также для комментариев характерны сарказм, юмор, ирония. Дополнительно к лексическим и стилистическим оттенкам выражения мнений используются смайлы, как правило, усиливающие эмоциональный характер сообщения.

По поводу новостной ленты по экологической проблематике 1obl.ru в социальной сети можно отметить следующее. Интерес к экологии здесь выражен менее активно на фоне других социальных и экономических проблем региона. За месяц представлено шесть материалов, из них три о загрязнении воды, один о проблемах воздуха и два о мусоре. Характерно стилистически окрашенное выражение мнения через вопросительные (в форме риторических вопросов) и восклицательные предложения (транслируют аффективные состояния). В комментариях отклики в большей степени представлены как диалог между участниками переписки. По семантической направленности ярко выражены ироничные выражения, употребленные в качестве устойчивых оборотов. Достаточно активно использованы смайлы, усиливающие эмоциональный накал. Характер смайлов (улыбка, ирония, смех) выражают недоверие со стороны подписчиков.

Важный аспект изучения экоконтента 74.ru и 1obl.ru – тематическая и смысловая наполненность поста. В заголовках материалов, как правило, определяется ключевая мысль поста. Контрольно-поисковые запросы показали, что в 74.ru при запросе сообщений по слову «выбросы» в заголовке были найдены два поста, включающие это слово. При этом активность просмотра поста была достаточно высокой (более 13 000 просмотров), но индекс вовлеченности (ER) ниже среднего (не более 43 лайков, чуть больше 27 комментариев, около 30 репостов), что говорит о «привыкании» аудитории к такой информации: наблюдается состояние, обозначенное психологами как «усталость сострадать».

Экологическая проблематика привлекает внимание подписчиков, однако индекс вовлеченности меньше нормы, установленной в методике расчетов. Коммуникативная активность разноплановая, выражена различными языковыми способами. Однако существенным отличием обладает характер реакции подписчиков.

В целом комментарии носят разъяснительный или уточняющий характер либо совсем отсутствуют. Самая частотная реакция на посты – лайки. Нет выраженной линии лидерства по экологической проблематике, все темы рассматриваются с одинаковой частотой – одна новость в неделю.

Сравнение информационной повестки 74.ru и 1obl.ru, коммерческого и правительственного медиа обнаруживает следующее. В коммерческих СМИ более выражена тенденция «сгущения красок», особенно при выявлении экологических проблем, материалы с броскими заголовками, устрашающими изображениями, что заставляет публику активнее реагировать – влияние и воздействие ярко выражены. Тональность комментариев эмоциональна, связана с выражением возмущения и негодования от сложившейся ситуации. В государственных СМИ, напротив, наблюдается тенденция «установления равновесия», события и реакции подписчиков гармонизируются. Заголовки конструктивны, нацелены на решение проблем. Эти особенности присущи как официальным сайтам СМИ, так и их информационным публикациям в социальных сетях.

Заключение

В информационном пространстве социальных сетей экологическая тематика региональных интернет-СМИ занимает от 1,9 до 3,3 % в зависимости от остроты конкретной экологической проблемы. В период экологической нестабильности долевое соотношение меняется, в частности значимый рост демонстрируют репосты и комментарии. Затрагиваемая экологическая тематика имеет несбалансированное долевое соотношение материалов с преобладанием таких жанров, как «экологические происшествия», «репортажи с места происшествия», «новостные сюжеты».

В целом у сетевых изданий 74.ru и 1obl.ru в социальной сети «ВКонтакте» невысокий показатель ER по отношению к общему числу подписчиков, не более 2 %. Отмечена более высокая активность вторичных реакций – лайки на комментарии, дискуссии, беседы с авторами, которые уже отреагировали на первоначальный материал. Вторичная активность проявляется в

виде различных семантико-стилистических конструкций (диалог, риторические вопросы, изображения, мемы). В группе 74.ru характер комментариев носит более жесткий и даже агрессивный характер. В группе 1obl.ru комментариев мало, в основном присутствуют лайки и репосты. Характер комментариев лаконичен, нейтрален, подчас имеет позитивную тональность, представленную в виде благодарностей за работу в регионе.

Список литературы

- Анисимова А.С.* Интернет-отношения в современном обществе: проблемы упорядочения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. Т. 30. № 1. С. 58–63.
- Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 21–40. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64>
- Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.
- Жбанникова О.Д.* Формы и методы освещения экологических проблем в российских интернет-ресурсах. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2016. 62 с.
- Лободенко Л.К., Баитанар И.М.* Региональные интернет-СМИ в социальных сетях: трансформация медиаконтента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 69. № 5. Ч. 3. С. 29–34.
- Обухов К.Н.* Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 3. № 1. С. 107–110.
- Селезнев Р.С., Скрипак Р.И.* Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2–3. С. 125–131.
- Bennett L.W.* Communicating global activism: strengths and vulnerabilities of networked politics // Information, Communication & Society. 2003. Vol. 6. No. 2. Pp. 143–168. <http://doi.org/10.1080/1369118032000093860>
- Han R., Xu J.* A Comparative study of the role of interpersonal communication, traditional media and social media in pro-environmental behavior: a China-based study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 6. 1883. <http://doi.org/10.3390/ijerph17061883>
- Han W., McCabe S., Wang Y., Chong A.Y.L.* Evaluating user-generated content in social media: an effective approach to encouraging greater pro-environmental behavior in tourism? // Journal of Sustainable Tourism. 2018. Vol. 26. No. 4. Pp. 600–614. <http://doi.org/10.1080/09669582.2017.1372442>
- Hynes N., Wilson J.* I do it, but don't tell anyone! Personal values, personal and social norms: can social media play a role in changing pro-environmental behaviours? // Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 111. Pp. 349–359. <http://doi.org/10.1016/J.TECHFORE.2016.06.034>
- Karpus Ch.T.* Fifteen minutes of shame: social media and 21st century environmental activism // Villanova Law Environmental Law Journal. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 101.
- Liu Y., Li X.* Pro-environmental behavior predicted by media exposure, SNS involvement, and cognitive and normative factors // Environmental Communication. 2021. Vol. 15. No. 7. Pp. 954–968. <http://doi.org/10.1080/17524032.2021.1922479>
- Ma D.* Visualizing of social media data: mapping changing social networks. Dis. Theses. University of Twente, 2012. 57 p.

- Malathi A., Radha D. Analysis and visualization of social media networks // In 2016 International Conference on Computation System and Information Technology for Sustainable Solutions. IEEE, 2016. Pp. 58–63. <http://doi.org/10.1109/CSITSS.2016.7779440>
- Muniz-Rodriguez K., Ofori S.K., Bayliss L.C., Schwind J.S., Diallo K., Liu M., Yin J., Chowell G., Fung I.C.H. Social media use in emergency response to natural disasters: a systematic review with a public health perspective // *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. Vol. 14. No. 1. Pp. 139–149. <http://doi.org/10.1017/dmp.2020.3>
- Nielsen R.K., Schröder K.C. The relative importance of social media for accessing, finding and engaging with news: an eight-country cross-media comparison // *Digital Journalism*. 2014. Vol. 2. No. 4. Pp. 472–489. <http://doi.org/10.1080/21670811.2013.872420>
- Slaughter L.D. TreeHuggerTV: re-visualizing environmental activism in the post-network era // *Environmental Communication: A Journal of Nature and Culture*. 2008. Vol. 2. No. 2. Pp. 212–228. <http://doi.org/10.1080/17524030802141760>
- Snook K., Duke C., Finch K., Fu K.-W., Tse Z.T.H., Adhikari A., Fung I.C.-H. How social media is used during natural disasters, environmental disasters, and other environmental concerns: a scoping review // 8th Annual Conference on the Science of Dissemination and Implementation in Health. URL: <https://academyhealth.confex.com/academyhealth/2015di/meetingapp.cgi/Paper/7749> (accessed: 09.05.2022).
- Sovacool B.K., Xu X., De Rubens G.Z., Chen C.-F. Social media and disasters: human security, environmental racism, and crisis communication in hurricane Irma response // *Environmental Sociology*. 2020. Vol. 6. No 3. Pp. 291–306. <http://doi.org/10.1080/23251042.2020.1753310>

References

- Anisimova, A.S. (2016). Internet relations in modern society: Problems of streamlining. *Science Journal of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence*, 30(1), 58–63. (In Russ.)
- Bennett, L.W. (2003). Communicating global activism: Strengths and vulnerabilities of networked politics. *Information, Communication & Society*, 6(2), 143–168. <http://doi.org/10.1080/1369118032000093860>
- Dobrinskaya, D.E. (2016). Sociological understanding of Internet: Theoretical approaches to the network analysis. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 22(4), 43–64. (In Russ.) <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-43-64>
- Dridze, T.M. (1996). Social communication as a textual activity in semiosociopsychology. *Social Sciences and Modernity*, (3), 145–152. (In Russ.)
- Han, R., & Xu, J. (2020). A comparative study of the role of interpersonal communication, traditional media and social media in pro-environmental behavior: A China-based study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(6), 1883. <http://doi.org/10.3390/ijerph17061883>
- Han, W., McCabe, S., Wang, Y., & Chong, A.Y.L. (2018). Evaluating user-generated content in social media: An effective approach to encouraging greater pro-environmental behavior in tourism? *Journal of Sustainable Tourism*, 26(4), 600–614. <http://doi.org/10.1080/09669582.2017.1372442>
- Hynes, N., & Wilson, J. (2016). I do it, but don't tell anyone! Personal values, personal and social norms: Can social media play a role in changing pro-environmental behaviours? *Technological Forecasting and Social Change*, 111, 349–359. <http://doi.org/10.1016/J.TECHFORE.2016.06.034>
- Karpus, Ch.T. (2018). Fifteen minutes of shame: Social media and 21st century environmental activism. *Villanova Law Environmental Law Journal*, 29(1), 101.

- Liu, Y., & Li, X. (2021). Pro-environmental behavior predicted by media exposure, SNS involvement, and cognitive and normative factors. *Environmental Communication*, 15(7), 954–968. <http://doi.org/10.1080/17524032.2021.1922479>
- Lobodenko, L.K., & Bashtanar, I.M. (2016). Regional Internet media in social networks: Transformation of media content. *Philology. Theory & Practice*, 69(5, part 3), 29–34 (In Russ.)
- Ma, D. (2012). *Visualizing of social media data: Mapping changing social networks*. Dis. Theses. University of Twente.
- Malathi, A., & Radha, D. (2016). Analysis and visualization of social media networks. *2016 International Conference on Computation System and Information Technology for Sustainable Solutions* (pp. 58–63). <http://doi.org/10.1109/CSITSS.2016.7779440>
- Muniz-Rodriguez, K., Ofori, S.K., Bayliss, L.C., Schwind, J.S., Diallo, K., Liu, M., Yin, J., Chowell, G., & Fung, I.C.H. (2020). Social media use in emergency response to natural disasters: A systematic review with a public health perspective. *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*, 14(1), 139–149. <http://doi.org/10.1017/dmp.2020.3>
- Nielsen, R.K., & Schröder, K.C. (2014). The relative importance of social media for accessing, finding and engaging with news: An eight-country cross-media comparison. *Digital Journalism*, 2(4), 472–489. <http://doi.org/10.1080/21670811.2013.872420>
- Obukhov, K.N. (2008). Network as the social structure: Model of net communication in Manuel Castell's theory. *Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 3(1), 107–110. (In Russ.)
- Selezenov, R.S., & Skripak, R.I. (2013). Social networks as a phenomenon of information society and specific social relations within them. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2–3), 125–131. (In Russ.)
- Slaughter, L.D. (2008). TreeHuggerTV: Re-visualizing environmental activism in the post-network era. *Environmental Communication: A Journal of Nature and Culture*, 2(2), 212–228. <http://doi.org/10.1080/17524030802141760>
- Snook, K., Duke, C., Finch, K., Fu, K.-W., Tse, Z.T.H., Adhikari, A., & Fung, I.C.-H. (2015). How social media is used during natural disasters, environmental disasters, and other environmental concerns: a scoping review. *8th Annual Conference on the Science of Dissemination and Implementation in Health* Retrieved May 9, 2022, from <https://academyhealth.confex.com/academyhealth/2015di/meetingapp.cgi/Paper/7749>
- Sovacool, B.K., Xu, X., De Rubens, G.Z., & Chen, C.-F. (2020). Social media and disasters: Human security, environmental racism, and crisis communication in hurricane Irma Response. *Environmental Sociology*, 6(3), 291–306. <http://doi.org/10.1080/23251042.2020.1753310>
- Zhbannikova, O.D. (2016). *Forms and methods of covering environmental problems in Russian Internet resources*. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лободенко Лидия Камилловна, доктор филологических наук, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). ORCID: 0000-0002-0809-1686. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Перевозова Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). ORCID: 0000-0002-1593-1727. E-mail: perevozovaov@susu.ru

Череднякова Анна Борисовна, доктор педагогических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). ORCID: 0000-0002-5681-8800. e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Харитоновна Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). ORCID: 0000-0001-6124-3055. E-mail: kharitonovaoi@susu.ru

Bio notes:

Lydia K. Lobodenko, Ph.D. in Philology, Director of the Institute of Media and Socio-Humanitarian Sciences, Professor of Advertising and Public Relations Department, South Ural State University (National Research University). ORCID: 0000-0002-0809-1686. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Olga V. Perevozova, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Advertising and Public Relations Department, South Ural State University (National Research University). ORCID: 0000-0002-1593-1727. E-mail: perevozovaov@susu.ru

Anna B. Cherednyakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Advertising and Public Relations Department, South Ural State University (National Research University). ORCID: 0000-0002-5681-8800. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Olga Yu. Kharitonova, PhD in History, Associate Professor of Advertising and Public Relations Department, South Ural State University (National Research University). ORCID: 0000-0001-6124-3055. E-mail: kharitonovaoi@susu.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-615-630

УДК 070

Научный обзор / Review

Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016–2021)

М.Л. Поляков^{1,2} , Н.А. Слепцов³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, корп. 2

²Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД Российской Федерации,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76

³Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

 polyakov-ml@ranepa.ru

Аннотация. Глубокое проникновение интернета в Россию, массовое распространение смартфонов и вступление во взрослую жизнь представителей цифрового поколения привели к существенным изменениям в потреблении медиа последнего пятилетия. Можно констатировать, что поступательные количественные трансформации обернулись качественным цифровым сдвигом. Объемы использования цифровых медиа растут: почти во всех возрастных группах использование мессенджеров, социальных сетей, поисковиков, онлайн-видеосервисов превосходит традиционные медиа. В 2021 г. цифровые платформы заняли восемь первых мест в рейтинге медиаплощадок по размерам аудитории в России. Одновременно с этим наблюдается снижение телесмотрения, растет фрагментация аудитории, а самым популярным видеосервисом в стране стала платформа YouTube. Падает интерес к чтению газет, журналов, прослушиванию эфирного радио. По значимости источников новостей и доверию к ним интернет превосходит телевидение во всех аудиториях. В исследовании приводятся статистические данные, не опубликованные прежде. Комплексный анализ выявленных тенденций развития цифровых медиа позволил сделать концептуальный вывод о качественном сдвиге медиапотребления в России в период 2016–2021 гг.: этот временной промежуток обозначен впервые.

Ключевые слова: медиапотребление, цифровые медиа, медиаплатформы, стриминг, телесмотрение

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 июня 2022 г.; откорректирована 12 июня 2022 г.; принята к публикации – 2 июля 2022 г.

Для цитирования: Поляков М.Л., Слепцов Н.А. Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 615–630. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-615-630>

© Поляков М.Л., Слепцов Н.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The shift in media consumption in Russia: overview of trends 2016–2021

Maksim L. Polyakov^{1,2}, Nikolai A. Sleptsov³

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Prospekt Vernadskogo, bldg 2, Moscow, 119571, Russian Federation*

²*MGIMO University,*

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

³*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),*

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

 polyakov-ml@ranepa.ru

Abstract. The Internet has become omnipresent in Russia due to the mass accessibility of smartphones. Paired with the fact that the representatives of the digital generation are reaching adulthood, the significant changes in media consumption have occurred over the past five years. It can be stated that progressive quantitative transformations have turned into a qualitative digital shift. The use of digital media is growing: the use of messengers in almost all age groups, social networks, search engines, online video services surpasses traditional media. In 2021, digital platforms took the top eight places in the ranking of media platforms by audience in Russia. At the same time, there is a decrease in TV viewing, the fragmentation of the audience is growing, and the YouTube has become the most popular video service in the country. Interest in reading newspapers, magazines, listening to radio is falling. In terms of the importance of news sources and trust in them, the Internet surpasses TV in all audiences. The study provides statistics that have not been published before. A comprehensive analysis of the identified trends in the development of digital media allowed to draw a conceptual conclusion about the qualitative shift in media consumption in Russia between 2016 and 2021: this timeframe is marked for the first time.

Keywords: media consumption, digital platforms, TV audience, streaming media, new media

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 1, 2022; revised June 12, 2022; accepted July 2, 2022.

For citation: Polyakov, M.L., & Sleptsov, N.A. (2022). The shift in media consumption in Russia: Overview of trends 2016–2021. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 615–630. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-615-630>

Введение

Широкое распространение мобильного интернета привело к существенным изменениям в потреблении медиа. Начиная уже с 2016 г. объемы использования цифровых медиа стали стремительно расти и почти во всех возрастных группах уверенно обошли традиционные медиа. Особенно заметен рост охвата цифровых медиаплатформ. Восемь первых мест в рейтинге медиаплощадок 2021 г. по размерам аудитории в России – это цифровые медиа: мессенджеры, социальные сети, поисковики. Их популярность сказалась на самом до недавнего времени стабильном виде медиапотребления – телезрителении. Растет фрагментированность ТВ-рынка: зрители уходят с универсальных каналов на нишевые каналы и видеосервисы, в итоге телевизионные каналы теряют аудиторию, а самым популярным видеосервисом в стране

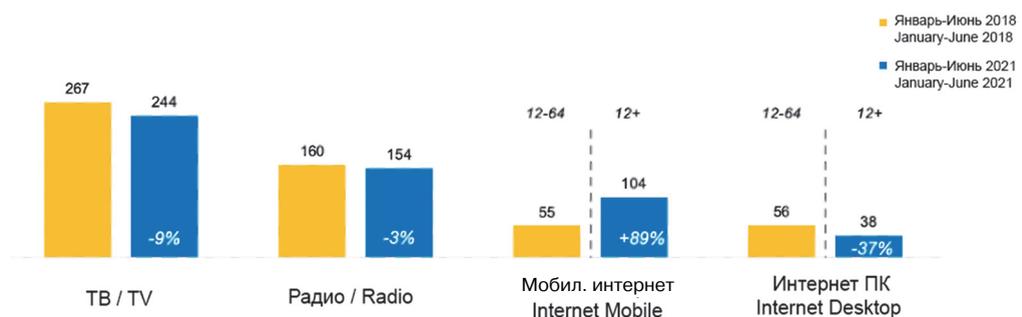
стала платформа YouTube с охватом более 86 млн чел. (MAU¹, аудитория 12–64 лет) (Ачкасова, 2022, с. 11). За ним с большим отставанием следуют еще 20 площадок. Печатная пресса продолжает терять читателей, радио за три последних года также теряет аудиторию из-за роста стриминговых сервисов. Важным изменением в медиапотреблении стало снижение доверия к телевидению. По значимости источников новостей и доверию к ним интернет превзошел ТВ во всех аудиториях.

Методика исследования

Для анализа медиапотребления российской аудитории в 2016–2021 гг. использовались количественные данные из нескольких источников. Основной из них – данные компании Mediascope, подготовленные по специальному запросу одного из авторов статьи М.Л. Полякова в 2021 г., а также найденные в открытых источниках компании. Кроме этого, использованы индустриальные исследования: «Медиапотребление в России – 2020» исследовательского центра компании «Делойт в СНГ»; «Медиапотребление россиян: мониторинг» ВЦИОМ (2021); опрос Фонда общественного мнения (2022); отчет «Российский медиаландшафт – 2021» от «Левада-Центра»²; отчет *Digital 2022: global overview report* (Hootsuite); отчет *Reuters Institute Digital News Report 2020* (Oxford). Сопоставление данных дало конкретную картину качественных изменений.

Медиапотребление в целом

С 2018 по 2021 г. общий объем медиаактивности в России сохранялся на уровне 9 ч. в день (рис. 1). Время, проведенное у телевизора, с 2018 г. упало в среднем на 9 %, больше всего – на 26 % – в аудитории 12–24 лет³. Тем не менее по времени использования ТВ по-прежнему оставалось главным медиаканалом в стране – в среднем 3 ч. 52 мин. в день в 2021 г. Среднее время в интернете – 1 ч. 53 мин. в день (+28 % за последние четыре года).

Рис. 1. Потребление медиа 2018–2021 гг., среднее кол-во мин. в день
Figure 1. Media consumption 2018–2021, average number of min. per day

Источник: по данным Mediascope.
 Source: base on Mediascope data.

¹ MAU (Monthly Active Users) – количество уникальных пользователей за месяц.

² Организация признана иностранным агентом.

³ Подобным образом здесь и далее указывается возраст аудитории.

Значительно выросло использование мобильного интернета (+89 % за 2018–2021 гг.). Первое место по уровню востребованности среди функций смартфона несколько лет подряд занимали мессенджеры: в период пандемии ими стали пользоваться чаще на 40 % (рис. 1). За 2021 г. возросла востребованность приложений социальных сетей (+35 %) и звонков через интернет (+33 %). Снижалось время прослушивания радио (–3 %), чтения газет и журналов (–10 %) (Табакова, 2020, с. 9).

Рис. 2. Охват медиа в разных возрастных группах, % населения
Figure 2. Media reach in different age groups, % of the population

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

К 2021 г. телевидение стало делом тех, кому за 50: охват ТВ в возрастной группе 55+ составляет 81 %. Зрителей в возрасте 12–24 лет – не более 33 % аудитории. В этой группе и у людей до 44 лет доминирует потребление контента со смартфонов – 77–79 %. Охват интернета с компьютеров во всех возрастных группах составляет 46–53 %, кроме группы 55+ (31 %). Охват радио во всех группах примерно одинаков: 52–61 %. Газеты и журналы в центре внимания не более 24 % населения. Прессу больше всего в 2021 г. читали люди в возрасте 35–44 лет (рис. 2).

Рэнкинг самых охватных медиа

Среди первых мест в рэнкинге 2021 г. ожидаемо доминируют цифровые медиа. Самым охватным ресурсом по показателю *ежедневное посещение* (DAU⁴, ПК⁵ + мобил.) стал мессенджер WhatsApp (охват 49 % населения 12+), потом «Яндекс» (охват 45 %), Google (41 %), VK (36 %), YouTube (33 %), Instagram⁶ (30 %), Sberbank.ru (26 %). «Первый канал» с охватом 22 % – лишь на девятом месте, завершает первую десятку телеканал «Россия-1» (21 %). Входят на эти сервисы со смартфонов 78 % пользователей цифровых медиа первой двадцатки. Подобная картина демонстрирует полное замещение традиционных медиа цифровыми по показателю охвата (рис. 3).

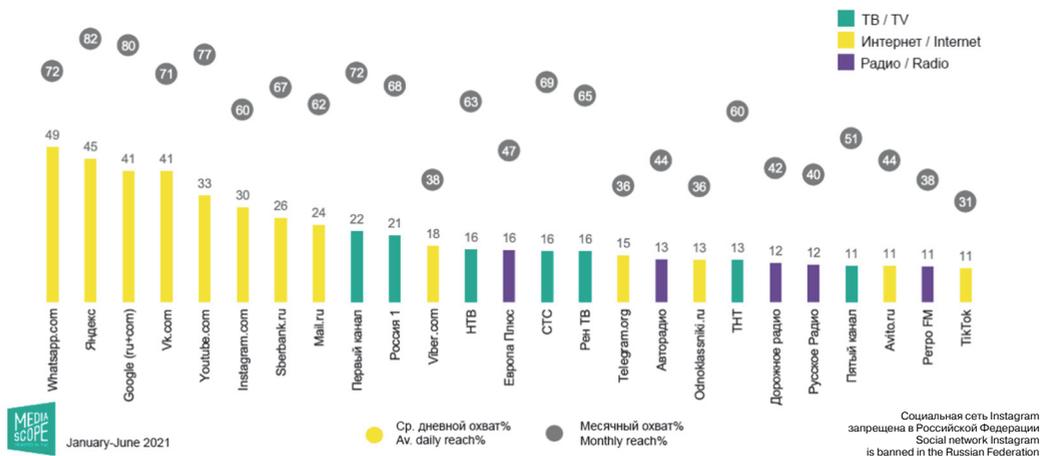
Из восьми самых охватных ресурсов в России семь – цифровые медиаплатформы. Они охватывают преимущественно аудиторию до 40 лет, муж-

⁴ DAU (Daily Active Users) – количество уникальных пользователей за сутки.

⁵ ПК – персональный компьютер.

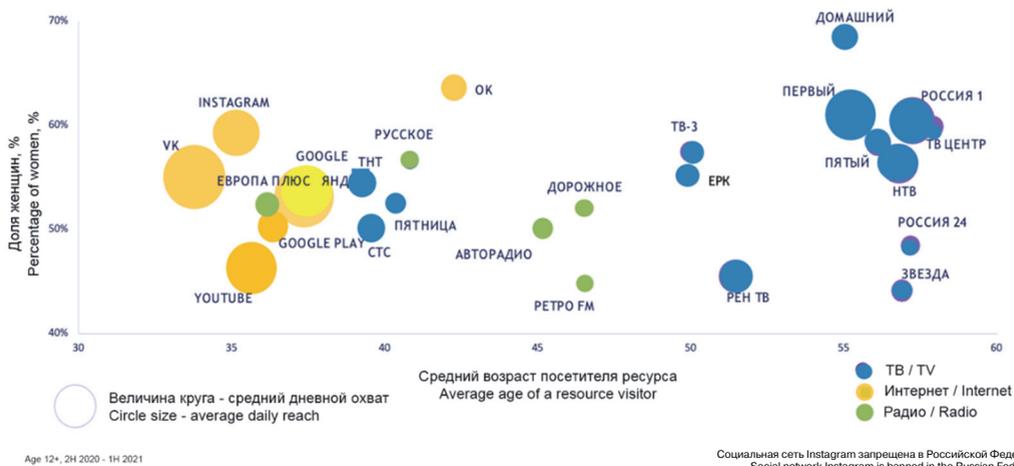
⁶ Социальная сеть запрещена в Российской Федерации.

чин и женщин в равной степени. Телевидение смотрит в основном женская аудитория в возрасте 50+ (рис. 4). Радиостанция «Европа Плюс» сохраняет популярность у молодой аудитории. Слушателям «Дорожного радио», «Авто-радио», «Ретро FM» – около 45 лет. Самая молодая аудитория среди лидеров – у VK, ядро посетителей этой площадки 32–33 года.

Рис. 3. Самые охватные ресурсы 2021, % населения
Figure 3. Top media resources, % of the population

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

Рис. 4. Карта наиболее охватных ресурсов
Figure 4. The graph of the most comprehensive resources

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

Использование интернета

Интернет-охват в 2021 г. составил более 80 % населения 12+⁷. Время, проведенное российскими пользователями в Сети, исследователи оценивают от 220 (Ачкасова, 2022, с. 3) до 472 мин. в день (Кемп, 2022, р. 34). Этот по-

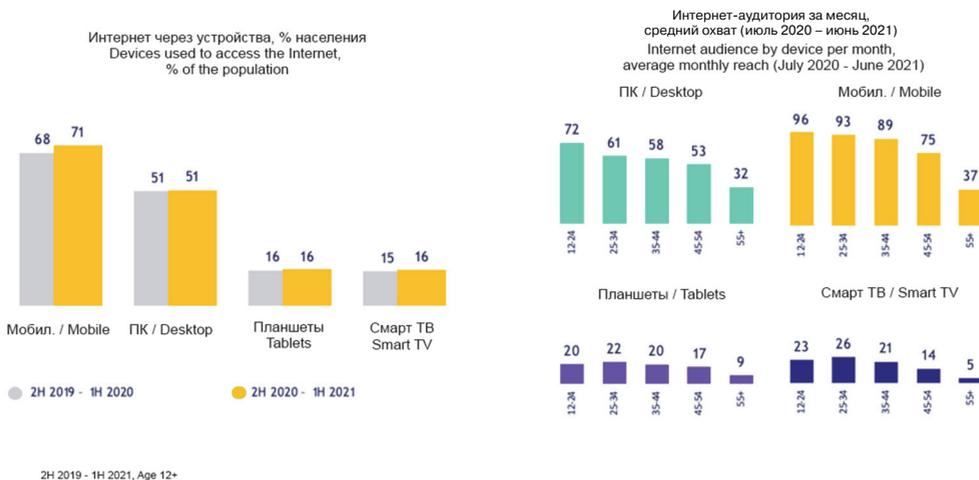
⁷ Рунет 2021: единый измеритель, российский софт и новые правила для иностранных площадок // Sostav. 2021, 27 декабря. URL: <https://www.sostav.ru/publication/runet-2021-51119.html> (дата обращения: 25.06.2022).

казатель в течение последних лет увеличивался во всех возрастных группах на 1–5 % в год. С 2018 по 2021 г. время, проведенное в Сети, в среднем выросло на 30 %. Самыми популярными интернет-ресурсами стали социальные сети, онлайн-видеосервисы, мессенджеры, интернет-магазины.

Доступ в Сеть с разных устройств

Основной способ для входа пользователей в Сеть – смартфон. Доля пользователей мобильного интернета составила в 2021 г. 71 % (в 2018 г. – 56 %). Рост доли населения, использующего для доступа в интернет ПК (51 %), планшеты (16 %) и смарт-ТВ (16 %), оставался стабильным или медленным. В возрастной группе 12–44 лет использование мобильного интернета составляет 90 % и выше (рис. 5).

Примечательно, что представители цифрового поколения (родились в XXI в.) чаще других используют смартфоны для просмотра видеоконтента – 85 % респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (Табакова, 2020, с. 14).

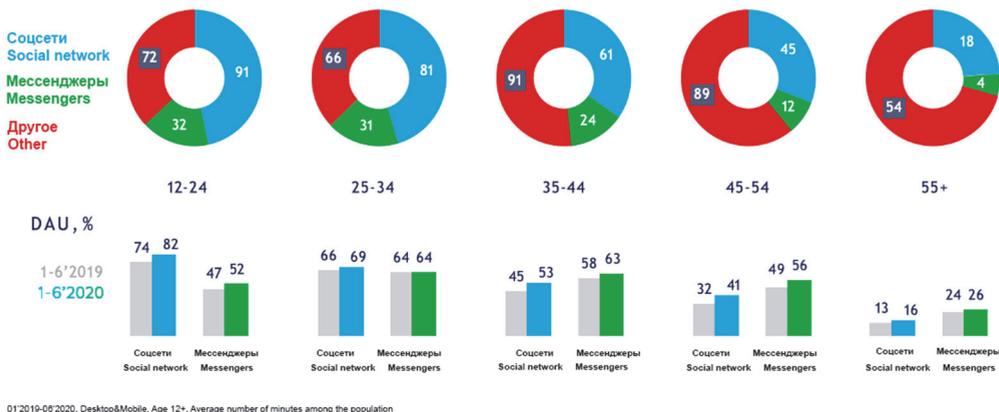

Рис. 5. Проникновение интернета по устройствам, мин. в день
Figure 5. Internet becoming ubiquitous by device, min. per day

Источник: Mediascope
Source: Mediascope

Взаимодействие с интернетом существенно различается в разных возрастных группах – не только время, проведенное в Сети, но и цели входа в нее. В группе 12–34 лет интернет используется преимущественно для входа в социальные сети (47 %) и мессенджеры (16 %), тогда как пользователи старше 55 лет проводят в социальных сетях и мессенджерах только 23 и 5 % времени соответственно (рис. 6).

По сути, для человека со смартфоном в руках основная цель – социальные сети и мессенджеры. Контент этих двух видов медиа является окном входа молодой аудитории в интернет в 60 % случаев, и уже из мессенджеров и социальных сетей пользователи переходят на сайты.

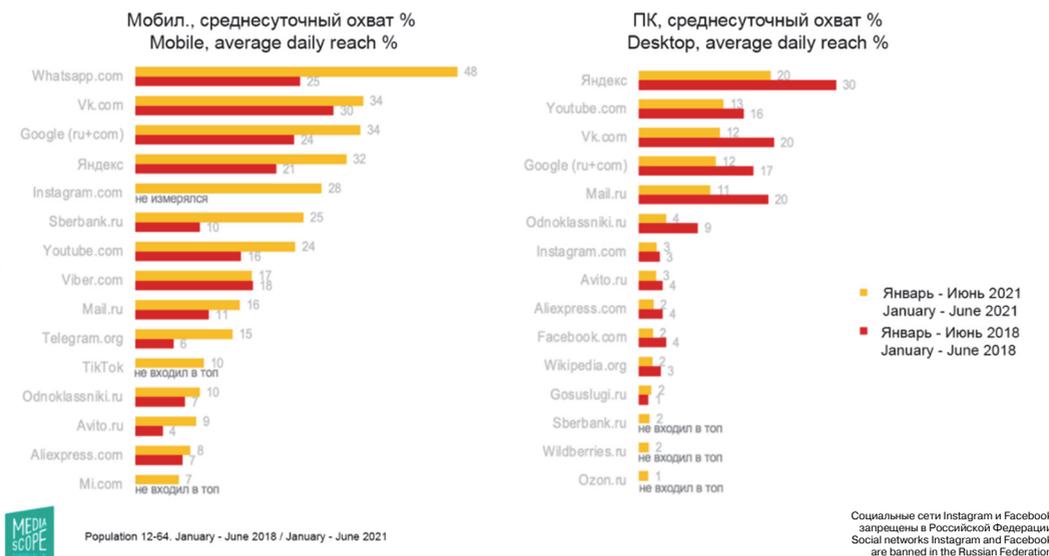

Рис. 6. Потребление интернет-услуг по возрастным сегментам 2019–2020 гг.
Figure 6. Consumption of Internet services by age segments 2019–2020

Источник: по данным Mediascope.
 Source: base on Mediascope data.

Самые охватные сайты

По использованию с мобильных телефонов лидером популярности в России является WhatsApp (охват 48 % в 2021 г., рост за три года +50 %), по заходу с ПК на первом месте «Яндекс» (охват 20 % в 2021 г., –30 % за три года). На втором месте – VK (охват 34 %, мобил.), YouTube (13 %, ПК). На третьем – Google (охват 34 %, мобил.), VK – (12 %, ПК). Рост мобильного потребления в 2021 г. был почти у всех сайтов первой двадцатки, кроме Viber. В то же время наблюдалось отчетливое снижение потребления с ПК по всем площадкам: только «Яндекс» потерял 30 % охвата с 2018 до 2021 г. Наравне с медиа среди лидеров присутствуют «Сбер», AliExpress и портал «Госуслуги» (рис. 7).

Рис. 7. Охват самых популярных сайтов, % населения в возрасте 12–64 лет, 2018–2021 гг.
Figure 7. Reach of the most popular sites, % of the population of 12–64 years old, 2018–2021

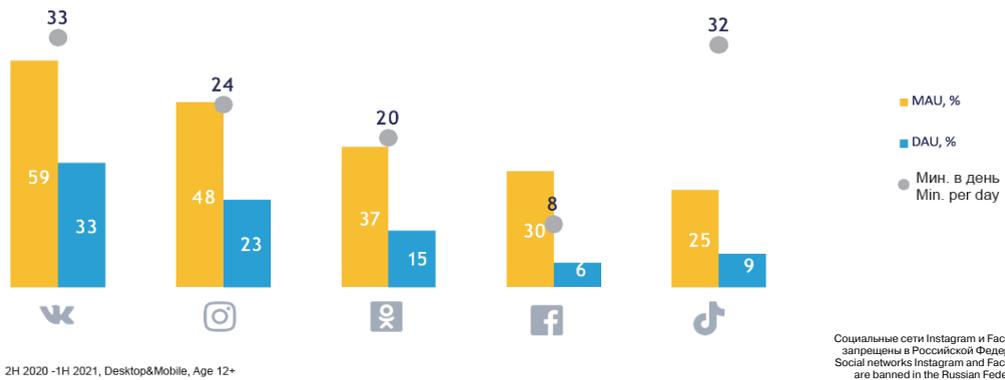
Источник: по данным Mediascope.
 Source: base on Mediascope data.

Использование социальных сетей

Больше половины жителей России имеют аккаунты в соцсетях – хотя бы раз в месяц в соцсети заходит 73 % населения страны старше 12 лет⁸. Лидером в этом сегменте остается платформа VK. С 2017 по 2021 г. аудитория сети выросла на 10 % пользователей – 71 млн в месяц (Краснова, 2021). Рост аудитории сети в последние годы замедлился до 2–3 % в год. Социальная сеть TikTok в 2021 г. в России обошла по популярности Facebook⁹. Ее охват составил 32 % населения страны старше 12 лет, у последней – 28 %.

Пять главных причин, по которым пользователи заходят в соцсети, исследователи в 2021 г. описывали так: быть в курсе новостей (36,5 %); развлечься (35 %); заполнить свободное время (34,4 %); быть на связи с близкими (33 %); опубликовать фото или видео (27,9 %) (Кемп, 2022. р. 97).

Лидером по интенсивности использования в 2021 г. была сеть VK (33 мин. в день), затем Instagram¹⁰ (24 мин.), «Одноклассники» (20 мин.) (рис. 8).

Рис. 8. Интенсивность использования социальных сетей, среднее количество минут
Figure 8. Intensity of social media usage, average number of minutes

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

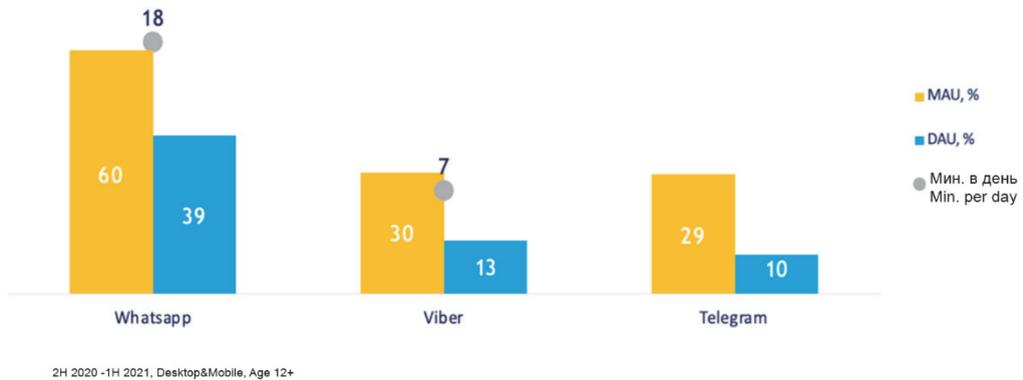
Мессенджеры

Доступ к мессенджерам есть у 79 млн чел. (64 % населения страны), из них 55 млн (45 %) пользуются этими сервисами активно (Табакова, 2020, с. 33). На первом месте по времени использования и числу пользователей в 2021 г. оставался WhatsApp (в среднем 18 мин., ежедневный охват 39 % населения), затем Viber (7 мин., охват 13 %) и Telegram (данные по времени использования отсутствуют, охват 10 %) (рис. 9). Топ-3 самых популярных мессенджеров не меняется уже три года. Причем WhatsApp является самым охватным инструментом в России среди всех медиа – в первом полугодии 2021 г. им пользовалось 49 млн чел. в день (рис. 9).

⁸ Mediascope представила данные об аудитории соцсетей в России // Mediascope. 2021, 9 ноября. URL: https://mediascope.net/news/1379183/?sphrase_id=238239 (дата обращения: 25.06.2022).

⁹ Социальная сеть запрещена в Российской Федерации.

¹⁰ Социальная сеть запрещена в Российской Федерации.

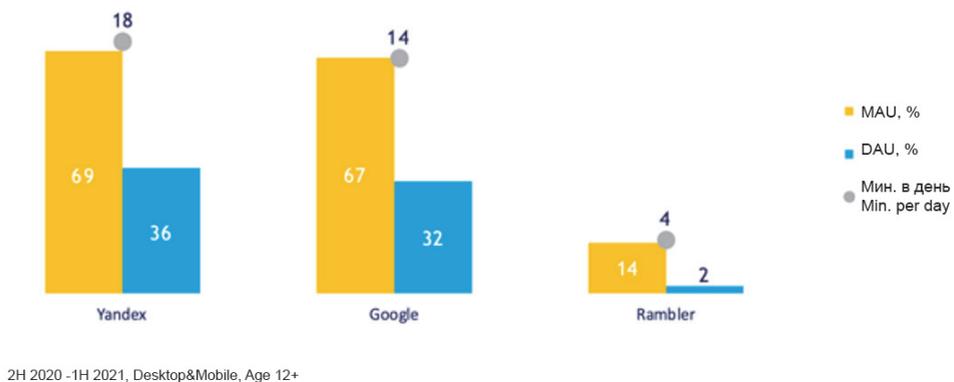
Рис. 9. Интенсивность использования мессенджеров, среднее количество минут
Figure 9. Intensity of messenger usage, average number of minutes

Источник: по данным Mediascope.
 Source: base on Mediascope data.

От 81 до 95 % пользователей заходят в мессенджеры с мобильных устройств.

Поисковики

Поисковики были доступны 87 % населения страны в возрасте 12–64 лет, 43 млн из них пользуются поиском активно. Два основных поисковика – «Яндекс» (охват 36 % всей аудитории 12+) и Google (32 %). Доля Google каждый год росла, а «Яндекс», наоборот, постепенно терял долю рынка поисковых запросов. На рынке поиска присутствует также Rambler, но его ежедневный охват не превышает 2 % (рис. 10).

Рис. 10. Интенсивность использования поисковых систем, среднее количество минут
Figure 10. Intensity of search engines use, average number of minutes

Источник: по данным Mediascope.
 Source: base on Mediascope data.

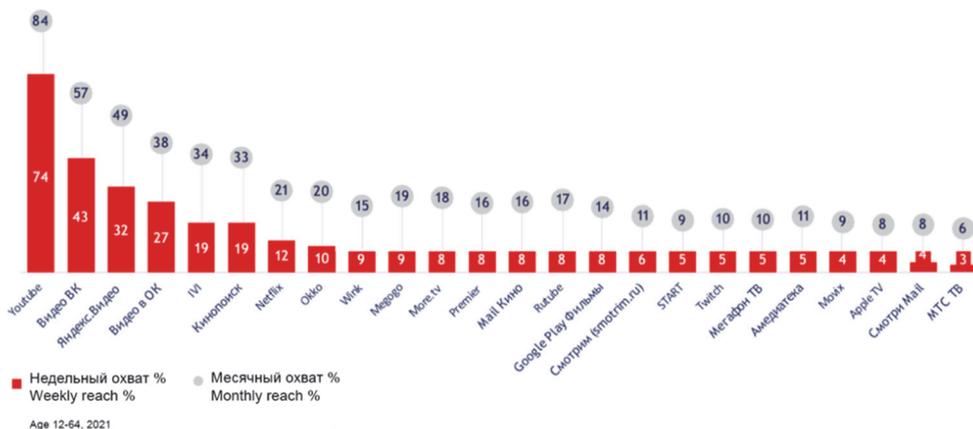
«Яндекс» многие годы удерживает первое место в России по посещаемости – более 63 млн посетителей ежедневно (ПК + мобил.) (Ачкасова, 2022, с. 13). Однако популярность сервисов Google и распространение операцион-

ной системы Android, в которой предустанавливается поисковик Google, позволяет предположить, что Google в ближайшие годы может выйти на первое место.

Онлайн-видео

Использование онлайн-сервисов для просмотра видео в 2021 г. достигло 92 % населения России. Именно столько используют видеоплатформы минимум раз в месяц (MAU), 86 % – еженедельно (DAU). Этот сегмент представлен большим количеством игроков. Как и во многих странах мира, лидером по числу просмотров является видеохостинг YouTube, месячный охват платформы в аудитории 12–64 лет составил в начале 2021 г. 84 % (рис. 11). По этому показателю YouTube опережает «Первый канал», и отрыв с каждым годом растет. На основе данных об охвате и структуре аудитории можно сказать, что для многих слоев населения YouTube и другие видеосервисы стали новым телевидением.

Возможность для пользователей загружать свое видео и обширные библиотеки видеоконтента есть у социальных сетей – VK, «Одноклассников». Эти площадки также самостоятельно организуют прямые эфиры, производят сериалы и программы. «Яндекс» активно развивает свои видеоплатформы, в первую очередь «Кинопоиск». Всего в российском онлайн-видео в 2021 г. работали больше 20 сервисов потокового вещания и OTT¹¹.

Рис. 11. Охват видеоплатформ, % населения в возрасте 12–64 лет
Figure 11. Video platforms reach, % of the population of 12-64 years old

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

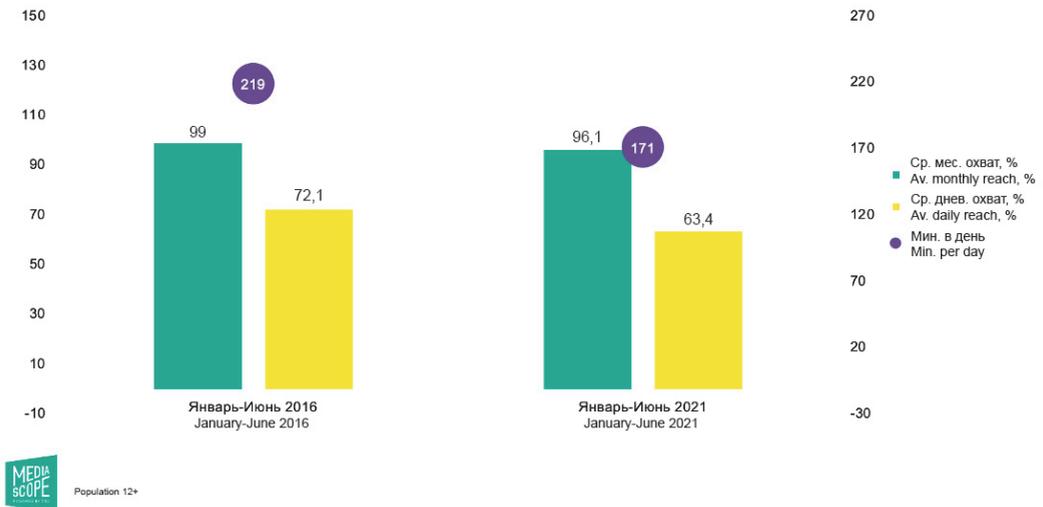
Позитивная динамика доли за последние пять лет (с 2016 до 2021 г.) видна во всех возрастных группах. В группах 4–11 и 25–34 лет доля просмотра видеосервисов за пять лет выросла почти в три раза и достигла 25 % от общей аудитории площадок.

Телесмотрение

Телевидение остается самым популярным по охвату медиа в стране. По данным Mediascope, в 2021 г. 94 % населения смотрело ТВ раз в месяц (MAU), 69 % – ежедневно (DAU), это 84 млн чел. Среднее время просмотра эфирного

¹¹ OTT (Over the Top) – телевидение через интернет.

ТВ в первом полугодии 2021 г. составило 171 мин. в день (на 6 % ниже 2020 г., на 22 % ниже 2016 г.) (рис. 12). Ежедневный охват в процентах от населения за тот же отрезок времени с 2016 г. снизился на 3 %. Эти данные показывают снижение популярности ТВ за последние пять лет по всей аудитории в целом.

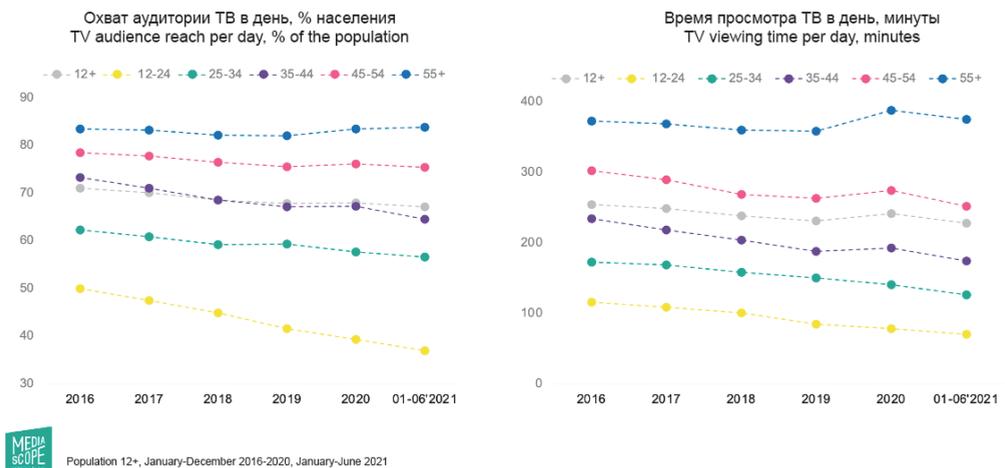

Рис. 12. Интенсивность использования эфирного ТВ в 2016–2021 гг.
Figure 12. TV usage intensity in 2016–2021

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

Профиль аудитории телеканалов

В группе 12–24 лет отчетливо прослеживается снижение ТВ-смотрения, с 2016 по 2021 г. на 40 %. В группе 25–34 лет за тот же период также есть снижение: –27 %. Население в возрасте 34–54 лет стало смотреть ТВ меньше на 21 %, а аудитория 55+ проводила у экрана больше 6 ч. (374 мин.) – столько же, сколько пять лет назад, в 2016 г. (рис. 13).

Рис. 13. Охват и время ТВ-просмотра в разных возрастных группах в 2016–2021 г.
Figure 13. TV reach and time in different age groups in 2016–2021

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

Уход аудитории может быть связан с несколькими причинами. Первая: переход на интернет-просмотр видеоконтента (VOD¹², OTT-видео, стриминговые сервисы). Вторая: потеря интереса к ТВ-контенту у молодой аудитории, а значит, отсутствие притока новых зрителей. Третья причина: фрагментация телесмотрения и переход на нишевые и тематические каналы, их популярность за тот же период времени выросла на 15 %. В целом по поводу развития ТВ «прогноз относительно целевой аудитории пессимистичный: она стареет, и, если ничего не изменится, линейное телевидение в том виде, которое оно имеет сейчас, прекратит свое существование через 15–20 лет» (Волкова и др., 2021, с. 160).

Радио

За 2016–2021 гг. объем аудитории за сутки снизился на 9 % и составляет 55 %, при этом из числа опрошенных 80 % радиослушателей включают радио хотя бы один раз в неделю (Попонов, 2021, с. 2).

Среди группы 12–34 лет, как женщин, так и мужчин, произошел обвал: на 32 % снизился суточный охват слушателей радио (Попонов, 2021, с. 8). Одна из возможных причин – растущий интерес молодежи к аудиостриминговым сервисам. Внимание к информационно-разговорным радиостанциям остается стабильным, в то время как музыкальные радиостанции показывают отрицательную динамику. Один из факторов – многие популярные у молодой аудитории артисты, которые входят в топы чартов на стриминговых площадках, отсутствуют на радио.

Стриминговые платформы – быстрорастущий сегмент в музыкальной индустрии, который в настоящее время является одним из основных способов потребления и монетизации аудиоконтента. По оценкам J'son & Partners Consulting, в 2014 г. продажи цифровой музыки в России составляли 21,2 млн долл.¹³, а уже в 2020 г. исследовательская компания «Аналитик Ресеч Груп» зафиксировала рост более чем в 10 раз: до 246 млн долл.¹⁴

Среди первых музыкальных сервисов в России были «Яндекс Музыка» и «Звук» – обе платформы запустились в 2010 г. К концу 2021 г. аудиостриминг «Яндекса» стал самым популярным сервисом среди российских слушателей, а «Звук» вошел в экосистему «Сбера», но в начале мая 2022 г. компания продала активы новому владельцу. Второе место по популярности в России в 2021 г. занял Spotify – за полтора года работы шведская компания опередила Apple Music, YouTube Music, Deezer, «МТС Music» и Boom. На основе последнего в том же 2021 г. запустился ресурс «VK Музыка» с аудиторией в 4,8 млн подписчиков на тот момент.

¹² VOD (Video on Demand) – видео по запросу.

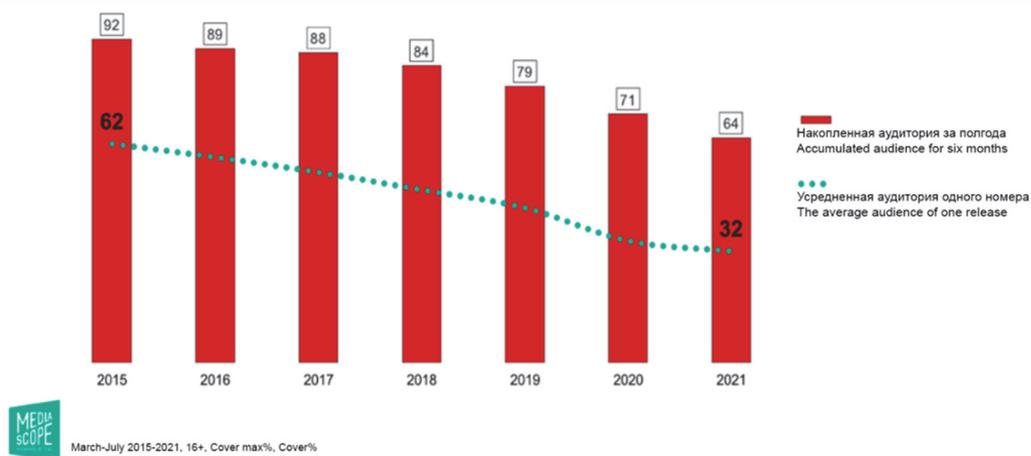
¹³ Музыкальная страна. Рынку стриминговых сервисов в России предсказали четырехкратный рост // DP.RU. 2019, 17 мая. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/24/Stavki_v_pomoshh (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁴ Рынок музыкального стриминга в России составил почти \$250 млн. Маркетинг // RBC.RU. 2021, 17 ноября. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13064/> (дата обращения: 25.06.2022).

Пресса

С 2016 по 2021 г. совокупный охват печатных медиа в России снизился на 50 %, а усредненная аудитория одного номера – почти вдвое. Падение интереса наблюдалась во всех тематиках: как в новостях, так и в развлекательных журналах.

Исследование «Делойт» подтверждает эти данные. Из них следует, что объем чтения печатных СМИ продолжил снижаться и в 2020 г. достиг самого низкого показателя с 2015 г. (рис. 14). В 2020 г. только 38 % респондентов ответили, что читают печатные СМИ хотя бы один раз в две недели, по сравнению с 57 % в 2015 г. (Табакова, 2020, с. 8).

Рис. 14. Аудитория прессы в 2015–2021 гг.
Figure 14. Press audience in 2015–2021

Источник: по данным Mediascope.
Source: base on Mediascope data.

Изменение значимости источников новостей

Выбор источников новостей и их восприятие в современной России связаны со смещением медиапотребления к интернету и цифровым платформам. Этот сдвиг является частью глобального тренда: подобное смещение наблюдается в США, Германии, Великобритании и многих других странах. В ежегодном отчете *Reuters Institute for the Study of Journalism* авторы фиксируют, что телевидение в качестве источника новостей теряло свою значимость во всех развитых странах Европы с 2014 до 2020 г. К примеру, в Дании за этот период падение составило 20 п. п. (Newman, 2020, р. 68). Однако интерес к ТВ в 2021 г. в большинстве стран стал возвращаться после начала пандемии.

В России многие зрители совмещают просмотр телевизора и поиск новостей в интернете. По опросу ВЦИОМ, 53 % опрошенных смотрят ТВ и используют интернет не реже нескольких раз в неделю. Больше всего такой способ получать информацию распространен в возрастной группе 35–59 лет (61–64 %). Однако с 2018 г. данная доля сократилась на 9 п. п. Реже всех взаимодействуют с традиционными медиа представители цифро-

вого поколения и миллениалы. Телевидение называет единственным источником новостей лишь 1 % молодежи (ВЦИОМ¹⁵).

Исследования Фонда общественного мнения также показывают, что роль телевидения как источника новостей снижается. С 2012 до 2021 г. процент людей, получавших информацию из новостей на ТВ, снизился с 92 % до 63 %. За тот же отрезок времени интернет стал использоваться в качестве источника новостей почти в два раза чаще – с 26 до 45 % опрошенных¹⁶.

Еще одно исследование медиаактивности, связанное с поиском новостей, в течение пяти лет проводила компания «Делойт» по выборке 1600 респондентов. Эти опросы зафиксировали падение телевизионного просмотра с 2016 по 2020 г. на 30 п. п., и возврат интереса к ТВ в 2020 г., во время начала пандемии, +28 п. п. Одновременно с этим – рост потребления интернета +345 п. п. (Табакова, 2020, с. 18).

Отдельный сегмент исследования «Делойт» посвящен доверию к источникам новостей. Вопрос из исследования, иллюстрирующий падение доверия к новостям на ТВ и рост доверия к социальным сетям и блогам: *«Если одно и то же событие разные источники информации освещают по-разному (сообщают противоречивые сведения), то на какой из них вы будете ориентироваться прежде всего? Какому источнику информации вы доверяете больше?»* Как видно из ответов, интернет превосходит ТВ по популярности во всех аудиториях и по выбору источника новостей. Причем рост времени, проведенного в интернете, сочетается с ростом доверия не только к официальным новостным интернет-сайтам, но и к социальным сетям. Среди двух ключевых источников новостей социальные сети называет не только молодая аудитория (50–67 %), но и те, кому за 65 (34 %) (Табакова, 2020, с. 21–23).

Во всех трех исследованиях зафиксированы изменения в выборе источников новостей для всех возрастных групп населения: от телевидения в качестве основного источника – к интернету. Наиболее значительное падение интереса к телевидению заметно в аудитории 18–44 лет.

Тенденцию подтверждает отчет от «Левада-Центра»¹⁷: онлайн-издания назвали ключевым источником новостей почти половина опрошенных в возрастных группах 18–24 и 25–39 лет – 45 и 43 % соответственно¹⁸.

Заключение

Под воздействием технологий произошел сдвиг в медиапотреблении: изменились каналы получения новостной информации, развлечений и формы размещения рекламы. Исследователи фиксируют уменьшение времени, проведенного зрителями у телевизора. С 2018 г. оно упало в среднем на 9 %,

¹⁵ Медиапотребление россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021, 3 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 29.02.2022).

¹⁶ Источники информации. Телевидение // Фонд общественного мнения (ФОМ). 2022, 17 февраля. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14688> (дата обращения: 29.02.2022).

¹⁷ Организация признана иностранным агентом.

¹⁸ Российский медиаландшафт – 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/05/rossijskij-medialandshaft-2021/> (дата обращения: 03.04.2022).

больше всего – на 26 % – в аудитории 12–24 лет. С 2016 по 2021 г. топ-15 эфирных каналов потеряли 30 % своей аудитории. В возрастной группе 12–24 лет падение составило 40 %.

Одновременно с этим растет время, проведенное в интернете. С 2018 по 2021 г. оно возросло на 30 % до 153 мин. в день, а для мобильного интернета рост составил +89 %. Первое место по уровню востребованности среди функций смартфона заняли мессенджеры: в период пандемии ими стали пользоваться чаще – +40 % в 2021 г., возросла востребованность приложений социальных сетей +35% и звонков через интернет +33 %. Мессенджеры и социальные сети стали главным окном входа в Сеть для аудитории 12–34 лет. Снизилось время чтения газет и журналов. На место эфирному радио приходят музыкальные стриминговые сервисы.

Восемь первых мест в рейтинге медиаплощадок по размерам аудитории в России – это цифровые медиаплатформы: мессенджеры, социальные сети, поисковики, видеосервисы. Лишь на девятом месте – «Первый канал». По значимости источников новостей и доверию к ним интернет превзошел ТВ во всех аудиториях – и по выбору источника, и по уровню доверия.

Представленные данные показывают, что изменения в медиапотреблении стали результатом проникновения интернета, распространения смартфонов и медиаплатформ, перехода цифрового поколения в когнитивный статус *decision makers*. Количественные изменения привели к качественной трансформации, которую можно квалифицировать как *сдвиг медиапотребления* в России.

Список литературы

- Ачкасова К. Медиапотребление 2022 // Форум «РИФ 2022». Mediascope, 2022. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf (дата обращения: 25.06.2022).
- Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Краснова М. Аудитория ВКонтакте 2021: ежегодный рост продолжается // vc.ru. 2021. URL: <https://vc.ru/vk/279614-auditoriya-vkontakte-2021-ezhegodnyy-rost-prodolzhaetsya> (дата обращения: 25.06.2022).
- Попонов М. Аудитория радио: основные тенденции на локальных рынках // Локальное радио: инновации и перспективы: конференция РАР. Mediascope, 2021. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/20f/Mediascope_PAP_2021_15_06.pdf (дата обращения: 25.06.2022).
- Табаква О. Медиапотребление в России – 2020 // Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. М., 2020. URL: <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotrebienie-v-rossii-2020.pdf> (дата обращения: 25.06.2022).
- Kemp S. Digital 2022: global overview report // Hootsuite. 2022. URL: https://hootsuite.widen.net/s/zcdrtxwczn/digital2021_globalreport_en (accessed: 24.03.2022).
- Newman N., Fletcher R., Schulz A., Andi S., Nielsen R.K. Reuters Institute digital news report 2020 // Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2020. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report-2020> (accessed: 24.03.2022).

References

- Achkasova, K. (2022). Mediapotreblenie. *Mediascope*. (In Russ.) Retrieved June, 2022 from https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf
- Kemp, S. (2022). Digital 2022: Global overview report. *Hootsuite*. Retrieved March, 2022 from https://hootsuite.widen.net/s/zcdrtxwczn/digital2021_globalreport_en
- Krasnova, M. (2021). VKontakte audience 2021: Annual growth continues. *vc.ru*. (In Russ.) Retrieved June, 2022 from <https://vc.ru/vk/279614-auditoriya-vkontakte-2021-ezhegodnyy-rost-prodolzhaetsya>
- Newman, N., Fletcher, R., Schulz, A., Andi, S., & Nielsen, R.K. (2020). Reuters Institute digital news report 2020. *Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism*. Retrieved March, 2022 from <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report-2020>
- Poponov, M. (2021). A Radio audience: Main trends on local markets. *Local Radio: Innovations and Perspectives: Conference. Mediascope*. (In Russ.) Retrieved June, 2022, from https://mediascope.net/upload/iblock/20f/Mediascope_PAP_2021_15_06.pdf
- Tabakova, O. (2020). Media consumption in Russia – 2020. *Deloitte*. (In Russ.) Retrieved June, 2022 from <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotreblenie-v-rossii-2020.pdf>
- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Dung, T.T.T. (2021). Prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>

Сведения об авторах:

Поляков Максим Львович, автор и руководитель магистратуры «Цифровые коммуникации и новые медиа», старший преподаватель, кафедры интегрированных коммуникаций, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы; профессор кафедры международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений. ORCID: 0000-0001-6110-7045. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

Слепцов Николай Андреевич, аспирант, кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-3447-8008. E-mail: nicksleptsov@gmail.com

Bio notes:

Maksim L. Polyakov, Academic Director of Master Program “Digital Communications and New Media,” senior lecturer, Integrated Communications Department, Institute of Social Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of International Journalism Department, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-6110-7045. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

Nikolai A. Sleptsov, postgraduate student, Mass Communications Department, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-3447-8008. E-mail: nicksleptsov@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-631-637

УДК 081

Новый подход к преподаванию русского языка журналистам. Рецензия на книгу: Глазков А.В. Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 490 с.

О.Ю. Печенкина

*Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14*

✉ olya_bryansk@mail.ru

Аннотация. Анализируется учебник по курсу «Современный русский язык» для студентов-журналистов. Отмечено, что автор предлагает новый, основанный на семантике подход. Книга состоит из трех частей: слово, предложение и текст. Каждая часть демонстрирует, как элементы соответствующего уровня участвуют в процессе создания значений. Все примеры для иллюстрации и анализа взяты из современных российских средств массовой информации. Учебник соответствует требованиям государственного образовательного стандарта высшего образования и рекомендован учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника и практикума для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям.

Ключевые слова: современный русский язык, журналистика, семантика, прагматика, текст, когерентность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 мая 2022 г.; откорректирована 14 июня 2022 г.; принята к публикации 30 июня 2022 г.

Для цитирования: Печенкина О.Ю. Новый подход к преподаванию русского языка журналистам. Рецензия на книгу: Глазков А.В. Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 490 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 631–637. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-631-637>

**New approach to the teaching of Russian for journalists.
Book review: Glazkov, A.V. (2022). Semantics:
From word to text: Handbook and practicum for high schools.
Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)**

Olga Yu. Pechenkina

*Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
14 Bezhitskaya St, 241036, Bryansk, Russian Federation*

✉ olya_bryansk@mail.ru

Abstract. The review analyzes a handbook of Russian for journalism students. The author proposes a new approach based on semantics. The book consists of three parts: word, sentence, and text. Each part demonstrates how the items of related level take part in the process of creating meanings. All examples used for illustrating and analysis are from actual Russian media. The handbook is consistent with State Educational Standard for High Education and recommended as manual and practicum for high school students specializing in humanities.

Keywords: Russian, journalism, semantics, pragmatics, text, coherence

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 29, 2022; revised June 14, 2022; accepted June 30, 2022.

For citation: Pechenkinam, O.Yu. (2022). New approach to the teaching of Russian for journalists. Book review: Glazkov, A.V. (2022). Semantics: From word to text: Handbook and practicum for high schools. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 631–637. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-631-637>

Если студент не получает новые знания, он теряет интерес к учебе, мотивацию выполнять задания, перед ним встает вопрос, насколько повторение изученного в школе можно считать получением высшего образования. Разработанный автором нескольких учебников кандидатом филологических наук, доцентом А.В. Глазковым курс «Современный русский язык для медиаспециальностей» этот вопрос снимает: студенты получают действительно новые знания, узнают о логике и структуре языка, понимают, что может стать основой для редактирования текста, расширяют свой профессиональный терминологический запас. Апробированный на отделении «Медиажурналистика» ИОН РАНХиГС курс русского языка отражен в рецензируемом учебном пособии «Семантика: от слова к тексту». Адресуя книгу прежде всего студентам факультетов и направлений журналистики, автор так определяет свою основную задачу: «Сформировать профессиональный подход к языковому знаку, научить будущего журналиста внимательно относиться к языковым выражениям и видеть все значения, которые содержатся в слове, в предложении, научиться понимать, как строится текст»¹. Можно сказать, что это

---

¹ Глазков А.В. Семантика: от слова к тексту: учебное пособие и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 492 с.

учебное пособие, демонстрируя логику языка, учит студентов думать. По словам знаменитого журналиста Анатолия Аграновского, «хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» (Аграновский, 1967, 15).

В теоретическом плане студенты получают не только концептуальное представление о языковой системе, но и знания о теоретических положениях работ российских и зарубежных авторов – лингвистов, логиков, философов. Автор курса опирается на труды Н.Д. Арутюновой, М.А. Кронгауза, Е.В. Падучевой, И.М. Кобозевой, И.Г. Гальперина, Я.Г. Тестельца, П. Грайса, Ф. Реканати, Р.-А. де Богранда и В. Дресслера и др. Об основательности анализа теоретических источников свидетельствует библиографический аппарат учебного пособия: в конце представлены списки: «Учебники и учебные пособия» (25 наименований), «Монографии» (32 наименования), «Статьи» (22 наименования), «Словари и энциклопедии» (5 наименований). Пользуясь этими списками, преподаватели курса и студенты могут расширить свои представления о конкретных теориях, уточнить интересующие вопросы.

Учебное пособие содержит как систематизированные теоретические сведения, так и богатый иллюстративный материал, который позволяет увидеть применение теории в практической деятельности. Безусловным достоинством этого пособия является принцип подбора языкового материала для иллюстраций и текстов упражнений, заданий, тестов. Все примеры найдены автором в актуальных российских СМИ, региональных и федеральных. Как справедливо отмечает С.И. Дерягина, язык журналистики специфичен: «Насыщен речевыми штампами, переносными словоупотреблениями, но не отличается „тяжеловесностью“ и архаизированностью; с другой [стороны] – ему присуща некая „вольность“, отражающая семантические изменения не в самом языке как таковом, а в экстралингвистической действительности» (Дерягина, 2012, с. 105). Работа с журналистскими текстами позволяет показать студентам широкие возможности реализации и трансформации значений, «ошибкоопасные» места, существующие в медиасреде проблемы, связанные с употреблением языковых единиц разных уровней.

Представленный в учебном пособии материал структурно разделен на три раздела в соответствии с тем, что становится фокусом рассмотрения: «Слово», «Предложение», «Текст». В каждом разделе выделены разделенные на параграфы темы, завершающиеся практическими заданиями.

Погружение в вопросы языковой семантики осуществляется постепенно, поэтому в первом разделе основные вопросы рассматриваются традиционно: разводятся понятия «лексическое значение» и «толкование значения слова», показаны различия между денотативным, сигнификативным и коннотативным компонентами. К известным по школьной программе синонимическим и антонимическим отношениям добавляются меронимические, гипонимические, конверсивные и предложенные автором пособия *отношения семантической маркированности*. Новым для студентов будет представление о семантической валентности, которая определяет сочетаемостные возможности слова. Рассматривая связи между словами не на уровне словарного состава языка, а в пределах одного текста, студенты получают знания о том, что создать впечатление о теме текста можно при помощи вы-

писанных из него нарицательных предметных существительных. Новый конструкт, получивший название «семантическая сеть», наглядно демонстрирует рамки, в которых находится автор или редактор текста, воссоздавая текст на конкретную тему.

В первом разделе рассматриваются также вопросы ассоциативных связей, концепта, референции. Последний довольно редко представлен в учебниках, хотя понимание различий между референтным и нереферентным употреблениями помогает при создании текстов.

Раздел «Предложение» является самым объемным в книге, включает двенадцать тем и предлагает посмотреть на основную синтаксическую единицу с новых позиций. Студенты получают знания о пропозиции и полипропозитивности, учатся выделять пропозиции и определять отношения между ними, видят предложение как сложно организованную иерархическую структуру с заполненными и незаполненными валентностями, как семантическую сеть, заданную последовательность грамматических единиц и грамматическую целостность.

В отличие от школьной программы, в предложенном А.В. Глазковым курсе не рассматриваются привычные словосочетания – синтаксические связи определяются в бинарных группах, то есть парах связанных между собой слов, одно из которых может являться служебной частью речи. Названия бинарных групп определяются названиями главных слов в сочетании: именные, адъективные, наречные, глагольные и предложные. Компонент предложения, более крупный, чем бинарная группа, получил название *составляющей*. Названия составляющих – подлежащее, сказуемое и детерминант – совпадают с названиями членов предложения в традиционном синтаксисе, но сами единицы выделяются по совершенно иным критериям. Вопрос о невыраженных составляющих, среди которых выделяются имплицатуры, рассмотрен в последней теме этого раздела, посвященной лингвистической прагматике.

Безусловно интересным и сложным будет для студентов представление структуры предложения в виде схемы особого типа, получившей название *синтаксическое дерево*. Эта модель заимствована автором пособия из генеративного синтаксиса, но адаптирована для студентов, подготовка которых не позволяет выполнить все необходимые действия для построения синтаксического дерева. Введение этого элемента в структуру курса потребовалось автору не для того, чтобы показать сложность лингвистической науки или усилить эвристический компонент на занятиях по синтаксису – эта модель дает студентам представление о том, как между собой соотносятся отдельные входящие в предложение компоненты, как связаны составляющие, чем определен порядок слов. «Читая» такие схемы, студент не только понимает смысл предложения, но и видит – в случае их наличия – ошибки, порождение дополнительных смыслов, не снятую или появившуюся двусмысленность. По такой схеме студенты могут грамотно комментировать порядок слов в предложении или объяснять ошибки в нем. «Использование синтаксического дерева позволит учащемуся сформировать нормальный порядок слов, если предложение инвертировано» (Глазков, Санаи, 2021, 1206). Как показали исследования, такая работа продуктивна не только в процессе обучения носителей русского языка, но и при обучении русскому языку как иностранному.

В рамках раздела «Предложение» вводится понятие *ситуация*, которое рассматривается шире, чем просто отношения между актантами глагола, и предполагает учет модальности.

Особый интерес вызывает раздел «Текст», поскольку практически нет современных вузовский учебников, где была бы четко и последовательно представлена теория текста. Автор пособия вводит понятие *категорий текстуальности*, базовой среди которых названа *категория когерентности*. Формирование представлений о когерентности и когезии позволяет показать текст не как некий конструкт, выражающий определенные смыслы, а как отражение фрагмента реальности (существующей в действительности или созданной в авторском воображении). Знакомство с этим разделом учебного пособия подводит к объяснению, почему одинаково увлекательными (или нет), правдоподобными (или нет) могут оказаться как документальные тексты, так и художественные, в которых представлен мир, максимально не похожий на существующий в действительности. Так же, как в первом разделе, студентам предлагалось увидеть текст в особом ракурсе, составив семантическую сеть, в третьем – предлагается выписать номинационную цепочку, используя полученные знания о референтности и особый тип разметки текста при помощи индексов когерентности.

Важным является вопрос о контексте. Автор вводит представление о напряженности контекста, о его видах – ближнем и дальнем, левом, правом и внешнем. Выполняя контекстную разметку готового текста, студенты приходят к пониманию, какими знаниями должен обладать его читатель (представитель целевой аудитории). Это упражнение позволяет обосновать необходимость внесения редакторской правки в существующие тексты, что лишней раз доказывает возможность практического применения полученных в рамках курса знаний.

Поскольку в тексте может быть представлена не одна, а несколько ситуаций, вводится представление о ситуационной разметке. Она тоже используется как база для редактирования, так как показывает, есть ли пропуски, в какой последовательности представлены ситуации или их части. Сопоставление нескольких текстов, по-разному представляющих одну и ту же ситуацию, иллюстрирует представление о *синтекстуальности* (термин введен А.В. Глазковым) и заставляет студента задуматься о сложности и важности отбора материала при создании собственного текста, о возможности верификации информации, представленной в разных журналистских текстах.

В заключении раздела «Текст» студенты получают основные знания о нарративе, который сейчас активно используется в журналистских, рекламных и PR-текстах.

Теоретический материал в рецензируемом пособии представлен не только в текстовой форме, но и в таблицах и схемах. Схемы *синтаксическое дерево* в разделе «Предложение» показаны в нескольких по степени сложности вариантах. Как было отмечено выше, для каждой темы в пособии составлены задания, по аналогии с которыми преподаватель может создать новые, чтобы провести самостоятельные и контрольные работы.

Учебное пособие «Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов» – один из немногих образцов учебной литературы, представляющих принципиально новый подход к изучению теории русского языка. Пособие адресовано студентам гуманитарных направлений: журналистики, коммуникологии, рекламы, связей с общественностью, филологии, лингвистики. Подход, предложенный А.В. Глазковым в рецензируемом издании, может быть реализован, прежде всего, в журналистском образовании, поскольку «для журналистов русский язык – это в первую очередь профессиональный инструментарий» (Вартанова, 2020, с. 128). Современная ситуация – обилие и доступность информации разного качества, ошибочное представление студентов о возможности самостоятельно освоить по интернет-источникам новые предметы и теории – «требует от преподавателя использовать новые методы обучения, привлекать нетривиальный материал для проведения занятий, добиваясь усвоения и систематизации знаний и формирования и закрепления полезных навыков» (Глазкова, 2018, 134).

В заключение отметим, что учебное пособие представляет новый поворот в лингвистической подготовке будущих специалистов сферы коммуникации. Выстроенная в нем концепция может быть положена в основу нового курса редактирования, что позволит избавиться от интуитивизма процесс принятия решения о внесении в текст правок.

Список литературы

- Аграновский А.А. Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает // Журналист. 1967. № 2. С. 15–17.
- Вартанова Е.Л. Государственный язык в медиапространстве: проблемы культуры речи // МедиаАльманах. 2020. № 2–3. С. 127–129. <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2020.127130>
- Глазков А.В., Санаи А.Р. Синтаксическое дерево как инструмент определения характера порядка слов в преподавании русского языка как иностранного // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 1201–1209.
- Глазкова Е.А. Анализ медиаобраза города как инструмент развития интереса к истории и лингвистике (на примере анализа медиаобраза Новозыбкова) // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: научные доклады участников Международного форума русистов. Брянск: АВЕРС, 2018. С. 133–140.
- Дерягина С.И. Язык современной российской журналистики в преподавании русского языка как иностранного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 1. С. 105–109.

References

- Agranovsky, A.A. (1967). Writes well not the one who writes well, but the one who thinks well. *Journalist*, (1), 105–109. (In Russ.)
- Deryagina, S.I. (2012). The language of contemporary Russian journalism in teaching Russian as a foreign language. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 105–109. (In Russ.)
- Glazkov, A.V. (2021). Syntactic tree as a tool for specifying word order in teaching Russian as foreign language. *Innovation. Science. Education*, (28), 1201–1209. (In Russ.)

- Glazkova, E.A. (2018). The analysis of city media image as an instrument of promoting history and linguistics (using the case of Novozybkov's media image analysis). *Communicative Positions of Russian in Slavic Borderland: Bilingualism and Cross-Language Interference* (pp. 133–140). Bryansk: AVERS Publ. (In Russ.)
- Vartanova, E.L. (2020). State language in the media space: Problems of culture of speech. *MediaAlmanah*, 97–98(2–3), 127–129. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2020.127130>

Сведения об авторе:

Печенкина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, филологический факультет, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. ORCID: 0000-0001-9558-7446. E-mail: olya_bryansk@mail.ru

Bio note:

Olga Yu. Pechenkina, PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department, Faculty of Philology, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. ORCID: 0000-0001-9558-7446. E-mail: olya_bryansk@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-638-644

УДК 654.197

**Ученый-инноватор, творец и созидатель.
Рецензия на книгу: М.И. Кривошеев. Строки судьбы.
Мемуары патриарха телевидения / ред. Г.Е. Иткис,
А.М. Кривошеева, А.К. Карагезьян.
М.: ВегаПринт, 2022. 384 с.**

С.Л. Уразова

*Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова,
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3*

 svetlana.urazova@gmail.com

Аннотация. Необычная по замыслу книга издана к 100-летию советского и российского ученого доктора технических наук, профессора Марка Иосифовича Кривошеева (1922–2018), который внес неоспоримый вклад в развитие ТВ-вещания в мире. Его заслуги и изобретения признаны отечественными и зарубежными техническими специалистами и международными организациями, такими как Международный союз электросвязи. Особенность книги в том, что она основана на личных записях профессора, что представляет главную ценность, позволяя читателю понять точку зрения очевидца событий на разных этапах истории. Эта книга – рассказ ее основного автора (в книге есть дополняющие ремарки-пояснения) о сложном пути становления платформы ТВ-вещания и развития телевидения, прошедшего этапы от младенчества до многопрограммного цифрового интерактивного ТВ-вещания. Есть в ней и вкрапления из личной жизни ученого, начиная с детства, что фокусирует внимание на деловых качествах ученого-инноватора. Представлен анализ аспектов и тенденций развития современного цифрового телевидения, обосновываются важные для формирования личности ученого-исследователя черты характера.

Ключевые слова: история телевидения, цифровое ТВ-вещание, профессор Кривошеев, Международный союз электросвязи, основоположник современного телевидения

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 мая 2022 г.; откорректирована 26 мая 2022 г.; принята к публикации 21 июня 2022 г.

Для цитирования: Уразова С.Л. Ученый-инноватор, творец и созидатель. Рецензия на книгу: М.И. Кривошеев. Строки судьбы. Мемуары патриарха телевидения / ред. Г.Е. Иткис, А.М. Кривошеева, А.К. Карагезьян. М.: ВегаПринт, 2022. 384 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 638–644. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-638-644>

**The scientist-innovator, creator and producer.
Book review: Itkis, G.E., Krivosheeva, A.M.,
& Karagesyan, A.K. (Eds.). (2022). M.I. Krivosheev.
Strings of fate. Memoirs of the patriarch of television.
Moscow: VegaPrint. (In Russ.)**

Svetlana L. Urazova

*Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov,
3 Vilgelma Pika St, Moscow, 129226, Russian Federation*

✉ svetlana.urazova@gmail.com

Abstract. The book, unusual in concept, was published on the occasion of the 100th anniversary of the Soviet and Russian scientist, Doctor of Technical Sciences, Professor Mark Isifovich Krivosheev (1922–2018), who made an undeniable contribution to the development of TV broadcasting in the world. His merits and inventions are recognized by both domestic and foreign technical experts and international organizations, such as the International Telecommunication Union. The peculiarity of the book is that it is based on the personal notes of the professor, which is of particular value, allowing the reader to understand the point of view of an eyewitness to events at different stages of history. This book is the story of its main author (there are supplementary remarks-explanations in the book) about the difficult path of becoming a TV broadcasting platform and the development of television, which has gone through the stages from infancy to multi-program digital interactive TV broadcasting. It also contains inclusions from the personal life of a scientist, starting from childhood, which focuses attention on the business qualities of a scientist-innovator. The review analyzes the aspects and trends in the development of modern digital television, substantiates character traits that are important for the formation of the personality of a research scientist.

Keywords: television' history, digital television broadcasting, Professor Krivosheev, International Telecommunication Union, founder of modern television

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 20, 2022; revised May 26, 2022; accepted June 21, 2022.

For citation: Urazova, S.L. (2022). The scientist-innovator, creator and producer. Book review: Itkis, G.E., Krivosheeva, A.M., & Karagesyan, A.K. (Eds.). (2022). M.I. Krivosheev. Strings of fate. Memoirs of the patriarch of television. Moscow: VegaPrint. (In Russ.) *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 638–644. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-638-644>

Книгу «Строки судьбы. Мемуары патриарха телевидения» следует читать самостоятельно, поскольку пересказывать ее, выбирая самые важные аспекты поэтапного развития телевидения, получается с трудом. Текст мемуаров автора информационно насыщен: сопровождается краткими откровениями членов семьи профессора М.И. Кривошеева, дополняется ремарками-пояснениями о ситуации в стране в разные годы. Здесь же – высказывания отечественных и зарубежных коллег-специалистов из сферы телевидения, проработавших не один год с этим авторитетным ученым и знавших его не понаслышке.

Повествование основано на архивных иллюстрациях и рукописных записях самого патриарха телевидения, которые он собирал и хранил в течение всей жизни, несмотря на непростые житейские ситуации. И в этом бережном отношении к памяти о прошлом, к истории состоявшихся событий проявилась знаковая черта поколения военных лет. Спустя годы, когда профессор Кривошеев уже был председателем исследовательской комиссии по телевидению в Международном союзе электросвязи, эта черта перешла в осознанную установку, что позволило ученому выпустить уникальную по содержанию, фактам и опубликованным документам книгу «Международная стандартизация цифрового телевизионного вещания» (Кривошеев, 2006). В выпуске этого довольно внушительного фолианта вполне четко прослеживаются и прозорливость ученого, планирующего свои дела на годы вперед, и умение стратегически мыслить. За рубежом подобного рода расширенного исследования о многолетнем этапе по созданию цифровой платформы ТВ-вещания не существует: никто из участников событий не собрал подобного архива об этом знаменательном периоде в истории мирового телевидения.

На протяжении 30 лет (1970–2000) этот крупнейший российский ученый и практик – основатель школы ТВ-измерений у нас в стране, автор и соавтор более 350 печатных трудов, включая более 90 отечественных и зарубежных патентов, – бесменно руководил научными и практическими изысканиями в сфере международной стандартизации цифрового ТВ-вещания. Также он непосредственно причастен к созданию многофункционального цифрового интерактивного ТВ-вещания, телевидения высокой четкости (HDTV), наземного и спутникового цифрового вещания, видеозаписи, методов оценки качества изображений, контроля и изменений.

В 2007 г. в Москву приехал старший вице-президент по технологиям американской компании CBS Джозеф Флаерти, который многие годы возглавлял Технический комитет Всемирного вещательного союза (WBU). Выступая на конференции, он, перечисляя отцов-основателей современного телевидения, назвал имена всего четырех человек: Джон Логи Бёрд, шотландский инженер-электрик; А.С. Попов, изобретатель радио; Давид Сарнов, президент компании Radio Corporation of America и профессор М.И. Кривошеев, руководитель 11-й Исследовательской комиссии (телевизионное вещание) одного из подразделений Международного союза электросвязи (Уразова, 2007).

Профессор Кривошеев занимался реформирование мирового ТВ-вещания, разработал специальную концепцию для создания цифровых сетей вещания на базе существующих сетей. В итоге в 1999 г. был принят единый мировой стандарт телевидения высокой четкости (ТВЧ), это было следствием глобального подхода Кривошеева к развитию цифровых систем телевидения. Именно тогда утверждались новые подходы к развитию информационного общества (Уразова, 2011, 2017, 2018).

В цифровой век формат изображения телевидения высокой и сверхвысокой четкости уже активно внедряется в практику национальных индустрий телевизионного вещания разных стран, предоставляя телеаудитории «картинку» высочайшего качества, способную привлечь внимание телезрителей к экранному изображению неотличимому от действительности. Цифровое ТВ-вещание стало первопроходцем на пути к освоению цифровой экономики (Кривошеев, 2018).

Несомненно, избранная стратегия развития телевидения и его продвижение к модели многопрограммного цифрового интерактивного ТВ-вещания, ныне осваиваемой на практике национальными индустриями вещания разных стран, – плод коллективного труда крупнейших по своей квалификации ученых и технических специалистов в мире, которые собрались под эгидой Международного союза электросвязи. Тем не менее роль руководителя в проекте, а тем более столь значимого международного уровня, крайне существенна. Обладая качествами лидера, глубокими знаниями и системным мышлением, аккумулируя достижения и свой опыт в сфере вещательных технологий, профессор Кривошеев консолидировал нередко противоречивые мнения крупнейших в мире специалистов относительно будущей цифровой технологической платформы ТВ-вещания. Ему удалось привести отрасль мирового ТВ-вещания к продуктивным результатам, которые апробируются национальными ТВ-индустриями в цифровой век.

На счету российского ученого-инноватора немало значимых достижений. К примеру, еще в молодости, в 1946 г., студенту Кривошееву удалось впервые получить ТВ-растр на 625 строк на созданном им же блоке телевизионной развертки. Это стало событием в области телевидения, позволило обеспечить качественное изображение на телеэкране на многие десятилетия. И этот стандарт оказался приоритетным во всем мире. Интересны также факты его участия в создании частотного плана нашей страны, предназначенного для распространения и защиты от помех ТВ-сигнала, УКВ-ЧМ-вещания и радиорелейных линий. Первый вариант частотного плана в СССР был разработан молодым М.И. Кривошеевым еще в 1951 г., что позволило начать у нас в стране телевещание во многих городах. Этот же частотный план был использован и при подготовке первой конференции в Стокгольме (1952), когда составлялся частотный план уже для телевизионных станций Европы. А в 2004 г. профессор М.И. Кривошеев возглавил работу первой сессии Конференции региональной радиосвязи, где определялись технические основы частотного плана для развития цифрового телевизионного вещания, подвижных и других служб. Принятие этого частотного плана состоялось в 2006 г. – на второй сессии конференции, на которую профессор М.И. Кривошеев не поехал, мотивируя это тем, что основная важная работа была проведена на первом этапе конференции.

Данные примеры – важные вехи в развитии как национального, так и мирового телевещания, обеспечившие в итоге и новые подходы, и новое видение горизонтов развития информационно-коммуникационных технологий.

Да и перевод аналогового ТВ-вещания на цифровую платформу с учетом внедрения HDTV и UHD TV вылился, с одной стороны, в широкомасштабный инфраструктурный проект мирового уровня, получивший широкий общественный резонанс, с другой – в изменение ракурса стратегического видения процессов цифровых трансформаций. Это подтолкнуло к пониманию ускоряющейся научно-техногенной революции как таковой, а также к активному внедрению цифровых технологий, чья скорость прогрессивных изменений с каждым годом только нарастает. В итоге публичными стали такие термины, как цифровые технологии, цифровая экономика, цифровая цивилизация и даже цифровое общество, правила жизни в котором человечеству еще предстоит выработать.

Доктор технических наук, профессор Кривошеев публиковался в различных научных журналах (2010, 2011, 2016), в том числе «Электросвязь», «Стандарт», Mediavision, «Вестник ВГИК».

Многие достижения удалось реализовать нашему авторитетнейшему во всем мире соотечественнику, который с малых лет был воодушевлен идеей развития телевидения, и ему удалось ее развить. В периодической прессе эти достижения были описаны и ранее, в основном в печатных изданиях технической тематики. Но с приходом в наши дни множества прогрессивных явлений, источником которых являются вещательные, компьютерные и интернет-технологии, данные решения получили распространение в массах, следовательно, пришло время узнать об этих научных и практических достижениях обычным гражданам, не причастным к технологическим изобретениям. В этом плане книга «Строки судьбы. Мемуары патриарха телевидения», недавно вышедшая в свет, становится благодатным источником знаний. Она повествует простым языком о сложных событиях и технологических новациях, способствующих продвижению прогресса в телевизионной сфере. Это голос участника и очевидца, прошедшего путь от постреволюционного и военного времени к жизненным реалиям цивилизационных изменений. И оценка этого диапазона времени участником событий приоткрывает завесу над прошлым, позволяет заглянуть в будущее.

Структурно книга разделена на почти равнозначные три части, каждая из которых охватывает определенные вехи жизни автора повествования. Главы называются «Преодоление» (1922–1946), «Призвание» (1947–1971) и «Признание» (1972–2018). Завершается книга датой ухода из жизни этого талантливого и мудрого человека, ученого-инноватора, стоявшего у истоков зарождения телевидения и сумевшего превратить это чрезвычайно функциональное средство массовой информации в современную многопрограммную цифровую интерактивную инфраструктуру.

Времена меняются, а мечты реализуются благодаря трудоспособности и исключительной ответственности личности при подходе к делу. Профессор М.И. Кривошеев мечтал с помощью вездесущности телевидения, экран-

ного изображения и массовой коммуникации расширить представления современников об окружающем мире, и ему удалось реализовать свою мечту во имя процветания жизни людей.

Список литературы

- Кривошеев М.И. Международная стандартизация цифрового телевизионного вещания. М.: Научно-исследовательский институт радио, 2006. 928 с.
- Кривошеев М.И. Новый подход к цифровому ТВ-вещанию // *Mediavision*. 2010. № 6. С. 4–11.
- Кривошеев М.И. Результаты нового подхода к международной стандартизации цифрового телевизионного вещания // *Электросвязь*. 2016. № 7. С. 23–30.
- Кривошеев М.И. Старт новой Концепции развития ТВ-вещания // *Mediavision*. 2011. № 1. С. 4–9.
- Кривошеев М.И. Цифровое ТВ – лидер цифровой экономики // *Стандарт*. 2018. № 1 (180). С. 14–15.
- Кривошеев М.И. Экран в новом времени // *Вестник ВГИК*. 2010. № 2. С. 4–10.
- Уразова С. Quo vadis – Russian HDTV // *Телецентр*. 2007. № 1 (21). С. 7–9.
- Уразова С.Л. «Наружное» телевидение и «наружный» дневной кинематограф (к вопросу об изменении конфигурации медиарынка) // *МедиаАльманах*. 2011. № 3 (44). С. 16–21.
- Уразова С.Л. Вклад России в цифровое ТВ-вещание // *Вестник ВГИК*. 2017. № 3 (33). С. 146–151.
- Уразова С.Л. О площадной экранной культуре и принципах формообразования ее продукта. Возвращение к истокам // *Медиаскоп*. 2011. Вып. № 2. URL.: <http://mediascope.ru/node/816> (дата обращения: 18.05.2022).
- Уразова С.Л. Цифровое телевидение в поиске семантического прогнозирования // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2018. № 6. С. 235–253. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2018.235253>

References

- Krivosheev, M.I. (2006). *International standardisation of digital television broadcasting*. Moscow: Radio Research Institute. (In Russ.)
- Krivosheev, M.I. (2010). New approach to digital TV broadcasting. *Medievision*, (6), 4–11. (In Russ.)
- Krivosheev, M.I. (2011). The start of a new TV-broadcasting development concept. *Mediavision*, (1), 4–9. (In Russ.)
- Krivosheev, M.I. (2016). Results of a new approach to international standardization of digital television broadcasting. *Electrosvyaz Magazine*, (7), 23–30. (In Russ.)
- Krivosheev, M.I. (2010). Screen in new time. *Vestnik VGIK*, (2), 4–10. (In Russ.)
- Krivosheev, M.I. (2018). Digital TV – the leader of the digital economy. *Standard*, (1), 14–15. (In Russ.)
- Urazova, S. (2007). Quo vadis Russian HDTV? *Telecentre*, (1), 7–9. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2017). Russia's contribution to digital TV-broadcasting. *Vestnik VGIK*, (3), 146–151. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2011). “Outdoor” television and daylight films as a factor changing the media market (to the question of the changing configuration of the media market). *Media-Almanah*, (3), 16–21. (In Russ.)

Urazova, S.L. (2011). On the marketplace of screen culture and principles of formation of its product. *Mediascope*, (2). (In Russ.) Retrieved May 18, 2022, from <http://mediascope.ru/node/816>

Urazova, S.L. (2018). Digital television in search of semantic prediction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (6), 235–253. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2018.235253>

Сведения об авторе:

Уразова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, главный редактор научного журнала «Вестник ВГИК», профессор кафедры киноведения, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова. ORCID: 0000-0003-2264-2859. E-mail: svetlana.urazova@gmail.com

Bio note:

Svetlana L. Urazova, Dr. Sc. in Philology, Associate Professor, Editor-in-Chief of academic journal *Vestnik VGIK*, Professor of Film Studies Department, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov. ORCID: 0000-0003-2264-2859. E-mail: svetlana.urazova@gmail.com